

ЦЕНТР СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Научное издание

ГОДЫ, КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ
М., 2009, 332 стр.

Издание подготовлено при поддержке и участии
Фонда Розы Люксембург

Руководители проекта Петер Линке
 Виталий Наумкин

Научный редактор Ирина Звягельская

Редактор Татьяна Мاستюгина

ГОДЫ,
КОТОРЫЕ ИЗМЕНИЛИ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Книга посвящена периоду постсоветского развития
Центральной Азии, она предлагает анализ трансформа-
ций в государствах региона, ее темпов, особенностей
и перспектив.

Опубликованные материалы отражают точки зрения их
авторов, которые не обязательно совпадают с подхода-
ми руководителей проекта и редактора.

ISBN: 978-5-93660-078-4

ISBN: 978-5-93660-078-4

Москва 2009

© Центр стратегических и политических исследований

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.....	4
Глава 1. ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ?.....	6
Глава 2. ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ	18
Глава 3. ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА: СПЕЦИФИКА СИТУАЦИИ.....	48
РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН.....	48
КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА.....	96
РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН.....	157
ТУРКМЕНИСТАН.....	173
РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН.....	208
ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА: РЕКОМЕНДАЦИИ.....	238
ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНЯЕТ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ.....	241
Глава 4. РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОПЫТ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	263
Глава 5. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	285
ВЫВОДЫ.....	320

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Годы независимого развития государств Центральной Азии были одновременно периодом формирования и эволюции стратегий трансформации, вырабатывавшихся и предлагавшихся как внешними игроками, так и местными элитами. Хотя процессы трансформации еще далеки от завершения, продолжают поиски наиболее оптимальных вариантов ее реализации, и по-прежнему на повестке дня находится подбор научно-обоснованных подходов к этой проблеме.

Анализ результатов трансформации в государствах Центральной Азии, ее темпов и перспектив, ставит специалистов перед необходимостью ответить на несколько базовых вопросов. Каковы активы и пассивы трансформации в Центральной Азии? Что удалось сделать и какой путь еще предстоит пройти государствам этого региона? Насколько отличаются темпы трансформации в отдельных государствах; какое из них имеет больше шансов пройти этот путь с наименьшими потерями? Возможно ли совмещение либеральной модели с местной спецификой, своего рода конвергенция различных подходов в контексте серьезных культурных различий?

В настоящее время можно констатировать, что период транзита, под которым многие исследователи понимают, прежде всего, окончательный разрыв с советской моделью, завершен. Однако из этого не следует, что трансформация как переход к рыночной экономике и к демократии также близится к своему завершению. Очевидно, что местный социум имеет свою специфику, что модернизация традиционных обществ происходит медленно, а проведение реформ в условиях особой стратификации общества и системы выстраиваемых лояльностей может порой привести к неожиданным результатам. С одной стороны, демократические,

на первый взгляд, перемены оборачиваются лишь сменой господствующих элит. С другой стороны, нельзя отрицать и того факта, что постоянно и справедливо критикуемый авторитаризм способен осуществить мобилизацию людей и ресурсов в отсутствие других механизмов, провести реформы сверху и таким образом на определенном историческом этапе сыграть свою позитивную роль.

Авторы этой книги не ставили своей целью дать ответы на все возникающие вопросы. Очевидно, что необходимо продолжать исследование общих и специфических сторон трансформации, ее проявлений в каждом из государств Центральной Азии. Очевидно, что в первую очередь важно привлечь внимание к этим проблемам, попытаться внести вклад в ведущуюся в научных и общественных кругах дискуссию, заинтересовать политиков, ежедневно сталкивающихся с решением прикладных задач, которые могут не вписываться в самые стройные и бесспорные теории.

Эта книга является вторым изданием (исправленным и дополненным) вышедшего в 2006 г. коллективного труда «Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991–2006)», который оказался очень востребованным и вызвал большой интерес. На этот раз книга предлагается читателям на двух языках – английском и русском, что наверняка расширит круг ее читателей за пределами России и Центральной Азии.

В ходе подготовки публикации мы не стремились достичь единомыслия по всем вопросам и постарались бережно отнестись к позициям авторов.

В подготовке принимали участие д.ф.н. А. Зайферт, д.и.н., проф. И. Звягельская, д.п.н. А. Каримова, к.и.н. А. Куртов, Д. Макаров, д.п.н. Д. Малышева, к.э.н. А. Ниязи, д.и.н., проф. К. Сыроежкин, д.и.н., проф. В. Наумкин, В. Шагеев, Р. Шакиров.

Арне ЗАЙФЕРТ
Виталий НАУМКИН

Глава 1.

ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СТОЛКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ?

Трансформация – один из терминов, появившихся в научном обороте в последние полтора десятка лет. Основной его смысл связан с процессами изменений, которыми характеризуются различные состояния социальной, экономической и политической сфер переходных обществ. Однако процесс преобразований в Центральной Азии как нельзя точно подтверждает мысль З. Баумана о том, что «все крупные, действительно существенные перемены в нашем столетии произошли неожиданно, ни одной из них нельзя было предвидеть и дедуцировать заранее из статистических трендов». На практике трансформация Центральной Азии включает в себя многие характеристики понятия «современный конфликт»: борьбу за политическую власть, столкновения из-за перераспределения собственности и доступа к ресурсам, несовпадение мировоззренческих подходов и соперничество вокруг общественно-политической ориентации, исламистский «фундаментализм», региональные столкновения, проблемы национальных меньшинств и межгосударственных границ, экологические катастрофы и вмешательство международных и региональных игроков.

Обозначенные факторы заставляют признать неравномерное течение процессов трансформации, подчеркнувших дифференты анализируемых стран Центральноазиатского региона. Амплитуда колебаний достаточно широка: от мало-

ощутимых результатов в Туркменистане и непредсказуемых в Кыргызстане – до глубоких в Казахстане. Региональные практики демонстрируют отрывочные и эволюционные, разрушительные и мирные способы преодоления прежних политической и экономической систем и формирование новых.

Такова специфика трансформации в Центральной Азии, где произошло совпадение трех взаимообуславливающих проектов: движение советской социалистической системы в западную модель капитализма, создание государства и его системы управления, а также процесс национальной консолидации. По сути эти три направления и составляют уникальное содержание трансформации, сложившейся в условиях, когда для региона становится значимым комплекс проблем глобального развития.

В Таджикистане реформирование советской власти и начало строительства нового государства происходили в ситуации, сравнимой с разгулом стихии, результатом которой стала анархизация общества, противостояние политических элит и гражданская война. Гражданская война в Таджикистане дает все основания сформулировать главный критерий – необходимость осуществления трансформации в мирных условиях.

Выделенный критерий необходимо применять к оценке не только внутренних, но и внешних сил, определяющих стратегию преобразований в этом регионе. Однако критерий «мирных условий», хотя и главный, но не единственный в аналитической оценке центральноазиатской трансформации. Прежде, чем перейти к формулированию всего спектра критериев, представляется целесообразным остановиться на некоторых политических и теоретических аспектах, на которых базируется западноевропейская стратегия достижения демократии и рыночной экономики. Вместе с тем процессы, обслуживающие сформулированную цель, нужно рассматривать в совокупности с политическими и

экономическими субстратегиями, направленными на решение задач создания капиталистической экономики и адекватной политической системы.

Политическая стратегия

Свой стратегический подход в сфере политической трансформации Запад¹ выработывал в ситуации краха мировой социалистической системы и ухода с международной арены ее лидера – СССР. Однако полезно вспомнить, что в основе термина «трансформация» лежит идея о догоняющем развитии. Поэтому действия западного сообщества были мотивированы, с одной стороны, стремлением окончательно уничтожить политические и экономические основы социалистического строя, не допустить его восстановления в любой модификации. В то же время необходимо было предпринять меры для того, чтобы не допустить появления общественно-политического вакуума и одновременно направить развитие на возможно быстрый рост капиталистических производственных отношений и создание новой политической системы по модели «западной демократии».

Следовательно, ситуацию распада необходимо было сначала сделать управляемой, а затем перевести ее в процесс формирования нового сознания и общественных отношений. Осуществить такую работу было невозможно без вмешательства во внутренние дела молодых суверенитетов, что противоречило основополагающему принципу Хельсинского Акта ОБСЕ. Западные политики, решаясь на такое нарушение, опирались на собственный опыт, предполагая, что демократический тип государства, который руково-

¹ Здесь анализируется главным образом западноевропейский подход стран-членов ОБСЕ.

дствуется принципами представительной демократии, верховенства права, разделения властей и прав человека существенно снижает потенциал конфликтности в обществе. Это убеждение нашло отражение в доктрине ОБСЕ о «человеческом измерении», поместившей верховенство закона, соблюдение прав человека, демократии в центр усилий по обеспечению всеобъемлющей безопасности². В документах ОБСЕ «человеческое измерение» определено как ключевой метод в поисках надежного решения по предотвращению конфликта³. «Человеческое измерение» превратилось в согласованный принцип ОБСЕ, признание которого ограничивает государственный суверенитет участников организации в этом пункте. Таким образом, «человеческое измерение» стало определяться как «сердцевина усилий ОБСЕ в деле обеспечения всесторонней безопасности»⁴.

Однако реализация этого принципа на практике привела к столкновению двух разных концепций. В то время как центральноазиатские элиты действуют из убеждения, что к «демократии нужно идти через стабилизацию», западные члены ОБСЕ исходят из понимания, что стабилизация достигается через демократизацию. Хотя оба принципа выражают разные политические программы, им присуща одинаковая ошибка: они не рассматривают демократию и стабилизацию как диалектический процесс, характеризующийся взаимосвязанностью и взаимообусловленностью обоих феноменов. В то время, когда господствующие элиты в Центральной Азии готовы принести демократию в жертву ради сохранения власти, западные политики внедряют методы

² OSCE Meetings on Human Dimension Issues 1999–2000. A compilation of final reports from OSCE Supplementary Human Dimension Meetings and Human Dimension Seminars, Warsaw 2000. P. 7.

³ Там же. P. 4.

⁴ Report of the Chairman-in-Office (Follow-up to Oslo Ministerial Council “Decision on Central Asia”). Vienna, 15 July 1999. P. 4.

«шоковой терапии», принося в жертву стабильность, что, несомненно, вытекает из теоретических обоснований западной политической стратегии.

До середины 90-х гг. XX в. определение западного политического курса сопровождалось оживленной дискуссией вокруг теоретических проблем трансформации. По времени эта дискуссия совпала с обсуждением феномена глобализации и прогнозирования ее последствий. Одним из центральных в этой дискуссии стал вопрос о создании новых национальных государств в условиях глобализации. Исследователей, прежде всего, интересовала необычность совпадения этих двух процессов, стоящих в некоторой оппозиции друг к другу, создавая впечатление их разнонаправленности.

Несмотря на неясность воздействия глобализации на международную политику, внешнеполитическая деятельность западного сообщества строится в большей степени на *постнациональной* концепции. Она придерживается тезиса, что «роль национального государства в результате возросшего значения прав человека и глобализации экономики и общества значительно релятивируется»⁵, его внутренняя компетенция ограничивается целым рядом стратегических приоритетов (человеческое измерение, экономическая и финансовая свобода действий), открывая национальное пространство для вмешательства извне.

В работе «Интервенция во времена независимости» известный немецкий обществовед Эрнст Отто Чемпиль высказался о перспективах и потребностях демократизации как орудия обеспечения безопасности следующим образом: «Ядром процесса демократизации является эмансипация общества от политической системы, конституирование общества как суверена и сведение роли государственного ап-

⁵ Речь министра иностранных дел ФРГ Й. Фишера на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, 22 сентября 1999 г.

парата к субсистеме, обслуживающей общество в целом»⁶. По мнению Э.О. Чемпиля, демократизация должна стать «высшей и главной темой» внешней политики: «Если системы правления в евро-атлантическом сообществе уже демократизированы и развиты, значит, повсеместно созданы условия и предпосылки для реализации принципов Атлантического сообщества; если затем решена проблема всесторонней безопасности, то перманентно обеспечены и стабильность, и отказ от насилия. Ненасильственное вмешательство для демократизации всех систем правления должно стать ядром внешней политики в мире обществ»⁷. В какой степени эти тезисы применимы к центральноазиатской проблематике?

Здесь надо учитывать, что через ОБСЕ центральноазиатские государства и их общества де-факто попадают в круг евро-атлантической системы, требования которой существенны для Запада. Отсюда вытекают оценки, рекомендации и методика воздействий на процессы преобразований в центральноазиатских государствах.

Немаловажное место в теоретических дискуссиях заняла теория о «дилемме одновременности трансформации». Она доказывает, что на постсоветском пространстве синхронизированы три этапа исторического процесса: (1) возникновение национального государства через (2) капитализм к (3) демократии⁸. Создатель этой теории К. Оффе пишет: «Единственное условие, при котором рыночная экономика и демократия, навязанные обществу *извне*, могут быть одновременно трансплантированы и успешны, – это, если они будут гарантированы длительным сроком между-

⁶ Czempiel E.O. HSFK-Report 2/2000. Frankfurt am Main. P. 20.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Оффе К. Туннель в конце света, исследования политической трансформации на новом Востоке. Кампус–Франкфурт-на-Майне–Нью-Йорк, 1994. С. 65.

народной зависимости»⁹, как это показывают примеры Германии и Японии. «Введение рыночной экономики и демократии в постсоветские общества является “политическим” проектом... Однако не исключено, что демократия и рыночная экономика могут быть не восприняты большинством населения в качестве желанной перспективы. Если эти прогнозы окажутся верными, тогда мы получим “ящик Пандоры”, переполненный парадоксами, с которыми никакая “теория” перехода справится»¹⁰. К. Оффе приходит к заключению: «Именно потому, что (старая) система застряла, необходимо взяться за все одновременно: ничего не может остаться по старому»¹¹.

Обзор методов реализации трансформационной стратегии в Центральной Азии (и не только там) показывает, что рекомендованное К. Оффе «фронтальное наступление»¹² на все области политической, экономической и социальной жизни обществ региона удовлетворило западное сообщество и было им воспринято как инструмент трансформации. Приоритетными его звеньями являлись: «революционное установление класса предпринимателей»¹³, стремительная приватизация бывшей государственной или коллективной собственности, введение инструментов рыночной экономики, демократия как основной принцип политического правления, смена элит и другие задачи, порождаемые уже перечисленными. В кон-

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же.

¹² Министр иностранных дел США М. Олбрайт заявила во время визита в Узбекистан в апреле 2000 г.: «Часто медленные реформы прикрывают отсутствие реформ. Горькую таблетку лучше проглотить целиком» (“The best way to take a bitter pill is simply to swallow it whole”) – Speech by the Secretary of State, Madeleine K. Albright, University of World Economy and Diplomacy. Tashkent, April 7, 2000.

¹³ Оффе К. Указ. соч. С. 60.

цептуальном плане предложенные меры соответствовали модели «открытого общества», предполагающего высокую степень индивидуализированности и лояльного отношения к государству. Однако насколько соответствует эта апробированная методика центральноазиатской действительности?

1. Общественный фон трансформации. Как представляется, в анализируемом регионе господствующая форма общественного сознания является традиционно-патерналистской, частично донациональной. Объектом коллективного сознания преимущественно сельского населения является не столько уже появившийся в городах носитель гражданских прав *citoyen*, сколько *avlod* – группа, большая семья, регион. Доминирующая форма сознания соответствует «конфликтующему обществу, разделенному по группам интересов»¹⁴, противоположному «национальной команде» (*national team*), которая на Западе слита в ядро «идеального представления о ценности государственного порядка»¹⁵. Таким образом, в Центральной Азии вместе с формированием государства возник феномен *ретрадиционализации* общества. Вместе с этим оба процесса испытывают влияние ислама, который, невзирая на советскую интернациональную политику, не только сохраняет здесь свое значение, но и существенно влияет на процессы формирования национального сознания и национальной идентичности. Параллельность действия современных элементов в ходе складывания общества приводит к социальным противоречиям, уже проявившимся ранее в исламских развивающихся странах и вызвавшим в них ретроградные фундаменталистские процессы.

2. Авторитаризм правящих элит. Эти группы оказались лицом лицу с трудностями, возникшими в ходе транс-

¹⁴ *Senghaas D. Zivilisierung wider Willen, Suhrkamp Verlag. Frankfurt am Main, 1998. S. 177.*

¹⁵ *Ibid.*

формации различной глубины и интенсивности. С одной стороны, трансформация, продвигаясь к рыночной экономике, фрагментирует и политизирует центральноазиатские общества, с другой, правящие режимы оказались не в состоянии создать соответствующие институциональные рамки для амортизации последствий динамичных перемен. Запад толкает их в сторону восприятия и применения его испытанных способов и механизмов регулирования общественных процессов. Но способность и готовность к такому восприятию ограничена у центральноазиатских элит как субъективными, так и объективными факторами. Это можно объяснить их зависимостью от вышеописанной патерналистской структуры с присущим ей способом управления – общественная «пирамида» с сильной личностью во главе, оберегающей эту систему с помощью иерархических связей, покоящихся на традиционной лояльности и материальных интересах. Эта система связей легитимизирует политическую власть, но и препятствует созданию в обществе независимых гражданских и политических учреждений.

Кроме того, процессы трансформации и особенно борьба за собственность и доступ к естественным ресурсам еще более углубляют фрагментацию общества. Такие понятия, как внутренняя и внешняя стабильность и безопасность рассматриваются новыми элитами, главным образом, с субъективных позиций. Тем самым еще более ограничиваются возможности создания независимых гражданских и политических учреждений. Поэтому, когда речь заходит о стабильности и безопасности, нередко обнаруживается, что участвующие в процессе стороны вкладывают в эти понятия каждая свой, выгодный ей, смысл и преследуют, в конечном счете, различные цели.

3. “Фактор ислама”. Вместе с установлением независимости центральноазиатских государств, трансформацией их политических систем значительно изменилось положение

ние ислама в регионе. Как один из главных элементов сознания большинства местного населения, а также системы социальных отношений, связей и норм ислам объективно становится конституирующим фактором формирования государства. Поэтому при анализе складывающейся реальности и ее институциональных форм нельзя не учитывать фактор религии. В этом смысле специфика нациестроительства молодых государств характеризуется тем, что доминирующая религия «становится частью государства». Происходящее «огосударствление ислама» указывает на наличие у него перспектив, самым тесным образом связанных с общим процессом институционализации новой государственности. Отсюда вытекает вывод, что любые внешние силы, стремящиеся взять под контроль трансформационное пространство, прямо или косвенно соприкасаются с религиозными доктринальными установками, под воздействием которых находится большая часть населения региона и его политические элиты.

На этом рельефном фоне заметнее становится тенденция дистанцирования от политики Запада и отход от рекомендуемой им общественной модели. Западная концепция демократизации исходит из задач, которые в условиях верховенства права нужно выполнить, созидая «открытое общество». Соответственно она опирается на правила и инструменты, выработанные в ходе своего исторического опыта в соответствии с преобладающими в западном обществе формами сознания и политической культуры.

Если при определении критериев трансформации центральноазиатских политических систем руководствоваться этой логикой, тогда нужно исходить не из условий общества «открытого типа», а иметь в виду конструкцию «закрытого типа». Закрытого, потому что оно пока не освободилось от своей привязанности к партикулярным структурам, кланам, регионам, лидерам, а нередко и от донационального

общественного сознания. Все эти признаки и характеристики напрямую связаны с вопросом о том, как должна выглядеть репрезентативная демократия в таких условиях и, соответственно, каким целям должна служить политическая система. Должны ли оба проекта копировать западную общественную модель, или строиться как «демократическое конституционное государство с местным азиатским колоритом»¹⁶? Как должно выглядеть современное демократическое, правовое центральноазиатское государство?

На эти вопросы пока нет ответа ни в западных концепциях, ни в представлениях господствующих центральноазиатских элит, которые нередко используют постулат о несовместимости специфики «восточного общества» с западной демократией. К такому же роду отговорок авторитарных режимов относится и аргумент «стабильность важнее, демократия потом».

Отмеченное подчеркивает исключительную важность проблемы оценочных критериев трансформационных стратегий в политической области. Выдвигая этот тезис в центр дискуссии, авторы данной монографии сознают, что в регионе пока еще не созданы в полном объеме общественно-политические предпосылки, которые могли бы оцениваться по критериям¹⁷ западной политической системы (демократия как принцип политического порядка, правовое государство, контроль и ограничение власти). Но в то же время отрицание демократии и авторитарный порядок правления господствующих режимов *уже не соответствует потребностям и возможностям* текущего момента и, тем более, перспективе развития государств Центральной Азии. Определенная часть западного демократического опыта вполне

¹⁶ Ibid. С. 188.

¹⁷ Bertelsmann Stiftung, Bertelsmann Transformation Index 2003, Verlag Bertelsmann Stiftung. Gütersloh, 2004.

применима, ибо центральноазиатские общества для этого подготовлены и достаточно зрелы. Скрытый призыв к использованию западного опыта содержится в нерешенности социально-экономических проблем, возникших в рамках экономической трансформации и выдвигающих требование не только предвидения, но и выработки способов преодоления угрозы возникновения новых противоречий в обществе. Регион вступил в критическую фазу и у центральноазиатских правительств нет другого пути, кроме преодоления застоя, а в некоторых случаях и отката в политической области.

Для Центральной Азии ключевым вопросом трансформации политических систем является развитие *своей* демократии, такой формы представительной демократии, которая соответствует социальной структуре, складу населения и *его* пониманию политической культуры.

Итак, главными категориями критериев для нашей оценки стратегии трансформации в политической области являются:

- сохранение мирных условий для нормального функционирования общества;
- причинная связь между трансформацией и повышением конфликтности в рассматриваемых обществах;
- воздействие стратегии трансформации на консолидацию национальных государств.

Глава 2.

ИЗМЕРЕНИЯ РАЗВИТИЯ: ИДЕОЛОГИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Наша работа посвящена изучению трансформации центральноазиатских обществ и связанных с ней вопросов безопасности. Тем не менее в ходе этого исследования обозначились две методологически важные позиции универсального характера в измерении общественных перемен и конфликтности. Первая базируется на ценностях неоллиберализма, вторая – на принципах устойчивого развития (*sustainable development*). Однако оценки прогресса и безопасности в этих теориях не только не совпадают, но и противопологаются друг другу. По сути это две разные точки зрения на решение современных проблем, две разные цивилизационные парадигмы.

Хотя обе идеологии сформировались к концу 1970-х гг., доминирующее положение в мире заняла неоллиберальная¹⁸. Вдохновителями нового курса были Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, теоретики Чикагской экономической школы, часть профессуры, преимущественно из университетов США и Великобритании, Председатель Федеральной резервной системы США Пол Волкер, а также ряд других политиков, финансистов и представителей крупного бизнеса. Позднее, в 1989 г., неоллиберальное направление экономиче-

¹⁸ См.: Харви Дэвид. Краткая история неоллиберализма. М.: Поколение, 2007. (*David Harvey. A Brief History of Neoliberalism. Oxford University Press. 2005*).

ской мысли, переросшее уже в некое подобие философии развития мировой цивилизации, получило название «Вашингтонский консенсус»¹⁹. Его сторонники, провозгласившие *дерегулирование, приватизацию и свободный рынок* локомотивами прогресса, дружно взялись за переустройство мира, как только начала рушиться советская система. По планете началось стремительное распространение глобализма, который представляет уже не только геоэкономику и

¹⁹ Автор выражения «Вашингтонский консенсус» – экономист Института международной экономики в Вашингтоне Джон Уильямсон (John Williamson) – использовал его лишь для обозначения согласия между Казначейством Соединенных Штатов, МВФ, Всемирным Банком и некоторыми влиятельными мозговыми центрами, по поводу определенных макро- и микроэкономических мер для развивающихся стран, в основном Латинской Америки, которые, попав в долговую петлю, остро нуждались во внешних кредитах. Причем тогда, предлагаемая для них реструктуризация экономики акцентировала внимание на важной роли правительств в качестве дополнительного рыночного компонента, а консенсус фактически был нацелен на страны, которые уже имели рыночную экономику или находились на пути перехода к ней. Причем, как отмечает бывший вице-президент Всемирного банка, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, вопрос относительно фактического существования «Вашингтонского консенсуса» стоял всегда. «Был ли консенсус достигнут, или это только намерение, удачно мотивированная попытка? На самом деле это действительно попытка. Нет никакой стандартной терминологии для данной серии учений, не существует различных практиков, разбирающихся в этих доктринах, имеющих свои тонкости и акценты. Ряд взглядов и представлений часто обобщается как «Вашингтонский консенсус», хотя, конечно, в Вашингтоне (тем более за его пределами) никогда не было никакого консенсуса касательно политики» (цит. по сайту: <http://ch.uara.ru/modern/article.php?id=47>). Тем не менее термин «Вашингтонский консенсус» получил широкое распространение, у одних – как символ победы в «холодной войне», у других – как навязываемая Соединенными Штатами политика «минималистского государства» и монетаризма. Отметим, что в отношении постсоветской экономики были предложены намного более жесткие реформы, известные как «шоковая терапия», нежели те, что ранее рекомендовал «Вашингтонский консенсус». Неолиберализм стал заметно более радикален после падения соцлагеря.

геополитику, подкрепленную военной мощью США и подконтрольными им международными финансовыми учреждениями, но и образ мыслей и дел довольно значительной части человечества.

Во избежание терминологической путаницы в нашей работе мы используем термин «глобализм», что позволяет отделить его от термина «глобализация», который не только антиглобалисты, но и многие исследователи трактуют негативно, смешивая теорию и практику глобализма, или иначе проявления неолиберального проекта глобализации, с самим процессом глобализации.

Мы считаем, что понятие «глобализация» нейтрально. Оно отражает закономерный этап исторического развития – процесс объективный, включающий, прежде всего, неимоверно ускоряющуюся в последние десятилетия взаимосвязь и взаимозависимость человечества, формирование новых общемировых институтов и механизмов, их возрастающее воздействие на развитие национальных государств. Эта реальность явилась логическим следствием современной информационно-коммуникационной революции. Глобализацию нельзя ни выдумать, ни отменить. Она представляет собой естественную ступень развития мировой цивилизации, но при этом не гарантирует автоматически мирового прогресса. Это скорее среда, в которой возможно воплощение разных путей развития. Между тем глобализм вмещает в себя содержание геополитического и экономического проектов создания надгосударственного мирового свободного рынка. Это – результат сознательного политического выбора, сделанного правительствами стран с развитой экономикой, в основном руководителями стран «большой семерки».

Многие ведущие исследователи современности обращают внимание на искусственность и однолинейность неолиберальной программы, отмечая, что она не является плодом, вызревшим в естественных условиях, вытекающих

из самой природы экономики и технологий²⁰. Неолиберальная теория и практика выстраиваются преимущественно на базе экономической модели США. В ней четко прослеживается стремление к закреплению американской хозяйственной практики, юриспруденции, экономических институтов во всем остальном мире. Этот «рыночный фундаментализм» (Дж. Сорос) базируется на уверенности, будто рынок может управлять всеми общественными процессами. Соответственно ей выстраивается и логика измерений прогресса и рекомендации по его достижению. Но в этой схеме немало изъянов, и она зачастую ведет к ошибочным прогнозам и оценкам результатов перемен. Мы попытаемся продемонстрировать наши предположения в ходе анализа трансформации в Центральной Азии. Однако подтверждение можно почерпнуть, исследуя и другие регионы.

Ядром неолиберализма является антитеза крайностям мировой коммунистической системы, вокруг которой сложились собственные догмы, по инерции и теперь продолжающие служить опорой Западу в его отношениях с Востоком. Хотя при этом сам Запад неоднороден и его культурно-историческое ядро – Европа – значительно изменилось со вре-

²⁰ *Кастельс М.* Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 74–82; *Володин А.Г., Широков Г.К.* Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М., Институт востоковедения РАН, 2002; *Вебер А.Б.* Глобализация и устойчивое развитие: проблемное поле и возможные сценарии // Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 11. М.: Издательский дом «Новый век»; Институт мировой экономики и международных отношений; Институт микроэкономики, 2001. С. 30–31; *Мельянцева В.А.* Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М.: МГУ; Гуманитарий, 2000; *Gray J.* False Dawn: The Delusions of Global Capitalism. L., 1998; *Nelson R.H.* In Memorial: On the Death of the Market Mechanism // Ecological Economies. Amsterdam. 1997. Vol. 20. № 2.

мен противостояния коммунизму. В отдельных странах, как известно, возросла социальная роль государства, утвердилась социалистическая практика развитого капитализма. Европа к тому же стала центром антиглобалистского движения, объединяющего очень широкий спектр идейных противников неолиберального проекта. Но на политическом уровне Запад продолжает рассматривать перемены в остальном мире через призму неолиберального проекта, давая советы, которые он сам зачастую опровергает своей практикой.

Открытие рынка, ориентация на экспорт, сворачивание социальной ответственности государства, его присутствия в экономике, его протекционистских действий (при чем все это в самых радикальных формах) – формула прогресса для других. Идея проста. Так же прост и инструментальный оценочный набор трансформации незападных обществ, включающих стандартный набор: степень демократизации и открытости рынка, экономический рост и ВВП, свобода слова, развитие гражданского общества, эффективность госаппарата и менеджмента (good governance). Оценка социальной, образовательной, экологической ситуации, хоть и присутствует последнее время в этом наборе, носит второстепенный формальный характер. Нередко более важными считаются показатели решения гендерной проблемы. А такие важнейшие фундаментальные основы общества, как культура и религия, в поле зрения неолибералов, как правило, не попадают. Широко используемый в последнее десятилетие Индекс человеческого развития (ИЧР) по существу служит статистическим подтверждением неясной методики неолиберального измерения, и, как демонстрирует наше исследование, показатели индекса вступают в противоречие с неолиберальными оценками трансформации обществ, показывая, в частности, что уровень либерализации рынка, показатели ВВП и ВВП на душу населения далеко не всегда отражают реальный уровень и качество жизни населения. Что рост – еще

не есть развитие, а повышение уровня жизни еще не ведет к автоматическому повышению ее качества.

Методологические погрешности новых рыночников кроются в их упрощенных взглядах на основы современного экономического роста²¹. Серьезные исследования последних лет доказывают, что при всем значении экспорта, в увеличении ВВП развитых государств на отдельных, особенно начальных этапах ускорения их экономической динамики, наиболее весомый вклад (5/6) принадлежал развитию внутреннего рынка. Расчеты ведущего российского ученого в этой области В.А. Мельянцева показывают, что экономический рост ныне развитых стран в период промышленного переворота был более сбалансированным и имел более широкую основу, чем это обычно принято считать. Подъем в немалой мере связывался с интенсификацией сельского хозяйства. Быстрая трансформация экономики стран Запада и Японии определялась не только масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением синтеза современных и наиболее продуктивных традиционных факторов роста, роль которых, как выясняется, оказалась весьма значительной.

Если судить по общим темпам экономического роста, то наибольших успехов в период промышленной революции добились США, Германия и Япония, не слишком строго придерживавшиеся принципов естественных преимуществ, сформированных столетиями раньше Д. Рикардо. Примечательно, что сами США проводили активную политику протекционизма и полностью не отказались от нее до настоящего времени. Импортные ставки на облагаемые импорт-

²¹ Понятие «современный экономический рост» связано с ускорением, переходом от экстенсивного к интенсивному, основанном на широком применении машинных, информационных технологий, физического и человеческого капитала, возрастающей роли производительности труда и капитала.

ными пошлинами товары достигали во второй половине XIX в. 40–50%.

Отмеченные страны постепенно преодолели сырьевую полуперефирийную специализацию своих экономик благодаря последовательной реализации национальных стратегий развития, компетентным действиям государства, его дозированному интервенционизму, направленному на формирование эффективных механизмов конкуренции и интеграции внутренних рынков, а также форсированному наращиванию инвестиций в наиболее передовые средства производства, коммуникации, а главное, в человеческий капитал – образование, науку, культуру.

Уровень качества рабочей силы повышался опережающими темпами по сравнению с ростом капиталовооруженности труда. Общие расходы на образование, здравоохранение и науку в среднем по ведущим странам Запада и Японии возросли с 2,4–2,8% их ВВП в 1910–1913 гг. до 7,5–8,0 в 1950 и 17–18% в 2000–2001 гг. По расчетам В.А. Мельянцева, в целом по странам Запада и Японии доля накопленных инвестиций в человеческий фактор (образование, здравоохранение и НИОКР) в совокупном фонде их капитализированных расходов на развитие возросла, по минимальным оценкам, с 31–33% в 1913 г. до 47–48% в 1950 г., 56–57% в 1973 г. и 67–69% в 1999 г.²²

Теоретики и практики шоковой терапии игнорируют и сами такие факты, и длительность проходивших перемен. Поэтому на практике их рекомендации и действия приводят к совершенно противоположным процессам и результатам. Почти тридцатилетний период распространения неолибера-

²² Мельянец В.А. Генезис современного (интенсивного) экономического роста и проблемы догоняющего и перегоняющего развития в странах Запада, Востока и России // Экономика развивающихся стран. Сб. статей памяти В.А. Яшкина / Отв. ред. В.А. Исаев, А.М. Петров. М.: Институт востоковедения РАН; Гуманитарий, 2004. С. 111–161.

лизма привел к тому, что, несмотря на рост экономики развивающихся стран в целом, в мире богатые стали богаче, а бедные – беднее. Ожидаемого перетекания богатства от богатых к бедным ни на национальном, ни на глобальном уровнях не произошло²³. В свою очередь, такая ситуация начинает влиять на социально-экономическую и политическую стабильность богатых стран. В глобальной экономике бедность мировых аутсайдеров сужает рынки, увеличивает риски и военные расходы мировых лидеров. Сохранение качества жизни в развитых странах становится невозможным без повышения жизненного уровня в развивающихся и бедных государствах.

Предлагаемые остальному миру западные рекомендации развития в большинстве случаев вызывают процессы их отторжения. В Латинской Америке, Азии и Африке это сопровождается ростом левых движений, а также национальным и религиозным радикализмом. *Рыночный фундаментализм как ответную реакцию порождает фундаментализмы в иных сферах*. Во многом и исламский экстремизм является ответом на него. Критике исламистов подвергается, прежде всего, радикальный материализм, по их мнению, распространяющий поклонение идолу богатства и вседозволенности – сатанинскую антикультуру. Массовое убеждение мусульман в этом только возросло после известного случая с опубликованием европейской прессой карикатур на пророка Мухаммада. Неолиберализм еще сильнее начал восприниматься как продолжение безбожного материализма.

Заметим, что и в Европе и в самих Соединенных Штатах отмечается рост интеллектуальной критики в адрес современного капитализма, сопровождаемого переменами в культурной и духовной жизни далеко не в лучшую сторо-

²³ Глобализация, рост и бедность. Построение всеобщей мировой экономики (Доклад Всемирного Банка) / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2004.

ну. Интересен, хотя и не бесспорен, взгляд французского культуролога Жака Барзена, считающего символом антикультуры знаменитую картину Марселя Дюшана, на которой Мона Лиза изображена с усами. «С этого времени в западной культуре стало уже все дозволено, культура начала приходить в упадок, сползая в декаданс и пропагандируя «практический абсурд», – пишет критик²⁴.

Еще большему осуждению подвергаются Соединенные Штаты, причем самими же американскими исследователями культуры. По их мнению, к концу XX в. США превратились в страну однородного культурного популизма, где развлечения одержали победу над высокой культурой, над самой жизнью²⁵. Америка благодаря консюмеризму, эгалитаризму и новым технологиям разрушает культурные различия, не создавая при этом новую культуру. Возникающая на этой основе глобальная культура приведет не только к гибели традиционных культур, но к антикультурному сплаву коммерции, технологии и массового индивидуализма, – предупреждает американский культуролог Кристофер Клаузен²⁶. Естественно, что такие тенденции, рожденные в сердце неолиберальной системы, вызывают реакцию на Востоке, особенно в исламском мире – мире очень плотного слоя традиционной культуры, где вера и этика крепко связаны воедино и являются руководством к действию.

Заметим, что цивилизационный фактор в схемах оценок развития и рекомендаций по глобалистскому образцу явно игнорируется. Для строителей *цивилизации бизнеса* культура и традиция вторичны, а то и являются раздражающими

²⁴ Barzun J. From Dawn to Decadence: 500 Years of Western Cultural Life, 1500 to the Present.

²⁵ Gabler N. Life: The Movie. How entertainment conquered reality. N.Y., 2000.

²⁶ Clausen Ch. Faded Mosaic: The emergence of post-cultural America. N.Y., 2000.

анахронизмами, препятствиями всемирному шествию прогресса. Также считаются не главными и набирающие все большую остроту отношения человека с природой, хотя ползучая экологическая катастрофа уже началась²⁷. В целом опыт мирового развития последних десятилетий показывает, что в рамках неолиберальной экономической и геополитической модели (глобализма) самые насущные проблемы человечества так и не получили разрешения. Более того, они только обострились. Возрастает неустойчивость мировой политики, экономики, финансовой и энергетической систем, разрывается культурное сближение народов, трещит по швам хозяйственная емкость биосферы, за которой утрачивается ее способность к саморегуляции.

Глобалистская модель, ориентированная на форсирование экономического роста, максимизацию потребления и культивирование гедонизма, сейчас уже больше разрушает, чем созидает. Она воздвигает на своем пути разнообразные препятствия природного, социально-экономического, культурного и военного характера, преодолевать которые по ее схемам развития становится практически невозможно.

В связи с этим назрела необходимость обращения к новой идеологии развития и применения новых методов измерения общественной трансформации. Само общественное развитие заметно усложняется, а, следовательно – появляются всеобъемлющие категории прогресса и регресса. Это, прежде всего, социально-экологические измерения, отражающие фундаментальные угрозы для общества и обозначающие фундаментальные задачи по выходу из системного кризиса, охватившего уже все сферы человеческого бытия.

²⁷ Об этом говорит рост числа крупных природных катастроф. В первые 10 лет XX века их произошло по всему миру 620. За последние 10 лет – 2800. Эти данные приведены Euronews 04.02.2006 со ссылкой на исследования Европейского центра по изучению природных катастроф, ученые которого видят причины в техногенном влиянии на планету.

На первый план в наблюдающемся кризисном состоянии выходят отношения человека с природой. Рушится существовавшая прежде хоть и относительная, но все же гармоничная взаимосвязь его хозяйственной деятельности и культуры с окружающей средой. Есть все основания говорить о социально-экологическом кризисе как стержне остальных деградационных процессов. Если прежде человечество сталкивалось преимущественно с проблемами экономического и социального характера, то теперь перед ним возник целый комплекс тесно переплетенных эколого-социально-экономических задач. Возникает качественно новое противоречие современности между глобализмом и различными проявлениями антиглобализма (модернистскими и традиционалистскими), приобретая все более угрожающий для мировой стабильности характер.

Поэтому в нашей работе мы обращаемся к принципам и оценкам прогресса, заложенным в концепции устойчивого развития, удаленной от агрессивных политизированных проектов. Время ее осознания и реализации только начинается. В этой концепции прогресс уже не связан только с экономическим ростом и совершенствованием техники. Ее стержень – признание экологии, наряду с экономикой и социальным регулированием, равноправным системообразующим фактором общественного развития. Цель – переход к постоянно регулируемой, стабильной системе взаимоотношений человечества с окружающей средой. Концепция устойчивого развития предлагает сменить потребительское отношение человека к природе на регулирующее, воссоздающее, на единую взаимоподдерживаемую социоприродную эволюцию, восстанавливающую традиционные ценности духовной и материальной гармонии и в то же время вырабатывающую бережливые технологии социально-экономического и технического устройства.

Обобщенно ключевые идеи концепции сводятся к следующему:

Устранение сложившихся противоречий возможно только в рамках стабильного социально-экономического развития, не разрушающего своей природной основы. Улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной емкости биосферы, превышение которых не приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и ее глобальным изменениям.

Переход к устойчивому развитию предполагает постепенное восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды.

Понятие устойчивого развития многоаспектно. Оно охватывает все проблемы жизнеустройства. Вокруг них разворачиваются исследования гуманитариев и естественников, которые совместно нащупывают общие пути в одном направлении. Нынешним разрушающим системам противопоставляются не только ресурсосберегающие и чистые технологии, но и новые формулы экономического, социального и международного сотрудничества.

Новая система координат предполагает вынужденный отказ от приоритета экономического роста над социальным развитием и экологией, что должно повлечь изменения в способах производства и потребления. Соответственно усилится регулятивная роль государства с целью ужесточения контроля над потреблением и производством и даже сокращения их ради сохранения окружающей среды и предотвращения конфликтов. На смену моделям либерально-демократического устройства с приоритетом личного над общественным придут социально ориентированные конструкции, уравнивающие интересы личности и общества. При необходимости придется поступиться отдельными демократическими нормами и личными свободами в их нынешнем западном проявлении в пользу коллективных прав и обязанностей. Другая не менее важная задача –

содействие развивающимся государствам в получении новых технологий, возможно, в обмен на сырье.

Устойчивое развитие – это другая ценностная парадигма, иной вектор прогресса, призванный исправить изъяны рыночного фундаментализма. В нем существенно меняется шкала категорий и критериев трансформации обществ. При этом применяются традиционные макроэкономические показатели и оценки Индекса человеческого развития (ИЧР), но уже вписанные в широкое поле измерения человеческого бытия.

Комплексное изучение трансформации обществ предполагает одновременное применение экологических, экономических, социальных и культурологических оценок²⁸. Учет культурной традиции, ее реакции на различные проявления модернизации остается за рамками применяемых измерений устойчивого развития. Но именно они охватывают самые важные блоки перемен: численность населения, объем, ресурсоемкость и энергоемкость валового внутреннего продукта, изменения структуры хозяйства, средняя продолжительность жизни населения, уровень доходов различных групп, состояние здоровья, уровень образования и профессиональной подготовки населения, площади ненарушенных территорий, выбросы отходов в природную среду и их накопление, наличие здоровой среды обитания в местах постоянного проживания населения. Комплекс таких оценок весьма продуктивен при изучении ситуаций в центральноазиатских республиках.

Несмотря на разные темпы и методы реформ, качество рыночных отношений и степень государственного вмешательства, демократических или авторитарных элементов правления, все без исключения республики Центральной

²⁸ В нашей работе индикаторы устойчивого развития приводятся по: *Алиханова Т.Х., Болтов В.В.* Устойчивое развитие – объективное требование времени / Материалы семинара «Таджикистан на пути к устойчивому развитию». Информационный бюллетень Фонда поддержки гражданских инициатив (Дастгири-Центр) 2001 // <http://fsci.freenet.tj/pubs/publication6.html>

Азии сталкиваются с проблемами социально-экологического характера, без решения которых долгосрочной стабильности в регионе не достичь.

Ярким примером служит Ферганская долина – горный стык Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, где развитие промышленности и сельского хозяйства продолжает двигаться по накатанным рельсам советской индустриализации, но уже с капиталистическим лицом. Эта индустриальная модель, несмотря на национальную специфику, имеет общее свойство. На киргизской, таджикской и узбекской территориях Ферганской долины она продолжает вмешиваться в традиционные хозяйственные уклады и культуру, влияя на окружающую среду и общественные отношения.

Здесь повсюду превышена несущая способность территории. Плотность населения в среднем доходит до 400 человек на 1 кв. км, а в некоторых районах этот показатель еще выше, хотя для нормального экологического самообеспечения территории она колеблется в пределах 50–110 человек на 1 кв. км. Каждые 10 лет размер пахотной земли на одного жителя уменьшается в среднем на 8–10%. Быстро растущее сельское население уже не в состоянии прокормиться продукцией собственных хозяйств. На этом фоне продолжается уменьшение водных запасов, загрязнение атмосферы, эрозия, химическое загрязнение и засоление почв, комплексное нарушение земель горными разработками. В Ошской области процессам эрозии подвержены 80% сельскохозяйственных и 70% пастбищных угодий. Монокультура хлопчатника и проявление эрозии привели к значительному снижению содержания гумуса в почвах. В настоящее время почвы с низкой и очень низкой обеспеченностью гумусом (от 0,4 до 1%) занимают 40% орошаемых земель²⁹. В Ферганской долине высок

рост заболеваемости, детской смертности, наибольшую остроту приобретают проблемы бедности, безработицы, бездействия властей.

Таким образом, здесь сложился целый комплекс социально-экономических, экологических и психологических причин, способных долгое время питать конфликты разных уровней.

В нашей работе не ставилась задача точного подсчета рисков и градации критических точек конфликтогенности на основе критериев устойчивого развития. Это труд для большого коллектива специалистов различных направлений. Мы лишь обращаем внимание на то, что главенствующая ныне неолиберальная теория развития требует критического осмысления, она во многом мифологизирована ее адептами. Следовательно, и выдвигаемые ею оценки трансформации обществ не дают объективной картины, а рекомендации не подтверждены эффективными результатами. Социально-экологический анализ, напротив, позволяет более точно выявлять достоинства и недостатки происходящей трансформации, ее ориентиры и с большей долей вероятности предвидеть возможные конфликтные ситуации.

Причем эта методология может оказаться полезной не только в Центральной Азии, но и на Кавказе, поскольку проблемы этих регионов подчеркнуты наличием *горного фактора*, по-своему вписывающего общество в окружающую среду.

Ключевые проблемы безопасности в Центральноазиатском регионе

Наступившее в последнее время спокойствие в Центральной Азии весьма относительно. Это затишье внешне обманчиво. Многочисленные проблемы, порождающие конфликтогенность, здесь загнаны вглубь, но далеки от решения.

²⁹ Гагум Л.Д. СНГ: новый путь развития в XXI веке. М.: Русь, 2000. С. 58–76.

Процессы навязанной этому региону трансформации, как и в остальном развивающемся мире, крайне однобоки и болезненны для общества. Неолиберальный эксперимент в Центральной Азии не удался. Попытки его внедрения обострили старые и породили массу новых взаимосвязанных экономических, социально-экологических и культурных проблем, которые по сути от формы правления не зависят.

В целом постсоветские перемены большинству населения региона дали больше плодов горьких, чем сладких. Рапортуемые цифры экономического роста в центральноазиатских республиках не отражают реальной жизни основной массы населения. На деле качество жизни и показатели человеческого развития меняются здесь очень медленно, а в сельской местности чаще идут на убыль. Глобалистским программам структурной адаптации приносятся в жертву социальный сектор и сфера ответственности государства. Деградируют системы здравоохранения, образования и просвещения, поддержки малого предпринимательства и сельского хозяйства, помощи бедным, защиты окружающей среды. Разваливается наука. Многомиллионная неквалифицированная рабочая сила вынуждена трудиться в других странах, прежде всего в России.

Центральноазиатская капиталистическая мутация, вобравшая в себя в разных сочетаниях смесь неолиберального инструментария, варварских проявлений советского хозяйствования и кланово-регионального управления, породила резкую поляризацию общества по имущественному положению и застойный характер нищеты во многих регионах. Последовало снижение уровня культуры центральноазиатских народов, разрушение их социальной ткани, проявление массовой маргинализации и, как следствие, – радикализма и экстремизма.

Исключение составляет Туркменистан, избравший специфический путь автаркии, госкапитализма и социальной

поддержки населения, но и он сталкивается с общими для региона трудностями, преимущественно социального, экологического, образовательного и культурного характера, которые представляют серьезную угрозу не только для его экономического развития, но и для политической стабильности.

Полярно противоположное направление избрала Киргизия. Сразу же после обретения независимости республика встала на путь неолиберальных реформ. Она опередила другие страны Центральной Азии по либерализации цен и внешней торговли, монетаризации и приватизации, приняла Гражданский кодекс западного типа, первой санкционировала частную собственность на землю и вступила в ВТО. Иными словами, эта страна, наиболее показательна в регионе, проявила готовность следовать «шоковой терапии» по рекомендациям МВФ и Всемирного банка. Однако через 13 лет республика, считавшаяся чуть ли не образцом демократических и рыночных реформ на Востоке, оказалась на грани гражданской войны и экономического краха. Показатели бедности в Киргизии приблизились к показателям разрушенного войной Таджикистана³⁰. Сам Таджикистан за более чем десятилетний послевоенный период не может выбраться из экономической разрухи и, несмотря на то, что подавляющая часть семей живет на доходы гастарбайтеров, работающих за пределами республики, уровень бедности остается крайне высоким. Последние исследования Государственного комитета по статистике Республики Таджикистан показывают, что 53% населения страны относятся к категории бедных, а 17% – критически бедных³¹. В Казахстане и Узбекистане, отличающихся различной степенью либерализации, экономика развивается, прежде всего, на

³⁰ См.: *Ниязи А.Ш.* Киргизия и Туркмения: сравнительный анализ моделей развития / *Азия и Африка*. 2006. № 7. С. 42–44.

³¹ *ASIA-PLUS*. 02.07.2008. № 27 (441). С. 3.

пользу правящей бюрократии, финансовых и экономических групп, а не большинства граждан. Они почти не ощущают на себе роста экономических показателей, не наблюдается заметного улучшения их жизни. Процветают лишь коррумпированное чиновничество и довольно узкий слой работников лидирующих отраслей.

Острейшие социально-экономические проблемы достались новым центральноазиатским государствам в наследство от советской эпохи, другие возникли в постсоветское время. Но те и другие в первую очередь тесно связаны с социально-экологическим фактором и выбором модели хозяйствования.

С 30-х годов XX в. республики Центральной Азии, как и другие субъекты СССР, начали переводиться на путь индустриализации промышленности и сельского хозяйства. Однако стартовые возможности южных регионов Советского Союза, по сравнению с его европейской частью и Сибирью, оказались неравными, что было во многом связано с культурными и природными особенностями.

Напомню, что ареалы юга бывшего СССР, а теперь – СНГ, занимают в основном территории с легко ранимыми природно-климатическими условиями. Для них характерны горные, степные, пустынные или полупустынные ландшафты с весьма ограниченными водными ресурсами и дефицитом пригодных для обработки земель. Природа здесь капризна и активная хозяйственная деятельность человека легко нарушает экологический баланс.

Во время индустриализации эти особенности попросту игнорировались. Развитие промышленности шло по общей для страны схеме. Приоритеты отдавались возведению крупных объектов. Среди них значительную долю начали занимать производства химической, металлургической, машиностроительной отраслей, а также военно-промышленного комплекса. Такие предприятия представляли наибольшую угрозу хрупким местным экосистемам. Не учитыва-

лась их крайняя опасность для территорий, относящихся к зонам низкого потенциала самоочищения аридных почв, водных источников и атмосферы.

Переориентация на энергоемкие индустриальные производства шла рука об руку с гигантоманией в возведении крупных электростанций. Работа мощных ТЭЦ сопровождалась загрязнением атмосферы и выводом из оборота значительных водных ресурсов, а в зоны затопления под водохранилища крупных ГЭС попадали дефицитные плодородные земли.

В сельском хозяйстве расширение площадей под монокультуры привело к образованию неустойчивого в экономическом и агрономическом отношении хозяйства.

Уже в 80-е гг. прошлого века технологические нагрузки на окружающую среду во многих южных республиках начали переходить за пределы риска. Последовала заметная деградация местных экосистем. Значительно сократились водно-земельные ресурсы.

На этом фоне наблюдался очень высокий естественный прирост населения. Соответственно быстрыми темпами увеличивалась антропогенная нагрузка на окружающую среду. В то же время проводилась поселенческая политика, направленная на увеличение городов и крупных селений за счет исчезновения мелких кишлаков и аулов, а также переселения горцев в долины. В городах, пригородах и крупных поселках плотность населения в десятки раз начала превышать допустимые нормы для нормальной жизнедеятельности. Накапливались социальные проблемы, росла заболеваемость. В последние десятилетия в большинстве центральноазиатских республик темпы экономического роста уже не успевали за увеличением населения, социальное развитие хронически отставало от принятых стандартов.

В Центральной Азии, впрочем, как и в остальных частях СССР, человек хозяйствующий нарушил взаимоотно-

шения со своим жизненным пространством. Но несущая способность южных экосистем оказалась многократно превышена по сравнению с таковыми в других регионах. Под влиянием ускоренной индустриальной модернизации во всех республиках Центральной Азии вызрели глубинные социально-экологические кризисы, которые подорвали саму основу дальнейшего поступательного развития.

Пока же движение здесь идет по накатанным рельсам индустриализации преимущественно с устаревшими грязными технологиями. Подобная индустриализация, помноженная теперь уже на различные местные мутации капитализма, с включением в них разрозненных и подчас чуждых для местных хозяйственных и социальных систем неолиберальных компонентов несет еще более разрушительный потенциал, чем прежде. В последние десятилетия советской власти Центральная Азия ускоренно приближалась к социально-экологической катастрофе. Неолиберальное дерегулирование в его радикальных формах придает этому процессу неимоверное ускорение.

В настоящее время центральноазиатский регион, по всей видимости, приблизился к критическим пределам роста, при котором местного природного потенциала уже не хватает ни для поддержания существующих технологий экономической деятельности, ни для систем жизнеобеспечения. И если раньше значительные массивы населения имели возможность осваивать новые жизненные пространства, то сейчас подобного шанса почти не осталось. В таких условиях многие внутренние и межгосударственные конфликты в Центральной Азии все чаще приобретают характер борьбы за ресурсы. В их основе лежит комплекс взаимосвязанных социально-экономических и экологических проблем. Они в целом схожи. Это – неразвитость горных районов, перенаселенность долин и городов, бедность, насильственные или вынужденные миграции, монокультурная

направленность сельского хозяйства и сырьевая направленность промышленности, функционирование крайне опасных для местных экосистем индустриальных производств, быстрый демографический рост, возрастающая нехватка водно-земельных, продовольственных и энергетических ресурсов.

В последние годы особую остроту приобрел вопрос о распределении воды в регионе. Ее дефицит неуклонно растет и приводит не только к постоянным стычкам местного населения в приграничных районах, но и к натянутым межгосударственным отношениям, в первую очередь между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией, имеющим немало спорных вопросов по использованию водных источников. Маловодье в Центральной Азии наблюдается уже десятый год подряд, но особенно остро его последствия ощущаются в последние два года. Сопровождаемое засухой, оно ведет к недополучению электроэнергии, вырабатываемой на гидроэлектростанциях, сокращению поливных площадей. Причем, например, в Таджикистане, сельское хозяйство является основным потребителем воды. На него расходуется 93% всей потребляемой воды, в среднем по 10 тысяч куб. м на гектар. На условную единицу урожая ее расходуется в два раза больше, чем по другим центральноазиатским государствам. Огромные потери воды связаны с устаревшими способами ирригации. Увеличивающийся дефицит воды в условиях Таджикистана уже сейчас резко сокращает урожайность и обостряет проблему продовольственной безопасности³².

³² Исследования таджикских ученых показывают, что если дефицит воды составляет 10%, то это сокращает урожайность на 8%, причем последняя цифра увеличивается непропорционально первому показателю. Так, если запасы водных ресурсов сократились на 20%, то урожайность сокращается на 22%, если на 30%, то сельхозугодья несут ущерб до 40%. В Таджикистане среднегодовой уровень маловодья может достигнуть в 2008 г. 30–35% (ASIA-PLUS. 02.07.2008. № 27 (441). С. 7.

Предметом острых разногласий становится и гидроэнергетика. Так, Узбекистан довольно настойчиво выступает против строительства Рогунской ГЭС в Таджикистане, опасаясь, что соседи могут в политических целях прибегнуть к регулированию водного стока. Кроме того, по поводу введения этой крупной ГЭС в самом Таджикистане накануне гражданской войны разгорались нешуточные споры, питавшие внутренний этно-региональный конфликт. Проблемы Рогуна актуальны и по сей день. Они наглядно показывают, что энергетика и экология начинают переплетаться в единый узел с вопросами политики, экономической стратегии, межэтнических и социокультурных отношений, и это взаимодействие способно генерировать серьезный конфликтогенный потенциал³³.

Конфликтогенность в Центральной Азии и на Кавказе прослеживается на самых различных уровнях: титульные–нетитульные народы; город–село; горные–долинные жители. Но главный разлом проходит все же между технократической, индустриально мыслящей частью общества и традиционными слоями. Он и определяющий. Ценностные ориентиры этих групп разительно расходятся. Индустриально ориентированная элита продолжает диктовать свои условия развития. Делает она это с позиции сильного и безжалостного эгоиста. Проводимая ею модернизация, включает социальные, экономические и технологические процессы, которые разрушают наработанную вековым опытом культуру взаимоотношения людей между собой и с окружающим миром. Культура эта традиционна, а стержень ее –

³³ См.: *Ниязи А.Ш.* Таджикистан: проблемы использования водно-энергетических ресурсов // *Центральная Азия и Кавказ*. 2003. № 4(28). Швеция, Лулео. С. 123–131; *Niyazi A.* Das Rogunder Wasserkraft in Tadjikistan: Politische Aspekte Oekologische Situation und Umweltkonflikte auf dem Gebiet der ehemaligen UdSSR: Zentralasien und Ruthland. Arbeitspapeier 027/ Ins. fur Internationale Politik. Berlin, September 1994. P. 31–39.

ислам. И там, где ислам пустил глубокие корни в сердцах людей, где исламская этика определяет их поведение, наиболее силен протест против технократических моделей «прогресса». Следует согласиться, что этот протест по своему справедлив, поскольку технократическая идеология, лежащая в основе современного управления, порождает варварское отношение к природе и самому человеку. Она привела многие народы и страны вплотную к проблеме выживания. В таких регионах резко нарушается гармония человека с его жизненным пространством. Жить становится тяжело не только в материальном, но и в духовно-психологическом плане.

Движущие силы и динамика внутренних конфликтов в Центральной Азии во многом схожи. С одной стороны разворачивается борьба светских этно-территориальных элит за контроль над материальными богатствами и истощающимися ресурсами. Она примитивна и лишена серьезной идеологии. С другой стороны, формируются исламские движения. Они уже представляют серьезную неконформистскую силу. Их социальная база представлена традиционными и полутрадиционными сельскими и городскими слоями. Именно эта часть населения испытала наибольшие тяготы от разрушительных последствий форсированной индустриализации советского образца. С началом шествия дикого капитализма жизнь этих общественных слоев стала еще более нестабильной и тяжелой³⁴. Альтернативу прежнему и

³⁴ Взлет исламских движений в Центральной Азии и на Кавказе напрямую связан с невиданным прежде обострением социальных проблем. По расчетам экспертов Мирового банка, за последнее десятилетие XX в. наиболее резкий рост бедности в мире произошел именно в Европе и Центральной Азии, в основном за счет республик бывшего СССР. – *Lusting N., Stern N.* Broadening the Agenda for Poverty Reduction. Opportunity, Empowerment, Security // *Finance and Development*. Wash., 2000. Vol. 37, № 4. P. 5.

существующему порядку они видят в исламизации общественных отношений. Эти движения пытаются обозначить новый путь развития. Но их представления об альтернативе возникающим кризисам в мусульманских регионах СНГ расплывчаты, а методы зачастую радикальны. В лице сторонников исламского порядка традиционное общество определяет границы приемлемого и неприемлемого для него в процессе модернизации.

Исламские движения, в основе своей протестные, вызревают прежде всего там, где преобладает традиционный образ жизни. В Центральной Азии эти движения начинаются, как правило, со стихийного протеста. Обычно он проявляется в стремлении местных общин «чистого ислама» противопоставить беззаконию свой закон. Измученные поборами, коррупцией, пренебрежением государства к их нуждам, сельские жители и городские слои с преимущественно религиозным мировосприятием пытаются организовать, выражаясь современным языком, местное самоуправление. Специфика его в том, что оно опирается на традицию. Но традиционные хозяйственные и общественные уклады вступают в противоречие с идеалами «прогресса» правящих элит³⁵. Радикальные, как правило, силовые меры по недопущению традиционной самоорганизации, вызывают ответный радикализм. Тогда и выходят на политическую сцену под знаменем ислама крайне идеологизированные группировки. Увеличивается влияние зарубежных экстремистских организаций.

³⁵ Об этом на примере Таджикистана см.: *Niyazi A. Islam in Tajikistan's Human and Ecological Crisis // Civil Society in Central Asia / Ed. by M. Holt Ruffin, Daniel C. Waugh. Center for Civil Society International, The Central Asia – Caucasus Institute, University of Washington Press. Seattle–London, 1999. P. 180–197; Ниязи А. Исламская традиция и процессы модернизации в Таджикистане // Ислам в СНГ / Отв. ред. А.В. Малашенко. М.: Институт востоковедения РАН, 1998. С. 123–138.*

Власти же, как правило, своими непрофессиональными и насильственными действиями провоцирующие радикализм, даже не пытаются вникнуть в глубинные причины кризисов. Социально-экономическое планирование продолжает двигаться по накатанным, разрушительным для общества и среды его обитания индустриально-потребительским рельсам, а урегулирование конфликтов обычно видится в перераспределении руководящих постов в пользу той или иной этно-территориальной группировки. Однако постоянное «перетягивание одеяла на себя» противостоящими этническими элитами не разрешает проблему кризисов.

В южных регионах СНГ все чаще приходится иметь дело с конфликтами, порожденными системными кризисами. Попытки решить их лишь политическими и военными методами обречены на неудачу. Насилие и войны не устраняют накопившиеся в горячих точках массивы взаимосвязанных проблем. Они лишь загоняются вглубь, усугубляются и таят опасность еще более обширных и неконтролируемых процессов. При сохранении упрощенных взглядов на происхождение таких конфликтов и сложившихся способов их «решения» большинству стран СНГ придется безуспешно оттягивать крупные средства на непроизводительные военные расходы. Как это скажется на экономике, объяснять не надо. В числе других неприятных последствий такого положения в странах региона следует назвать: милитаризацию общественного сознания, усиление авторитарных тенденций, сложности в международном сотрудничестве – как на западном, так и на восточном направлениях.

Большое беспокойство вызывает противостояние России и США в Центральной Азии, которое после «пятидневной войны» на Кавказе в августе 2008 г. демонстрирует тенденцию к обострению. Обе державы считают центральноазиатский и кавказский регионы зоной своих стратегических интересов. Соединенные Штаты Америки, которые,

выражаясь словами американских политиков, защищают тут свои национальные интересы, не заинтересованы в сближении центральноазиатских республик с Россией³⁶.

Со временем стало очевидным, что зона их стратегических интересов в регионе географически совпадает с расположением крупнейших месторождений энергоносителей. Поэтому США незамедлительно отреагировали на подписание майского договора 2007 г. об использовании старого и строительстве нового прикаспийского газопровода из Туркменистана через Казахстан в Россию и расширении газопроводной системы Средняя Азия–Центр на узбекском направлении. «Это не хорошо для Европы. Это бросит вызов тому, что нужно (Европе), то есть диверсификации поставщиков», – заявил министр энергетики США Сэм Болдмэн сразу же после заключения соглашения. Понятно, что за этим заявлением скрывалась, в первую очередь, тревога самих американцев, теряющих контроль над региональными энергопотоками.

³⁶ США еще в 1994 г. поспешили объявить страны СНГ зоной своих стратегических интересов, но не конкретизировали, какие именно. Позже, в 1997 г., заместитель государственного секретаря Струоб Тэлботт выразился точнее: Центральная Азия и Кавказ. Тогда же Соединенные Штаты впервые сообщили о готовности послать в регион свои вооруженные силы. Американский генерал Дж. Шихан заявил: «Если вооруженные силы ЦА будут вовлечены в миротворческие операции под эгидой ООН, США готовы в этом участвовать». (*Bhatty R., Bronson R. NATO mixed signals in the Caucasus and Central Asia // Survival. L., 2000. Vol. 42, № 3. P. 154*). В том же 1997 г. Вашингтон начал активно формировать ГУУАМ – по сути антироссийский союз, в который вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. В 1999 г. к ним присоединился Узбекистан, претендовавший на лидерство в Центральной Азии. Но в 2002 г. Ташкент, не видя экономических перспектив сотрудничества в рамках этой организации и опасаясь ее нарастающей антироссийской направленности, решил покинуть союз. Американцы до 2005 г. всячески препятствовали официальному заявлению узбекского руководства о выходе из ГУУАМ. Формально оставаясь членом этой организации, Узбекистан с 2002 г. в ее работе участия не принимал.

Последовавшее затем объявление о создании Энергетического клуба на саммите глав ШОС 16 августа 2007 г., призванного координировать и развивать энергетические проекты в интересах членов организации – России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, а также проявляющих возрастающее стремление к сотрудничеству с ней Афганистана, Индии, Ирана, Монголии, Пакистана и Туркменистана, вывело в аутсайдеры амбициозный американский проект «Большой Центральной Азии».

Напомним, что на дипломатическом уровне он начал активно обсуждаться американцами с руководством центральноазиатских государств после того, как их позиции в регионе заметно пошатнулись из-за обострения отношений с Ташкентом. По расчетам госдепартамента США, разрыв американо-узбекских связей должен частично компенсироваться за счет улучшения стратегических позиций Соединенных Штатов в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Эти республики занимают важное место в сохраняющихся планах Вашингтона по переориентации Центральной Азии с России на Южноазиатский регион. Киргизию и Таджикистан планируется использовать как главных поставщиков электроэнергии для Казахстана, Афганистана, Пакистана и Индии. Проект США по созданию новой электросети, связывающей Центральную и Южную Азию, направлен одновременно на изоляцию Узбекистана, отстранение от центральноазиатских электропотоков Ирана и Китая и ослабление растущего энергетического влияния России в регионе.

Идея создания Большой Центральной Азии очень точно выражает и логику, и утопичность американской геополитической мысли. Она базируется на неолиберальных глобалистских представлениях о размывании национально-государственных функций и всеилии рынка, и одновременно на постулатах мировой шахматной игры Бжезинского не только в Евразии, но теперь уже и на хантингтоновом

поле противостояния цивилизаций. Теоретики Большой Центральной Азии представляют ее в виде некоего гомогенного регионального объединения на базе общей культурной традиции (имеется в виду – исламской), не отягощенной национальными интересами и границами. Сюрреализм такого гиперпроекта, выдержанного в постмодернистском духе, вполне очевиден и опасен. Возобновление попыток его практического воплощения лишь вызовет дестабилизационную волну в Центральной Азии и сопредельных регионах, обострит отношения с Россией и ведущими восточными государствами.

В выстраивании отношений Запада с Центральной Азией важно понимать, что для РФ эта часть Азии – естественная зона ее геополитических интересов. Политические, экономические и военные угрозы в этом регионе для России несравненно более актуальны, чем для США. От стабильности в этом регионе действительно зависит национальная безопасность самой России. Так, она не может игнорировать поток наркотиков, идущих через ЦА из Афганистана, не желает превращения этого региона в базу для пополнения террористических группировок на Северном Кавказе. Кроме того, республики Центральной Азии, в силу установившихся со времен Советского Союза хозяйственных и технологических связей с Россией, представляют интерес для совместных экономических проектов, в первую очередь в области энергетики (в которых и сами заинтересованы), а также для российского военно-промышленного комплекса (ВПК).

Возрождающиеся здесь сегодня интеграционные процессы идут на пользу всему СНГ, созидательный потенциал которого еще далеко не исчерпан. Крепнущая экономически и политически Россия, несомненно, остается для центральноазиатских народов естественным центром притяжения и будет играть все большую роль в интеграционных процессах. В перспективе она способна активнее помогать госу-

дарствам ЦА как в решении их внутренних проблем, так и в снятии разногласий между ними.

Россия сейчас, учитывая ослабление позиций США в Центральной Азии, старается активизировать свою восточную политику, стремясь ускорить интеграционные процессы со своими южными соседями по СНГ. Однако в настоящее время доминирующее положение в процессах интеграции с центральноазиатскими странами продолжает занимать военно-политическая составляющая, в то время как экономические, научные и культурные связи восстанавливаются с большим трудом. Сотни межправительственных соглашений, как между самими республиками Центральной Азии, так и в рамках СНГ, не выполняются. Зато заметно активизируется деятельность военных ведомств стран-участниц Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Сохраняется и силовая составляющая ШОС – региональная антитеррористическая структура (РАТС) со штаб-квартирой в Ташкенте. Проводятся совместные учения в формате ШОС–ОДКБ. Главная мишень военных – набирающий силу воинствующий исламский экстремизм. Этот фактор играет решающую роль в сближении позиций силовых ведомств центральноазиатских государств. Но это сближение, увы, лишь вынужденная тактическая мера при отсутствии общей стратегии сотрудничества.

Несомненно, конфликты в регионе – реальные и потенциальные – надо тушить и предотвращать. Однако акценты в вопросах безопасности расставлены, на наш взгляд, неправильно. Борьба с терроризмом, экстремизмом, наркобизнесом провозглашается «направлением главного удара». Между тем, это всего лишь борьба с последствиями явлений, пустивших очень глубокие корни. На первом плане должна стоять работа по предотвращению причин, порождающих эти беды современности. А эти причины, прежде всего, внутренние.

В южных регионах СНГ все чаще приходится иметь дело с конфликтами, порожденными системными кризисами, охватывающими экономику, культуру, политику, социальную и экологическую сферы. Окончательно разрешить их, увы, пока не удастся. Выйти из системных кризисов невозможно, лишь внедряя либеральные политические институты и экономические отношения. Накладываясь на матрицу местных социальных связей и хозяйственной культуры, они не приносят ожидаемого эффекта, а напротив, подчас тормозят общественное развитие.

Для республик Центральной Азии требуются специально разработанные программы комплексного решения проблем государственного устройства, демократизации общества, совершенствования хозяйственной деятельности. Расширение экономических связей центральноазиатских государств между собой и с другими странами необходимо планировать, учитывая их культурные и цивилизационные особенности. В эпоху СССР между республиками сложилось определенное «разделение труда», точнее распределение производительных сил. Ныне оно требует корректировки в зависимости от природных условий, хозяйственных укладов, традиционных ценностей, демографических и других процессов в различных республиках.

Новые технологии устойчивого развития должны внедряться прежде всего в наиболее конфликтогенных регионах Центральной Азии. Важно, чтобы эти схемы нашли удачное сопряжение со сложившимися там традиционными общественными отношениями и связями. Без этого невозможно обеспечить стабильно-поступательное движение государств региона в рамках рыночной экономики и демократического вектора развития.

Глава 3.

ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА: СПЕЦИФИКА СИТУАЦИИ

РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН

Большинством казахстанских политологов³⁷ период социально-экономической и политической трансформации в Казахстане делится на четыре этапа: 1990–1993 гг., 1993–1995 гг., 1995–1998 гг. и с 1998 г. по настоящее время. В таком делении присутствует своя логика. Первый этап связан с развалом СССР и «катапультированием в независимость» большинства союзных республик. Основные изменения данного этапа были направлены не столько на создание новой системы, сколько на разрушение существующей. Апофеозом данного этапа стало принятие Конституции 1993 г., закрепившей положение о том, что Республика Казахстан есть «форма государственности самоопределившейся казахской нации».

Второй этап характеризуется резким обострением социально-экономической и политической ситуации в стране и как следствие – авторитарным откатом. Образовавшийся в марте 1994 г. вакуум власти, в соответствии с действующей Конституцией и Законом о временном делегировании полномочий, заполнил президент. Референдум, прошедший 29 апреля 1995 г., продлил его полномочия до 1 декабря 2001 г. А принятая 30 августа 1995 г. новая Конституция узаконила это положение, оформив президентскую власть

³⁷ См.: *Ашимбаев М.С.* Политический транзит в Казахстане: содержание процесса и его особенности. Алматы, 2001. С. 15.

фактически в качестве самостоятельной и стоящей над другими ветвями – законодательной, исполнительной и судебной.

На этом же этапе был начат процесс так называемой «малой приватизации», который происходил в достаточно специфической форме. Вместо predetermined логикой демократических преобразований полного отделения государства от бывшей социалистической собственности, государство объявило себя юридическим собственником средств производства. Результатом данного акта явилось возникновение любопытной картины. С одной стороны, государство присвоило и по-настоящему превратило в свою собственность основной итог социализма - социалистическую собственность. С другой - это же государство, как бы не желая иметь ничего общего с прошлым, фактически «сбросило» с себя ответственность за социальную сферу, исключая, пожалуй, демагогию о необходимости «социальной справедливости» и «социальной защищенности». Это и послужило той первоосновой, на базе которой сложились негативные тенденции в политической и социальной сферах, столь характерные для данного этапа.

Третий этап характеризуется усилением отмеченной выше тенденции авторитарного отката и процессом «большой приватизации». Результатом этих процессов, во-первых, стало то, что, по ряду экспертных оценок, ТНК контролируют до 40% промышленного производства и около 50% внешней торговли Казахстана³⁸. А во-вторых, по меткому замечанию казахстанского исследователя Н. Амрекулова, «клан (в отличие от партий, профессиональных общностей и т.д.) вновь стал господствующей формой группирования элит»³⁹. В Казахста-

³⁸ Либман А. Государство и бизнес в России и Казахстане: сравнительный анализ // *Exclusive*. Сентябрь 2005. № 9. С. 73.

³⁹ См.: Амрекулов Н. Размышления о главном. Пути к устойчивому развитию. Алматы, 1998. С. 71.

не появились отчетливые предпосылки для процесса формирования полицентризма, одновременного существования множества самостоятельных центров власти-собственности, по своей сути запрограммированных и ориентированных на утверждение (в меру возможности) своей независимости, на отрицание, или хотя бы максимальное ограничение суверенитета объединяющего их государственного целого. Логичным завершением этого этапа стали внесение изменений в Конституцию РК в октябре 1998 г., открывавших для Нурсултана Назарбаева возможность участия в президентской гонке 2005–2006 гг., и выборы президента 10 января 1999 г.

Именно этими двумя событиями открывается новый этап социально-экономической и политической трансформации Республики Казахстан, являющийся предметом данного исследования.

1. Положение страны

Таблица 1

Социально-экономические показатели (2006)

Общество	2006	Политика	2007	Экономика	2006
Население (млн. чел.) ^a	15,39	Тип государств	Республика	ВВП на душу населения (\$)	5224,2
казахи (%)	59,2	Форма правления	Суперпрезидентская республика	ВВП (\$ млрд.)	80,4
русские (%)	25,6	Глава государства	Президент Нурсултан Назарбаев	Инфляция (%)	8,4
Прирост населения ^b	4,8/9,3%	Глава правительства	Премьер-министр Карим Масимов	Безработица (%)	н/д

...окончание таблицы 1

Общество	2006	Политика	2007	Экономика	2006
ИЧР ^c	н/д	Freedom House ^d	н/д	Внешняя торговля	61,93
Индекс бедности ^c	н/д	Доля женщин в парламенте (%) ^e	14,95	экспорт	38,25
Индекс образования ^c	н/д			импорт	23,68
Коэффициент Джини (по 10% квинтальным группам)	0,304			Объем долга (\$ млрд.)	74,02
				Бюджетный дефицит ^f	+0,6

Примечания:

^a – данные на 1 января 2007 г.;

^b – показатели за 2000 и 2006 гг.;

^c – данные за 2005 г.; глубина бедности - 1,7, острота бедности – 0,5; в 2001 г., соответственно – 7,8 и 3,1;

^d – степень политических и гражданских свобод;

^e – среди депутатов Мажилиса;

^f – в % от ВВП. По данным Нацбанка, опережающий рост расходов за 9 месяцев 2007 г. способствовал формированию дефицита бюджета в размере 1,3% к ВВП.

Источники: Казахстан. Статистический ежегодник. 2006. Алматы, 2006. С. 18, 66, 151; Динамика валового внешнего долга (<http://www.nationalbank.kz>);

О миграции и демографической ситуации в Республике Казахстан. Агентство Республики Казахстан по статистике. Астана, 2007 (www.stat.kz);

Отчет о финансовой стабильности Казахстана. Алматы, декабрь 2007 (http://www.nationalbank.kz/content/publish244854_4076.pdf);

Социально-экономическое развитие Республики Казахстан (Краткий статистический справочник). Алматы, 2007. С. 27, 29 (<http://www.stat.kz>).

2. История и характеристика этапа

Лейтмотивом последнего этапа является попытка сформировать систему «управляемой демократии» и не допустить перспективы передела собственности, сосредоточенной в руках узкой группы лиц, состоящей главным образом из «Семьи» и ее ближайшего окружения, опирающейся на поддержку дружественных ей представителей иностранного капитала и незначительной части отечественных предпринимателей, сумевших накопить свои богатства в не меньшей степени благодаря близости к «Семье» и ее ближайшему окружению.

Парадокс ситуации второй половины 1990-х гг. заключается в том, что на пике своего могущества Нурсултан Назарбаев ощутил новую серьезную угрозу своей власти. Эта угроза принципиально отличалась от всех предшествовавших. Она возникла не из социально-экономического кризиса, а скорее наоборот – в связи с выходом из него, и не из сопротивления тех социальных сил, которые были в казахстанском обществе в момент становления режима, а от новых социальных сил, порожденных самим режимом, самой постсоветской трансформацией общества.

Суть нового конфликта – в возникновении непреодолимого противоречия между президентской властью и интересами народившейся новой буржуазии. Пока шла приватизация, новые богачи, получавшие состояние по большей части «из рук» президентской власти, консолидировались вокруг нее. Но когда состояния уже созданы, новая буржуазия начинает понимать: слишком легко приобретенные при помощи власти незаконным и «квазизаконным» путем богатства могут быть также легко этой же властью отобраны. Возникает противоречие между экономическим значением новой буржуазии, ее богатством, и ее бесправием и стремление буржуазии к ограничению президентского всевластия. Меняется

и мотивация деятельности новых буржуа. При определенном уровне достигнутого богатства возникает желание конвертировать его в общественное признание и уважение. Власть все больше начинает испытывать опасения перед концентрацией материальных ресурсов в руках людей, отчасти независимых от нее⁴⁰.

Первым проявлением этого кризиса стало формирование объединения предпринимателей Казахстана «Новое поколение» с заявкой на участие во власти и публикация Совместного меморандума Государственного комитета РК по ценовой и антимонопольной политике и ОАО «Казкоммерцбанк», по сути предлагавшего передел собственности в пользу ОАО «Казкоммерцбанк»⁴¹, а также последовавшая за этими событиями отставка правительства Акежана Кажегельдина в октябре 1997 г. Оценивая ее, Е. Ертысбаев заметил позднее: «В Казахстане могла возникнуть ситуация, когда два реформатора праволиберального толка начали бы борьбу за власть, и это... могло привести к непредсказуемым последствиям»⁴². В этих словах есть доля истины. К середине 1997 г. политический вес А. Кажегельдина был настолько высок, что он превратился в реальную угрозу формирующемуся режиму личной власти Н. Назарбаева.

Назарбаев решает пойти на досрочные президентские выборы, одновременно удлинив срок президентских полномочий с пяти до семи лет. Параллельно он делает ставку на проведение ограниченной демократизации. Она заключается во введении 10 дополнительных мест в Мажилисе для депутатов, избираемых по партийным спискам, внесении

⁴⁰ Фурман Д. Постсоветский политический режим Казахстана // Россия и Казахстан. М., 2005. С. 212.

⁴¹ См.: Рапогата. 1997. Февраль. № 5, 7.

⁴² Ертысбаев Е. Некоторые аспекты президентской избирательной кампании в Казахстане (октябрь–декабрь 1998 г.) // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 1. С. 49.

новелл о суде присяжных и возможности не только назначения, но и избрания акимов, предоставлении парламенту права изменять Конституцию. Последнее было сделано с целью «подкорректировать действующую Конституцию: был отменен верхний 65-летний порог возрастного ценза для избрания президента, исключена норма о необходимости участия в выборах более 50% избирателей для признания выборов состоявшимися, введена вызвавшая много споров часть 1 статьи 94, довольно двусмысленно толковавшая сроки полномочий избранного президента. Другими словами, внесенные поправки закрепляли, во всяком случае до 2013 г., личную власть Н. Назарбаева.

10 января 1999 г. Нурсултан Назарбаев был переизбран на пост президента, в октябре состоялись выборы в Мажилис, но ни то, ни другое основной проблемы не решило. Очередной конфликт во властной элите возник осенью 2001 г. На этот раз главным нарушителем спокойствия стал Рахат Алиев. Конфликт между ним и «младотюрками»⁴³ вылился в очередной политический скандал и стал первоосновой нового политического кризиса.

Политизация «младотюрков» была мотивирована прежде всего экономическими интересами: реформаторы, которые пока придерживались «правил игры» и готовы были сотрудничать с властью, осознали, что растущее соперничество между отдельными бизнес-кланами постепенно поедает их ресурсы и значительно ограничивает их свободу действия. Поняли они и другое: эту проблему нельзя решить на длительный срок путем неформальных договоренностей, поскольку благоприятный климат для бизнеса обязательно предполагает структурные реформы, политические и право-

⁴³ Именно так в Казахстане называли новую генерацию национальной буржуазии, часть представителей которой работала в правительстве К. Токаева.

вые институты, гарантирующие надежную правовую основу права собственности.

Бурные события осени 2001 г., связанные с образованием Демократического выбора Казахстана (ДВК) и началом противостояния внутри правящей элиты, не могли не иметь своего логического продолжения. Выход на авансцену внутриполитической борьбы новой генерации казахстанской «демократической оппозиции» и заявленные ею новые цели продемонстрировали, что внутриэлитного столкновения не избежать. К такому выводу подталкивал и активизированный зарубежной печатью в начале года скандал по делу о зарубежных счетах Нурсултана Назарбаева и членов его семьи. У оппозиции сложилось убеждение, что власть ослабла, и чтобы ее «подобрать», больших усилий не потребуется.

Прошедшее 19 января 2002 г. общее собрание «демократической оппозиции» как раз и продемонстрировало эту убежденность, о чем свидетельствовали озвученные на нем тезисы и опубликованная накануне Политическая программа Объединенной демократической партии Казахстана (ОДПК), в которых содержались недвусмысленные выпады в адрес не только действующего политического режима, но и главы государства.

Не ответить на вызов власть не могла. И ответ последовал незамедлительно. На совещании с бизнес-элитой Нурсултан Назарбаев достаточно откровенно определил свое отношение к стремящимся к политике «олигархам»: «Любого из вас могу взять за руку и привести в суд». Следовало сделать соответствующие выводы. И некоторые их сделали. «Демократическая оппозиция» испугалась собственного радикализма и распалась, так и не сформировавшись, что лишь свидетельствовало об истинных целях новой генерации «оппозиционеров».

В конце марта на совещании с правоохранительными органами страны Нурсултан Назарбаев объявил об ужесто-

чении борьбы со взяточничеством и коррупцией в республике. 27 марта по обвинению в коррупции арестовывается один из лидеров ДВК Мухтар Аблязов, а в середине апреля – Галымжан Жакиянов. Отвечая на депутатский запрос, 4 апреля на заседании Мажилиса парламента премьер-министр Казахстана Имангали Тасмагамбетов приоткрывает завесу тайны над зарубежными счетами Казахстана. И хотя его ответ не удовлетворил ни депутатов, ни тем более «оппозицию», дело было сделано: вопрос о тайных счетах Нурсултана Назарбаева был закрыт. Более того, Имангали Тасмагамбетов недвусмысленно дал понять, что власть более не намерена снисходительно относиться к коррупционерам и начинает охоту «не на воробьев, а на гусей». Последовавшие за этим громкие дела несколько снизили накал политических страстей, переориентировав внимание общества на другой объект. И это дало власти фору во времени, позволив не только определиться с дальнейшей стратегией, но и произвести перегруппировку сил.

К осени окончательно оформляются и контуры новой политической стратегии власти. В октябре в интервью российскому журналу «Эксперт» Нурсултан Назарбаев отмечает, что Казахстан привержен демократическому пути развития, однако «мы не можем копировать западные, американские стандарты демократии»⁴⁴. А в ноябре, выступая на заседании Ассамблеи народов Казахстана, подчеркивает: «Безопасность страны – это полная реализация конституционных прав и свобод каждым гражданином Казахстана. Но в то же время нам предстоит решить сложную дилемму – найти необходимый баланс в соотношении безопасности граждан и реализацией ими своих прав и свобод. Свобода одного человека не должна ущемлять свободы другого человека... Законопослушание, подчинение Закону является

⁴⁴ См.: Состоявшееся государство // *Эксперт*. 14.10.2002. № 38.

главным условием политической стабильности в стране... Народ избирает власть и для того, чтобы она оградила граждан от этих угроз путем, если необходимо, и принуждения исполнять принятые в стране законы. При этом недовольные всегда будут. Но интересы страны и общества превыше всего»⁴⁵.

Однако, понимая, что проблемы в обществе остаются и накопившийся «пар» социально-политической напряженности периодически необходимо выпускать, Нурсултан Назарбаев выносит предложение о формировании нового института – постоянно действующего Совещания Республики Казахстан по выработке предложений по дальнейшей демократизации и развитию гражданского общества. Власть, обозначив свои приоритеты, перехватывает инициативу и, образно говоря, перебрасывает мяч на сторону «оппозиции», призывая ее к конструктивному диалогу в правовом поле.

В начале 2002 г. последовали новые предложения власти по дальнейшей демократизации. Выступая с ежегодным посланием, Н. Назарбаев предложил развернутую программу политических реформ. Суть предложений сводилась к пяти базовым элементам. Первое – реформа государственного управления, целью которой предусматривалось «сделать власть на местах более ответственной перед людьми, приближенной к каждодневным проблемам и заботам конкретного человека», включая и поэтапное введение выборности акимов. Второе – совершенствование избирательной системы с целью сделать избирательный процесс «более прозрачным и открытым». Третье – укрепление институтов гражданского общества включая поддержку

⁴⁵ Назарбаев Н. Стратегия развития Ассамблеи народов Казахстана: национальное согласие, безопасность, гражданский мир // *Казинформ*. 15.11.2002.

инициатив, выдвигаемых политическими партиями, и поддержку НПО через систему государственного социального заказа. Четвертое – упорядочение деятельности СМИ и принятие нового закона, который «учел бы современные реалии обеспечения свободы слова, а также защиты журналистов от давления собственников, и ужесточил бы ответственность чиновников за вмешательство в деятельность свободной прессы». Наконец, совершенствование деятельности правоохранительных и судебных органов, «прежде всего, с позиций обеспечения защиты неотъемлемых прав и свобод граждан»⁴⁶.

Этот набор не содержал особых новаций, все это давно назрело, и в чем-то перекликаясь даже с предложениями, исходящими от «конструктивной оппозиции». Единственное, что отличало его от них, – предлагаемая поэтапность процесса демократических преобразований. Но и она принималась обществом. Страна жила в ожидании «иракской кампании», и, за редким исключением, даже «оппозиционеры» понимали, что «раскачивать лодку» в этих условиях – себе дороже.

Однако и 2003 г. не обошелся без политического кризиса. Правда, на этот раз он проходил в институциональной форме. Поводом для него послужило обсуждение Земельного кодекса и возникновение разногласий между парламентом (вернее, его нижней палатой) и правительством. Кризис закончился компромиссом: правительство Имангали Тасмагамбетова ушло в отставку, а Земельный кодекс вступил в силу. Но самое главное не в этом. Приняв Земельный кодекс в правительственном варианте, власть продемонстрировала, что с интересами народа она считаться не намерена. Логика противостояния наглядно показала, чьи интересы отстаивала исполнительная власть, а начало процесса пере-

⁴⁶ См.: Послание президента народу Казахстана // *Казинформ*. 04.04.2003.

дачи земель сельскохозяйственного назначения в частную собственность – почему.

Очередной политической скандал имел место осенью, и его инициатором снова оказалась сама власть, правда, теперь в лице местных органов. Таких «выборов», какие пришлось наблюдать казахстанцам 20 сентября 2003 г., история независимого Казахстана еще не знала. И дело даже не в абсолютной «победе» властей над «оппозицией», массовых фальсификациях, нарушениях выборного законодательства, использовании технологий черного PR и т.д.

Проблема гораздо глубже. Выборы в маслихаты продемонстрировали отсутствие эффективных механизмов контроля центральной власти за ситуацией на местах. Практически вся эта ситуация контролировалась акимами, которые обеспечивали проведение выборов в своих интересах. И это вполне объяснимо. Сложившаяся система власти в Казахстане такова, что институт акимов в ней все более проявляет себя в качестве «сюзерена», обладающего абсолютными правами в пожалованной вотчине. Расставаться с этими правами он не намерен, а отсюда – специфика организации «электорального процесса», да и все проблемы в социально-политической сфере.

Выявили выборы и другую, весьма любопытную, тенденцию. Исключительно высокая активность кандидатов в депутаты и большой конкурс на депутатское кресло объяснялись меркантильными соображениями, поскольку депутатский мандат гарантирует хоть какую-то защиту от творимого надзорными и правоприменительными органами беспредела. И вполне закономерно, что в маслихаты рвались преимущественно директора предприятий, представители бизнеса и чиновники всех уровней. Другими словами, и по прошествии десяти лет после обретения Казахстаном независимости и проведения серьезных структурных реформ в экономике доминирующим остается характерный для феодализма принцип власть–собственность.

Еще одним примечательным политическим событием 2003 г. стала активизация партийного строительства. В какой-то мере это касается всех партий, прошедших регистрацию, но в большей степени – ДПК «Ак жол» и РП «Асар», и не только потому что с активизацией деятельности именно этих двух партий связаны основные политические скандалы.

Более существенным представляется другое. Обе партии не принадлежали к крылу «радикальной оппозиции». Более того, в их программах и заявлениях их лидеров содержались идеи, во многом созвучные с идеями, высказываемыми президентом. Не претендовали они, во всяком случае на словах, и на политическую власть. Все, чего они добивались, – участия во власти и воздействия на принятие значимых политических решений. А раз так, то они – не конкуренты власти (прежде всего президенту), а скорее, союзники в вопросах проведения политических реформ и демократических преобразований.

Правда, нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что именно на данном направлении они являлись серьезными оппонентами и конкурентами сложившейся политической системе, которая стремится законсервировать завоеванный статус-кво. Обе партии активизировались именно тогда, когда стало очевидно, что в самой власти обострилось противоречие между декларируемыми задачами и их реальным исполнением. Причем активизировались почти синхронно и с участием таких людей, как Дарига Назарбаева и Алтынбек Сарсенбаев. Все это свидетельствовало лишь о том, что в стране грядут серьезные изменения в структуре власти, а потому впервые центры влияния создаются не на поле власти (административного ресурса), а на поле публичной политики.

2004 г. можно считать достаточно успешным в плане функционирования политического режима. Несмотря на до-

вольно сложные политические процессы, власти удалось тактически переиграть оппозицию и сохранить социально-политическую стабильность в обществе. И это – главное достижение. Однако нельзя не отметить и того обстоятельства, что завершившиеся 3 октября выборы в Мажилис республики привели к появлению угрозы масштабного политического кризиса, главными признаками которого стали: резкая общественная поляризация по отношению к итогам выборов; консолидация оппозиции на радикальных позициях; раскол во властных структурах.

Происшедшее стало логическим следствием противоречия между усиливавшейся в последнее время тенденцией перехода к системе «управляемой демократии», заложенным ранее либеральным экономическим базисом и социально-политическими ожиданиями, возникшими как результат высказанных президентом 16 июня на VII съезде РПП «Отан» предложений по политической реформе.

«Оглушительная победа» РПП «Отан» и блока «АИСТ» породила ряд негативных для политической системы последствий:

- произошло расширение пропасти между провластным и оппозиционным крыльями политической и экономической элиты Казахстана;
- углубился идеологический раскол внутри элит и активной части населения, которым в ближайшей перспективе придется постоянно определяться со своей позицией по тем или иным актуальным для общественной жизни вопросам;
- усилилось общественное недоверие к парламенту и власти вообще;
- в обществе возникли ощущения неудовлетворенности и, как следствие, - рост общественного пессимизма.

Тем самым, вместо укрепления политической стабильности, являющейся главным идеологическим козырем власти, произошло ее ослабление.

Но главная проблема заключается в том, что по отношению к итогам выборов общество разделилось. Даже те, кто отдал свой голос за «партию власти», увидев окончательные результаты и осознав, что в итоге победили акимы и олигархи, оказались неудовлетворенными.

Другая проблема состоит в том, что власть своими действиями спровоцировала радикализацию умеренной оппозиции и ее консолидацию с «крайней» оппозицией. Если радикализм «КПК-ДВК» был прогнозируем, то радикализация ДПК «Акжол», фронда РП «Асар» и негативизм других партий, которым в новом составе Мажилиса не нашлось места, – прямой результат выборов. Следствие этой радикализации – изменение не только тактики деятельности оппозиции, но и ее целей.

В-третьих, никогда еще за всю историю суверенного Казахстана «кризис элит» не был столь отчетливо выражен и столь масштабен. Если раньше можно было вести речь об отдельных очагах недовольства действующим политическим режимом, противостоянии по линии «власть–оппозиция», «бунте младотюрков», разногласиях между финансово-промышленными группами и т.д., то прошедшие парламентские выборы и попытка противопоставления административному ресурсу технологий публичной политики спровоцировали общесистемный кризис элит.

Разломы прошли по всем направлениям. И политический ландшафт Казахстана, который еще недавно демонстрировал свою относительную однородность, уже в ближайшей перспективе, с учетом отсутствия отработанного механизма передачи власти и неизбежности этого процесса, мог стать ареной столкновения интересов и борьбы за влияние различных соперничающих группировок и их альянсов. Не исключалась вероятность и того, что «борьба за влияние» будет подразумевать не столько вхождение в «близкий круг» действующего президента, сколько стремление составить ему альтернативу.

Имело место и понимание того, что на системном уровне системообразующая и системостабилизирующая функция президента, с начала обретения Казахстаном суверенитета и до последнего времени работающая достаточно эффективно, по-видимому, подошла к своему логическому пределу и требует формирования дополнительного механизма сдержек и противовесов, способных либо самостоятельно, либо в совокупности с функцией президента обеспечивать:

- сохранение социально-политической стабильности в обществе;
- консенсус элит;
- гарантии мирного процесса преемственности власти;
- локализацию возможной угрозы передела собственности или сведение к минимуму ее негативных последствий.

Другими словами, в начале 2005 г. казалось, что понимание необходимости перехода от режима личной власти к правовому режиму присутствует не только на уровне оппозиции, но и во властной элите.

Правда, дихотомия интересов и целей, присущая властной элите⁴⁷, оставляла сомнения в том, в каком направлении пойдет дальнейшее развитие Казахстана – в сторону консервации сложившейся кланово-олигархической системы власти или в сторону дальнейшей демократической модернизации.

⁴⁷ С одной стороны, стремление сохранения сложившегося статус-кво, в особенности в отношении взаимоотношений по линии «власть–транснациональные корпорации», в том числе и с использованием силовых методов. С другой – корректировка «правил игры», предусматривающая необходимость четкого институционального и правового оформления незыблемости права собственности. Однако гарантом реализации и первого, и второго сценариев был один человек – Нурсултан Назарбаев, и решение задачи, связанной с его переизбранием на очередной президентский срок перевешивало внутриэлитные разногласия и служило мощным консолидирующим фактором, сыгравшим решающую роль в 2005 г.

По-видимому, по данному вопросу имели место сомнения и у Нурсултана Назарбаева, во всяком случае, другими обстоятельствами, исключая фактор страха перед перспективой организации в Казахстане очередной «цветной революции», присущий в те годы казахстанской властной элите⁴⁸, достаточно сложно объяснить почти 10-месячное отсутствие внятного ответа на практически ясный с точки зрения логики вопрос – когда состоятся очередные выборы президента⁴⁹.

Выборы 4 декабря 2005 г., на которых за Нурсултана Назарбаева было отдано 91,15% голосов, скорее всего, подвели черту под этими сомнениями – выбор был сделан в пользу первого варианта.

Косвенно этому поспособствовал разброд в рядах казахстанской оппозиции⁵⁰, позволивший в 2006 г. по-новому переформировать партийное поле Казахстана. В июне 2006 г. РП «Асар», Гражданская партия Казахстана и Аг-

⁴⁸ О том, что такая перспектива не исключалась, достаточно красноречиво свидетельствовал прошедший 7 июня 2005 г. II съезд РП «Асар». Пресс-релиз был категоричен: «Пассивность пропрезидентских партий, непрозрачность работы государственных исполнительных органов, отставание политических реформ от социально-экономических приводят к росту негативных эмоций в обществе. На этом фоне отдельные попытки власти ограничить демократию, свободу слова, политическую конкуренцию, а также деятельность институтов гражданского общества воспринимаются обществом как отход от провозглашенных демократических принципов». – См.: Внеочередной съезд Республиканской партии «Асар» (<http://www.navigator.kz>).

⁴⁹ Только с третьей попытки 19 августа 2005 г. Конституционный совет определился со сроками очередных президентских выборов. Согласно принятому решению, они должны были состояться 4 декабря 2005 г.

⁵⁰ Пленум центрального совета ДПК «Ак жол», прошедший 13 февраля 2005 г. в Алматы, подтвердил старую поговорку: «двум медведям в одной берлоге тесно». Партию погубили неумные амбиции сопредседателей. В марте раскол ДПК «Ак жол» окончательно оформился, из него выделилось радикальное крыло, на базе которого позднее был сформирован новый оппозиционный блок – Движение «За справедливый Казахстан» во главе с перешедшим в оппозицию экс-спикером Мажилиса парламента Жармаханом Туякбаем.

рарная партия были слиты с РПП «Отан». На базе этого объединения была сформирована новая партия – народно-демократическая партия «Нур Отан», которой и предстояло сыграть ключевую роль в парламентских выборах 2007 г.

Кроме того, очевидно, отдавая себе отчет в неспособности НДП «Нур Отан» работать на публичном политическом поле в условиях ограниченного административного ресурса, Н. Назарбаев решил подкрепить довольно обветшалый имидж партии своим личным авторитетом, официально возглавив ее⁵¹, а также предпринял законодательные меры, ограничивающие возможности других партий составить «Нур Отану» политическую конкуренцию⁵².

По результатам парламентских выборов был сформирован парламент, в который вошли исключительно представители НДП «Нур Отан». Однако парадокс заключается в том, что, во-первых, *НДП «Нур Отан» в ее нынешнем состоянии совершенно не готова к превращению в высокотехнологичную массовую партию, способную стать не просто правящей, а государственной. А во-вторых, поспешив с проведе-*

⁵¹Этот шаг можно рассматривать и как подготовку Н. Назарбаевым запасной площадки лично для себя. Несмотря на включение в новую редакцию Конституции поправки, согласно которой на первого президента не распространяется норма об ограничении возможности пребывания в должности два срока подряд, нет гарантий, что после окончания текущего срока Н. Назарбаев воспользуется этой возможностью. Скорее всего, это страховка на случай, если партийный парламент и партийное правительство поведут себя не совсем по предполагаемым правилам и создадут угрозу дестабилизации политической обстановки в стране. В идеале же, по-видимому, планируется ликвидация поста президента и переход к парламентской системе, в которой будет доминировать возглавляемый Н. Назарбаевым «Нур Отан».

⁵² В частности, это выражалось в том, что: в законодательстве был сохранен 7-процентный барьер прохождения в Мажилис; партиям было запрещено создавать предвыборные блоки; осуществлен переход к сугубо пропорциональной системе выборов; распущена нижняя палата парламента и объявлены досрочные выборы в Мажилис.

нием внеочередных парламентских выборов, из «купели» проведенной в начале 2007 г. конституционной реформы власть вместе с водой выплеснула ребенка, окончательно поставив крест на процессе формирования полноценных политических партий в Казахстане. Более того, с учетом сегодняшней ситуации можно предположить, что *в перспективе, продолжающийся уже несколько лет процесс маргинализации казахстанских партий может привести к их постепенному уходу с политической сцены.*

Что касается собственно конституционной реформы, то и здесь не должно быть никаких иллюзий. Безусловно, часть внесенных новелл теоретически могли привести к появлению в Казахстане полноценных политических партий и формированию новой системы сдержек и противовесов, основанной на принципах открытой политической конкуренции. Однако, главная задача, по всей видимости, заключалась в другом – укреплении режима личной власти и устранении всякой конкуренции⁵³.

⁵³ Анализ совокупности поправок в Конституцию однозначно свидетельствует о том, что, несмотря на определенный демократический антураж, конституционные поправки серьезно укрепляют монархический характер президентской власти, предоставляя действующему президенту беспрецедентные права в отношении всех остальных ветвей власти. К числу такого рода нововведений относятся:

- право президента на роспуск парламента или любой из его палат, не ограниченное строго прописанными в Конституции поводами;
- неограниченное право президента на роспуск органов местных представительных органов власти;
- право президента на формирование Ассамблеи народов Казахстана и через нее на назначение 9 членов Мажилиса парламента;
- увеличение количества назначаемых президентом сенаторов с 7 до 15;
- единоличное право президента на назначение руководителей силовых структур;
- возможность совмещения президентом государственных и партийных должностей, что в условиях пропорциональной системы выборов и формирования правительства на основе парламентского большинства дает главе государства второй легальный канал контроля над всеми ветвями власти;

И надо сказать, что эта задача была с успехом решена. Сегодня на политическом поле Казахстана отсутствуют не только сколько-нибудь самостоятельные и знаковые политические фигуры, но и столь характерные для начала и середины 2000-х гг. группировки во власти и на региональном уровне, способные составить политическую конкуренцию Нурсултану Назарбаеву. Тем самым главная политическая проблема последних лет – поиск преемника Нурсултану Назарбаеву и отработка механизма передачи власти – на сегодняшний день, если и не закрыта окончательно, то отодвинута на перспективу 2012 г.

Пока не видно ответов и на другую проблему, которую предполагалось решить проведением конституционной реформы. Речь о повышении эффективности всей системы управления. Организационно-регуляторные способности государства в последнее время стали проявлять тревожную тенденцию к стагнации и даже более того – к деградации⁵⁴. Соответственно, нарастает потенциал негативных последствий, который угрожает не просто делегитимацией действующей власти, но и способен привести к масштабным социальным коллизиям и серьезной дестабилизации политической ситуации в стране. Казахстан, похоже, возвращается к началу-середине 1990-х гг., для которых был характерен

- предоставление президенту права законодательной инициативы, причем для предлагаемых президентом законопроектов не требуется положительное заключение правительства;

- снятие для Н. Назарбаева ограничений по числу сроков пребывания в должности президента.

⁵⁴ Проявлениями этой тенденции выступают не только фактические провалы в планировании и осуществлении ряда государственных программ, неэффективность управления государственными активами, слабое взаимодействие между органами власти на региональном и местном уровнях, участвовавшие конфликты между населением и местными властями, депрофессионализация государственных служащих (особенно на местах), рост коррупции и т.д., но и то, что на критику со стороны оппонентов (даже когда она персонифицирована) власть не дает никакого ответа.

рост социальной напряженности. Причем в его основе лежат не столько экономические причины, сколько неудовлетворенность процессом реформ и обострившееся чувство имеющей место социальной несправедливости.

Все вышеприведенные тенденции политического развития последних лет позволяют сделать вывод о том, что политическое пространство республики в подавляющей степени определяется лично президентом, монополизм власти которого только возрастает. Это дает основание полагать, что в борьбе «реформаторских» и «консервативных» сил в Казахстане на текущем этапе победу одержали последние.

Вместе с тем вполне очевидно, что вновь созданная властная конструкция, решая тактические задачи по укреплению позиций правящего режима, в стратегической перспективе только усугубляет присущие политико-экономической системе Казахстана проблемы и риски, в числе главных из которых можно назвать проблему легитимации частной собственности, защиты от ее передела и вопрос о преемственности власти. Наверняка, это понимает и Н. Назарбаев, а потому спрогнозировать направление дальнейшего развития политической системы Казахстана довольно сложно.

3. Критериальная оценка демократии и рыночной экономики

3.1 Демократия

3.1.1 Политический режим

Хотя большинством авторов сложившийся в Казахстане политический режим описывается как авторитарный⁵⁵ либо

⁵⁵ См.: Куртов А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. М., 2001; Олкот М.Б. Казахстан. Непроходимый путь. М.: Гендальф, 2003.

как режим с «элементами просвещенного авторитаризма»⁵⁶, это не совсем соответствует действительности. Безусловно, в существующем политическом режиме присутствуют элементы авторитаризма, но проблема в том, что он не выполняет главную функцию авторитарного режима – создание сильного государства и обеспечение народу экономического процветания и социального благополучия. Анализ социальной изнанки казахстанского «экономического чуда» обнаруживает поразительные вещи. При стремительном росте ВВП главной проблемой остается борьба с бедностью, а разрыв между богатыми и бедными слоями населения не сокращается, а увеличивается.

Безусловно, существующий политический режим не может быть охарактеризован и как демократия. Наличие практически полного институционального демократического набора ничего не гарантирует. Конституционно закрепленная, свободная от влияния правящего режима, от давления так называемого «административного ресурса» практика ротации исполнительной власти, как, впрочем, и двух других ветвей власти – законодательной и судебной, в Казахстане не существует. Принцип разделения властей, заложенный в конституцию, в политической реальности имеет чисто виртуальный характер.

Кто действительно «правит бал» в Казахстане, так это президентская вертикаль и (во всяком случае, до 2006 г.) сформировавшиеся вокруг нее финансово-промышленные группы. Причем, речь не только о ТНК, но прежде всего – об оффшорных компаниях, в значительной степени контролируемых представителями политического истеблишмента.

Большинство политических партий и движений в Казахстане – это партии лидера. Убери лидера, и нет партии.

⁵⁶ См.: *Котов А.К.* Суверенный Казахстан: гражданин, нация, народ. Алматы, 1997; *Нурпеисов Е.К., Котов А.К.* Государство Казахстан: от ханской власти к президентской республике. Алматы, 1995.

Это, во-первых. Во-вторых, настораживает однотипность программ и полное отсутствие креативных идей. В-третьих, социологические замеры свидетельствуют о низком рейтинге политических партий у населения страны, пока они не пользуются массовой поддержкой.

Но основная проблема заключается в том, что в настоящее время партийное поле полностью реструктурировано, и на нем доминирует НДП «Нур Отан», практически не имеющая политических конкурентов. Однако этот тактический плюс в перспективе может привести к окончательной деградации этой партии и ее уходу с политической сцены Казахстана.

Претендующие на роль оппозиции конкурирующие группы из все тех же властных и господствующих группировок никаких действительных альтернатив проводимой политике не предлагают, а исключительно преследуют цель перехватить властные рычаги и контроль над приватизированными активами.

Все это свидетельствует о том, что в Казахстане более чем за 15 лет демократического строительства политические партии так и не стали полноправным субъектом процесса принятия политических решений.

Судебная власть, по Конституции являющаяся самостоятельной и независимой, в реальной практике таковой не является. «Телефонное право» все еще выше Закона.

Процедуры электоральной демократии используются властью лишь как одна из форм политической мобилизации и не имеют ничего общего с функцией формирования органов власти. Системные гарантии демократичности выборов отсутствуют. В результате в настоящее время «статусно-аппаратные политики» преобладают над «публичными политиками».

Наконец, в 2006–2007 гг. практически была ликвидирована основа, позволяющая характеризовать сложившийся на тот период в Казахстане политический режим как *кланово-*

олигархический. Оценив степень угроз, исходящих от групп влияния⁵⁷, Н. Назарбаев предпринял атаку на них⁵⁸.

На сегодняшний день все ключевые группы влияния, сформировавшиеся во властной элите за годы независимости, либо полностью несостоятельны, либо утратили значительную часть своих ресурсов. С одной стороны, это можно расценивать как положительный фактор, – в том смысле, что цель недопущения доминирования ни одной из групп влияния достигнута. Однако, с другой, оказался нарушен тот баланс, который существовал в ближайшем окружении президента и позволял основным фигурам не только сдерживать друг друга, но и, как это ни парадоксально, способствовать активной деятельности аппарата.

На текущий момент есть только одна доминирующая группа – та, которая формируется лично Н. Назарбаевым и не выходит за заданные им рамки. Все остальные «тяжеловесы» замерли в ожидании, а формирующиеся новые груп-

⁵⁷ К 2005–2006 гг. отдельные группы влияния достигли ресурсного потенциала, достаточного если не для открытого, то для негласного оппонирования власти. Более того, некоторые из них (группа «Рахат Алиев – Дарига Назарбаева») начали открыто оппонировать действующему режиму.

⁵⁸ 2006 год прошел под знаком централизации управления различными государственными активами. С этой целью были созданы: госхолдинг «Самрук», объединивший активы национальных компаний; ФУР «Казына», в состав которого вошли государственные институты развития; государственный агрохолдинг «Казагро»; а также Социально-предпринимательская корпорация (СПК) «Сарыарка» (планировалось, что СПК будут созданы во всех регионах и консолидируют госактивы на региональном уровне). В 2006–2007 гг. была проведена реструктуризация партийного поля, обеспечившая доминирование на нем НДП «Нур Отан». В начале 2007 г. были приняты конституционные поправки, еще более усилившие президентскую вертикаль власти, а главное – снявшие с повестки дня проблему преемника. В течение 2007 г. были предприняты атаки на «Евразийскую группу», удален с политического поля Н. Абыкаев, доведено до логического завершения «дело Рахата Алиева», начата компания по дискредитации Тимура Кулибаева и т.д.

пы еще не набрали того веса, который бы давал основания оценивать их как группы влияния.

Единственное, что сегодня действительно угрожает действующему политическому режиму – рост кризисных явлений и усиление социального недовольства. В совокупности с неспособностью правительства решать актуальные проблемы, эта ситуация уже в скором времени может привести к возникновению конфликта между правительством и парламентом со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями и необходимостью сделать выбор в пользу либо движения в сторону квазипарламентской политической системы в виде «консолидированной автократии»⁵⁹, либо в сторону усиления единоличной власти.

3.1.2 Политическая и социальная интеграция

Главным результатом экономических реформ в Казахстане стало изменение традиционной для Востока иерархии типовых связей. Хотя опосредованные государством, властью–собственностью и просто властью типовые связи остались доминирующими, эта доминанта в большей степени характерна лишь для уровня властной вертикали. На уровне общества доминирующее положение занимают связи корпоративные и опосредованные частнособственническими интересами.

Реальная стабильность в Казахстане держится на массе мелких собственников. В их число входят мелкие торговцы, чиновники среднего звена, владельцы СТО, некоторых крестьянских хозяйств. В Казахстане практически все активное население, т.е. люди, способные принимать решения и организовывать труд хотя бы нескольких человек, чувствует себя относительно уверенно.

⁵⁹ Термин А.Ю. Мельвиля. См.: Мельвиль А.Ю. Посткоммунистические политики и переходы «третьей волны» // *Полис*. 1999. № 3. С. 34.

Особенность Казахстана заключается в том, что каждый из мелких и не очень мелких хозяев включает в свою орбиту влияния некоторое количество людей. Это не только те, кто работает на него. Это также люди, которые в той или иной степени зависят от него. По отношению к ним он выступает как патрон, а они как его клиенты. В результате получается весьма причудливая социальная пирамида общества, основанная на системе патрон–клиент. И эта система лежит в основе организации казахстанского общества.

Необходимо отметить и ту особенность, что практически до конца 2001 г. казахстанское общество было не столь политизировано. Его мало интересовали процессы, происходящие во властной вертикали. Добывание хлеба насущного и попытка вписаться в формирующуюся систему рыночной экономики составляли главную мотивацию деятельности большинства.

И хотя в Казахстане существует порядка 4000 зарегистрированных НПО, 12 зарегистрированных политических партий и более десятка различного рода политических движений⁶⁰, более 2000 средств массовой информации, большая часть из которых не находятся под прямым контролем государства, они не оказывали сколько-нибудь серьезного воздействия ни на власть, ни на общественное мнение. Сложившаяся система патрон-клиентских связей работала достаточно успешно. Причем, как на влажном уровне, так и на уровне общества в целом.

Все изменилось с попыток форсировать процесс политической либерализации. Причем, это стремление артикулировалось не только «демократической оппозицией», но и

⁶⁰ В настоящее время, по данным Минюста, в Казахстане зарегистрировано 21536 некоммерческих организаций, в том числе: 6761 объединение самой различной направленности, 8 политических партий, 3340 общественных фондов, 1072 ассоциации юридических лиц.

самой властью. При этом либо не понималось, либо игнорировалось то, что в случае развития процессов либерализации, введения системы публичных выборов необходимость защиты собственных интересов приведет активную часть общества к формулированию политических интересов и к борьбе за них со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И главное следствие состоит в том, что в силу сложившейся в Казахстане структуры власти и собственности, а также доминанты во властной вертикали принципа «власть–собственность», при любой попытке ускорить процесс политической либерализации неизбежно возникает перспектива передела собственности. Особенно, если учесть тот факт, что за прошедшие годы в результате проведенной в Казахстане приватизации сложились центры власти – собственности, по своей сути запрограммированные и ориентированные на утверждение (в меру возможности) своей независимости, на отрицание, или хотя бы максимальное ограничение суверенитета объединяющего их государственного целого.

С другой стороны, нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что системной характеристикой постсоветского государства (и Казахстан в данном случае не является исключением) является отсутствие гарантированного, не на бумаге, а на деле, права собственности. Собственность фактически находится лишь в условном владении своих распорядителей и может быть изъята в случае нарушения ими тех или иных договоренностей с властными структурами. И если на этапе первоначального накопления капитала доступ к благам обеспечивали положение и должность, то теперь им на смену (или в дополнение к ним) пришли собственность и средства. Необходимость обеспечить правовые гарантии этой собственности породила корпоративные (внутриэлитные) интересы, связанные с минимизацией возможностей государства по ее перераспределению. Отсюда возникли требования о необходимости трансформации политической

системы и движения в сторону правового государства, или, как «программа минимум», – незамедлительное принятие таких «правил игры», которые бы гарантировали от передела собственности при смене политического лидера.

3.2. Рыночная экономика

Говоря о Казахстане, наряду с описанными проблемами, надо видеть и безусловные достижения: осуществлены радикальные экономические реформы, созданы основы рыночной экономики, проведена масштабная приватизация, заработал частный сектор, национальная валюта практически конвертируема и курс ее достаточно устойчив, разбужена предпринимательская энергия масс, в экономической структуре резко повысилась доля сервиса и потребительского сектора, из обихода исчезло понятие «дефицита» каких-либо товаров.

Несомненно, уровень социального и имущественного неравенства в обществе существует в достаточно высокой степени. Однако необходимо отметить, что уровень достигнутых рыночных преобразований, с одной стороны, и рост государственных доходов и расходов, с другой, ведут к общему росту благосостояния в обществе. Во-первых, рыночные преобразования в Казахстане привели к тому, что практически вся активная часть населения перешла в разряд класса мелких буржуа, обеспечивая себя и зависимую от нее определенную часть социально пассивного населения. Во-вторых, рост государственных доходов и расходов обеспечивает относительный, но постоянный рост содержания зависимого от государства населения. В-третьих, экономический бум последних лет постоянно усиливает спрос на рабочую силу, а в силу нехватки квалифицированных кадров, неудовлетворенный спрос вызывает постоянный рост рынка оплаты труда.

Нельзя не отметить и того, что, в отличие от его соседей по региону, в Казахстане существует развитая конкурентная среда, особенно среди мелкого и среднего бизнеса. Уровень

присутствия государства в этом секторе экономики крайне низок, взаимоотношения с государственными органами управления находятся в приемлемых рамках, даже с учетом их коррупционной составляющей.

Институт частной собственности в Казахстане является основной формой собственности в стране. Уже к 1997 г. доля частного сектора в валовом национальном продукте достигла 55%, а в 2001 г. – 85%. В 2004 г. было принято решение о введении частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения.

Несмотря на неоднозначные оценки процесса приватизации и ряд претензий в связи с высокой вероятностью потери собственности в случае произвола бюрократии, можно с уверенностью утверждать, что частная собственность уже стала доминирующим фактором экономического развития Казахстана. При всех претензиях к действующей системе власти, выбор в пользу частной собственности и отказ от доминирования государства в экономике обеспечил процесс казахстанских реформ. Успех реформ был гарантирован широкой либерализацией в экономике и отношениях собственности при одновременном ограничении процессов либерализации в политике.

Государственная монополия существует, в первую очередь, в области транспорта, в том числе трубопроводного. С начала 2005 г. проводится попытка либерализации рынка телекоммуникаций. Все остальные рынки включая жилищно-коммунальный и энергетический находятся в частной собственности. Действует антимонопольный комитет, одобрение которого при повышении цен предприятиями, признанными монополистами, обязательно.

Внешняя торговля либерализована полностью. Существует ряд заградительных пошлин на импорт отдельных видов продукции, но их номенклатура и размер незначительны. Периодически вводятся временные ограничения на экспорт топлива, обычно на период уборки урожая.

Банковская система является одной из наиболее современных и устойчивых на постсоветском пространстве, хотя, как показали события 2007 г., и в этой области существует ряд проблем, прежде всего связанных с большими масштабами заимствований за рубежом. Банковская система обладает серьезными активами, которые, помимо прочего, активно инвестируются за пределами Казахстана.

Главным приоритетом Национального банка Казахстана является низкий уровень инфляции. Так как в Казахстане практически нет внутреннего производства, которое могло бы потерять конкурентоспособность в результате укрепления национальной валюты, Нацбанк страны проводит постоянную политику поддержания низкого уровня инфляции.

Существует новая система социального обеспечения, старая система социальных льгот советского типа была ликвидирована в середине 1990-х гг. В настоящий момент существует комбинированная система социального обеспечения, включающая солидарную систему, объединяющую 1,7 млн. пенсионеров по старости и накопительная система, которой охвачено 4,47 млн. работающих (работники, относящиеся к категории самозанятых, не участвуют в накопительной системе пенсионного обеспечения).

Все вышесказанное можно занести в актив рыночных реформ в Казахстане. В пассиве – их незавершенность, а порой элементарная профанация. Как показали события 2007 г., сложившаяся в Казахстане рыночная экономическая система далека от совершенства. И на сегодняшний день есть тревожные ожидания того, что на данном этапе социально-политический кризис Казахстану преодолеть не удастся, не хватит ресурсов. К такому выводу приводит несколько взаимосвязанных обстоятельств.

Во-первых, экономический кризис, как бы мы стыдливо не называли его «коррекцией», – состоявшийся факт. Стаг-

нация на строительном рынке заметна невооруженным глазом; банковская система находится в напряжении, и ее состояние будет еще хуже, поскольку в этом году банкам второго уровня нужно выплатить по своим займам около 13 млрд. дол.; реальный сектор экономики в связи с дороговизной кредитов фактически замер, доля отечественной продукции на рынке продовольственных товаров упала с 80–85% до 60–65% (причем, это очень оптимистическая оценка); впервые за последние 8 лет инфляции вышла за прогнозируемые пределы и, по официальным данным, составила 18,8% (по экспертным оценкам – 40%); внешний долг на конец 2007 г. вырос до 96,37 млрд. дол., причем 40% в этой сумме – долги работающих в Казахстане ТНК.

Во-вторых, в результате экономического кризиса – фактическое возвращение к ситуации середины 1990-х гг., когда социальный кризис был налицо. Сегодня, как и в те годы, в стране ширится забастовочное движение, причем активность начинают проявлять не только сами работники, видимо, доведенные до отчаяния резким ростом стоимости жизни и низким уровнем оплаты труда, но и официальные профсоюзные лидеры. Голову поднимают даже прежде бессловесные бюджетники.

В результате «непродуманных» (а если точнее – балансирующих на грани коррупционных) действий правительства и местной власти появились и новые социальные категории протестной базы: обманутые дольщики, лица, у которых жилье изымается «для государственных нужд», «незаконно» построившие свои дома граждане и т.д. Они уже не рассчитывают на помощь со стороны государственных органов, а самоорганизуются во временные союзы, которые вполне могут принять постоянный характер и стать перманентной головной болью для власти.

Но перспектива еще тревожнее. Многократное удорожание жилья сделало его практически недоступным для мо-

лодежи, особенно из числа многодетных сельских семей, представленных главным образом титульным этносом. Рано или поздно и эта категория граждан потребует своего «места под солнцем», и тогда сегодняшний социальный протест покажется лишь детскими шалостями.

Вторая проблема – люди, которым в настоящее время 50–55 лет. С одной стороны, именно эта категория населения составляет часть группы так называемых «самозанятых», которые с вводом накопительной пенсионной системы не вносили целевые взносы, но, тем не менее, имеют значительный трудовой стаж и когда-то работали на государственных предприятиях, а следовательно – вполне логично могут поставить вопрос о том, что имеют право на пенсию по старости. С другой стороны – и накопительная пенсионная система оказалась фикцией. За все годы ее существования в ней аккумулировано чуть больше 10 млрд. дол., которых, когда дело подойдет к реальным выплатам основной массе тех, кто сейчас накапливает, на достойную старость просто не хватит.

Здесь возникает два вполне закономерных вопроса. Первый – как и куда «испаряются» пенсионные накопления граждан, поскольку объемы официальных сборов свидетельствуют о том, что средств в пенсионных фондах должно быть на порядок больше⁶¹? Второй – как правительство собирается решать проблему выплат, и собирается ли решать ее вообще? Ни на тот, ни на другой вопрос ответов пока нет. А ответы нужно искать уже сейчас, поскольку через три-пять лет будет уже поздно – проблема из области прогнозируемой перейдет в практическую сферу.

⁶¹ По итогам 9 месяцев 2007 г. накопительные пенсионные фонды привлекли пенсионные взносы в размере 824,214 млрд. тенге (около 6,7 млрд. дол.), осуществили пенсионные выплаты и переводы в страховые организации на сумму 58,112 млрд. тенге, т.е. в пределах 7% от общих поступлений.

Таблица 2.

**Динамика изменения
социально-экономических показателей (2000–2005)**

	2000	2005
Численность населения (тыс. человек)	14 865,6	15 219,3
Занятое население (тыс. человек), в том числе:	6 201,0	7 261,0
самостоятельно занятые работники (тыс. человек)	2 696,6	2 620,4
безработные (тыс. человек)	906,4	640,7
Оценка номинальных денежных доходов населения (на душу в месяц в \$)	44,7	116,4
Среднемесячная номинальная заработная плата на одного работника (\$)	101,1	256
Депозиты населения (млн. \$)	621,1	4 228,8
Валовой внутренний продукт (млрд. \$)	18,29	57,13
ВВП на душу населения (\$)	1 229	3 771,3
Доходы государственного бюджета (в % к ВВП)	23,0	28,1
Расходы государственного бюджета (в % к ВВП)	23,2	26,8
Внешнеторговый оборот (млн. \$), в том числе:	13 852,2	45 201,2
экспорт	8 812,2	27 849,0
импорт	5 040,0	17 352,2
Объем внешнего долга (в % к ВВП)*	68,5	74,4

* В 2000 г. государственный и гарантированный государством внешний долг составлял 4.056 млн. дол. или 31,3% всего совокупного долга; долг частного сектора, не гарантированный государством, – 8.596 млн. дол. На конец 2000 г. государственный и гарантированный государством внешний долг составлял 5,1 млрд. дол.; общий объем внешнего долга – 32,017 млрд. долларов.

Источники: Годовой отчет Национального банка РК за 2000 г. Алматы, 2001; Годовой отчет Национального банка РК за 2006 г. Алма-

ты, 2005; Казахстан. Статистический ежегодник. 2006. Алматы, 2006. С. 18, 35, 52, 151, 353–354, 361; Краткий статистический ежегодник Казахстана. 2005. Алматы, 2005. С. 5–6, 15; Отчет о финансовой стабильности Казахстана. Алматы, декабрь 2007 (http://www.nationalbank.kz/cont/publish244854_4076.pdf).

4. Оценка менеджмента

Вышеприведенные данные показывают, что за последние пять лет в Казахстане наблюдается устойчивый экономический рост. Однако столь высокие его темпы стали возможными прежде всего благодаря ускоренному наращиванию добычи и экспорта нефти. Если в 1998 г. доходы от экспорта нефти составляли 7,5% ВВП, в 2003 г. – 23,6%, в 2004 г. – 37%, то в 2007 г. этот показатель увеличился до 40%.

Это же обстоятельство объясняет и лидерство Казахстана в привлечении в экономику прямых иностранных инвестиций (ПИИ). За 1991–2003 гг. Казахстан абсорбировал около 15,5 млрд. дол. чистых прямых иностранных инвестиций (приток минус отток). Причем, ПИИ превратились в важнейший макроэкономический фактор в современной казахской экономике. В 1991–1998 гг. их приток достигал 5% ВВП, в 1999–2002 гг. этот показатель вырос до 9,5%. В 1989–1994 гг. за счет прямых иностранных инвестиций обеспечивалось 13% валовых вложений в основной капитал, в 1995–1998 гг. – около одной трети, а в 1999–2001 гг. – более половины.

Сегодня за это приходится платить свою цену. Первая проблема связана с тем, что в результате проведенных реформ (прежде всего приватизации) унаследованная экономическая структура расслоилась на два сектора: экспортный, который объединяет два-три десятка предприятий в нефтедобыче и металлургии, и практически все остальное производство, которое в изменившейся конфигурации спро-

са и цен оказалось в основной своей массе неконкурентоспособным даже на внутреннем рынке.

Внутренний спрос так и не стал источником роста ВВП, как это происходит в развитых капиталистических странах. Отцы-основатели либеральных реформ в соответствии с классическими либеральными традициями поставили перед собой главную цель – контролировать инфляцию пусть даже в ущерб внутреннему потреблению.

Малочисленность и низкий уровень доходов населения⁶² исключают возможность ориентации на внутренний рынок. В таких условиях использование природной ренты естественно превращается в главный нервный узел экономической политики. Но с изъятием природной ренты существуют большие проблемы. Большая часть месторождений нефти и других природных ресурсов Казахстана находится в руках иностранцев. Так, по ряду экспертных оценок, ТНК контролируют до 40% промышленного производства и около 50% внешней торговли Казахстана⁶³. Причем, права на распоряжение этими ресурсами оговорены специальными контрактами, подписанными в середине 1990-х гг. и существенно ущемляющими интересы Казахстана.

Третья проблема связана с низким уровнем производительности экономики. Внушающая оптимизм динамика ВВП не должна отвлекать от того факта, что львиная доля доходов в стране имеет рентное происхождение, намного меньшая часть приходится на долю капитала и совсем небольшая – на долю труда. Бюджет государства формируется

⁶² По некоторым оценкам, около 5% населения в Казахстане контролируют до 80% богатства страны, от 40 до 75% населения находятся ниже черты бедности; разница в доходах 5% самых богатых и 5% самых бедных достигает 80-кратной цифры. – См.: *Матаев Г.М.* К вопросу о поляризации населения в Казахстане (<http://www.kisi.kz/Parts/intPol/Mataev.html>).

⁶³ *Либман А.* Государство и бизнес в России и Казахстане: сравнительный анализ // *Exclusive*. Сентябрь 2005. № 9. С. 73.

за счет рентных доходов, то есть мало связан с экономической активностью населения.

Причем, главным и непреодолимым в нынешних конкретных условиях препятствием, делающим практически невозможным существенный переток ресурсов в несырьевые сектора экономики, является кровная заинтересованность присваивающих львиную долю сырьевой ренты власть имущих слоев бюрократии, сросшейся с верхушкой бизнеса, в сохранении этой ренты. В первую очередь это относится к ближайшему президентскому окружению. Представляется, что в обозримом будущем в экономике Казахстана будет доминировать небольшое количество крупных корпораций, в том числе и транснациональных, интересам которых и будет подчинена экономическая политика.

В-четвертых, увеличение объемов ВВП и рост бюджетных поступлений никак не сказывается на улучшении состояния социальной сферы. Более того, вложения в социальную сферу имеют тенденцию к сокращению. Если в 1991 г. средства, выделенные на здравоохранение, составили 3,6% ВВП, то в 2006 г. – только 2,3%. Расходы на образование также снизились: 3,4% ВВП в 2006 г. против 6,5% в 1991 г., расходы на социальную защиту за тот же период сократились с 4,9 до 4,3% ВВП⁶⁴.

Главная причина столь печального состояния – кризис системы управления, а если проще – либо отсутствие контроля за макроэкономическими процессами со стороны правительства,⁶⁵ либо элементарное головотяпство или того

хуже – казнокрадство. Последнее, кстати говоря, недалеко от истины. По подсчетам Петра Своика, основанным на официальных данных статистики за 2000–2007 гг. из баланса Казахстана «испарилось» 100 млрд. 868 млн. долларов⁶⁶. Причем, куда они делись, никто не знает (либо знает, но понимает, что озвучивать такого рода информацию себе дороже).

Резюмируя сказанное следует заключить, что в казахстанской экономике отчетливо проявляются типические черты экономик стран отсталой мировой периферии – это экспортоориентированная модель с минимальным социальным перераспределением, ущербным внутренним рынком и неэффективными, неконкурентоспособными несырьевыми секторами.

Не менее серьезную проблему составляет разбухание государственного аппарата⁶⁷ при одновременном снижении качественного уровня управленцев, росте коррупции и снижении уровня ответственности за исполнение решений. Одной из отличительных черт сегодняшнего кадрового корпуса является то, что чиновники потеряли не только совесть, но и страх. А это самый верный признак того, что система лишилась даже внутренних сдержек и противовесов.

Попытка решить эту проблему при помощи административной реформы путем ввода института ответственных секретарей, призванных обеспечить стабильность аппарата и повышение эффективности его деятельности, фактически

зацией экономических органов, ставили перед собой в качестве главной задачи не решение экономических задач государства, а укрепление степени своего административного влияния на систему: как расставить одних людей, как снять других, как взять под контроль финансы». – См.: *Central Asia Monitor*. 11.01.2008.

⁶⁶ *Начнем с понедельника*. 29.02.2008.

⁶⁷ По состоянию на 1 января 2008 г. фактическая численность государственных служащих по республике составила 94 949 человек.

⁶⁴ См.: *Эксперт Казахстан*. 2008. 28 января. № 4.

⁶⁵ Самую нелицеприятную оценку макроэкономической деятельности правительства дал бывший председатель правления АО «Инвестиционный фонд Казахстана» Зейнулла Какимжанов, по мнению которого, в правительстве не только нет людей, которые были бы в состоянии отслеживать макроэкономические процессы, но «там даже нет понимания того, что этим надо заниматься». «Те люди, которые стояли за реоргани-

провалилась. Судя по кадровым решениям осени прошлого года, с разгромным счетом победил аппарат – большинство назначенцев (ответственных секретарей) являются выходцами из аппаратов самих министерств и лишь единицы были направлены из администрации президента и правительственного аппарата. В этих условиях рассчитывать на усиление контроля и повышение эффективности – наивность.

5. Международный фактор

Системной характеристикой почти всех государства постсоветского пространства является то, что они испытывали сильнейшее внешнее влияние. И речь не только в геополитических вопросах. С геополитикой как раз все понятно, мы все как бы не самостоятельны, за исключением, может быть, России, хотя и она в начале 1990-х гг. демонстрировала свою полную несамостоятельность.

Более существенно то, что это внешнее влияние проявилось с одной стороны, в заимствовании иностранного капитала, а с другой - в заимствовании западных теорий, западных моделей построения демократического общества.

Что касается первого, то практика использования иностранного капитала известна всем странам, и в ней нет ничего предосудительного. Проблема в другом. Во-первых, одним из результатов этого процесса стало стремительное наращивание внешнего долга. По состоянию на 31 декабря 2007 г. валовый внешний долг достиг 92,4% от ВВП и составляет 96,37 млрд. дол. И хотя государственный и гарантированный государством внешний долг в его структуре составил 2,1 млрд. дол., это слабое утешение, особенно с учетом специфики структуры собственности в Казахстане. Долг частного сектора, негарантированного государством – 94,27 млрд. дол., в том числе межфирменная задолжен-

ность – 29,9 млрд. дол. Это можно расценивать как стремление иностранных компаний оформить свои инвестиции в Казахстане в виде внешней задолженности для их большей сохранности, а можно и как проявление своеобразного «неоколониализма».

Но более существенно то, что в Казахстане итогом процесса привлечения ПИИ и передачи собственности иностранным компаниям стало усилившееся верховенство компрадорской деятельности и компрадорских групп над группами работающими (или пытающимися это сделать) на внутренний рынок и на развитие отечественного производства.

Во-вторых, все свои теоретические изыскания мы строим именно на западных теориях. И здесь возникает вопрос: насколько теоретики западной демократии или насколько западная модель подходит к нашему восточному обществу (мы все-таки Восток), насколько приемлем западный сюртук там, где необходим восточный халат и стоит ли вообще это делать?

Конечно, есть критерии западной демократии, которым неукоснительно следуют ОБСЕ или Европарламент. Однако в условиях, когда теория транзита практически отсутствует, а каждая страна имеет свою специфику, возникает законный вопрос, почему мы подвергаемся критике, когда начинаем искать свой собственный путь? Речь не идет о «казахстанской» или какой-либо иной модели, но специфика должна все-таки учитываться. И хотя на сегодняшний день перспектива рисуется не очень оптимистическая, как представляется, выход можно найти. Вопрос в другом, нужно пытаться наши дискуссии перевести в практическую плоскость, т.е. достучаться до государства, ведь оно пока остается главным игроком на этом поле, не гражданское общество, а именно государство, хотим мы этого, или не хотим.

Выводы

Первый вывод, который следует из опыта социально-экономической и политической трансформации большинства транзитных стран вообще, заключается в том, что политическая либерализация не должна опережать либерализацию экономическую. Политические реформы должны проводиться только тогда, когда их отсутствие начинает тормозить экономические преобразования, а основная их задача – регулирование степени вмешательства государства в экономическую сферу и формирование единых и принимаемых всеми «правил игры». Там где попытались поступить наоборот, реформаторы не достигли успеха, и кое-где сегодня вполне очевидна угроза исчезновения национальной государственности.

Отсюда следует, что в период трансформации государство играет одну из первостепенных ролей как в организации экономики, так и в организации общества и самого себя; то, что «рыночная экономика» – самоорганизующая общество категория, а активизация роли государства в переходном обществе непременно ведет к усилению авторитарности власти – просто миф. Но миф, становящийся реальностью в условиях непродуманности политики государства и доминирования в его деятельности бюрократического начала.

Вторая особенность вытекает из отсутствия сформированного гражданского общества, альтернативой которому выступает государство. Отсюда – специфика трансформации собственности на средства производства, связанная с тем, что государство объявляет себя юридическим собственником средств производства. Это и служит той первоосновой, на базе которой формируются негативные тенденции в политической и социальной сферах, в том числе и политическая практика так называемого «авторитарного отката».

Специфика трансформации собственности на средства производства определяет и особенности процесса формирования новых социальных страт, который идет в трех направлениях. На одном полюсе формируется неверно ассоциируемая с национальной предпринимательской буржуазией бюрократическая (компрадорская) буржуазия, использующая в своей практике экономическое и внеэкономическое господство и стремящаяся навечно закрепить его путем спекуляции на многочисленных функциях государства через систему «право–привилегия». На другом – различные социальные группы, в той или иной мере сумевшие приспособиться к новым производственным отношениям: рабочие и служащие некоторых промышленных предприятий; перешедшие к традиционным формам организации труда фермерские хозяйства; работники сферы обслуживания («челноки», мелкие и средние торговцы и ремесленники, некоторые категории научно-технической интеллигенции и т.д.). На третьем – гигантская масса деклассированных элементов, формально выброшенных из общества, но фактически составляющих его неотъемлемую, и что наиболее опасно – постоянно растущую часть.

Другими словами, трансформация собственности на средства производства, призванная решить задачу формирования свободных персонифицированных собственников и свободного рынка, настоящих экономических и правовых отношений, формирования массового среднего класса, фактически эту задачу не решила. Более того, общество оказалось расколотым на меньшинство собственников и большинство несобственников в духе именно прав-привилегий в сфере собственности и иных отношений. Государство, объявив себя юридическим собственником средств производства, фактически само создало условия для возникновения симбиоза власти и собственности, столь характерного для феодальной стадии развития общественных отношений.

В-третьих, наличие демократического институционального набора не тождественно наличию демократии. Надо учитывать то, что представляют собой эти институты, т.е. их качественный состав: что они могут, как осуществляется их деятельность и самое главное – в каком направлении эта деятельность осуществляется. Проблемы их функционирования так же связаны со спецификой процесса приватизации. С началом процесса трансформации собственности на средства производства в постсоветской редакции в политической сфере неизбежно разворачивается борьба между различными звеньями государства (по вертикали и по горизонтали) за право быть субъектами созданной государственной собственности, которая естественным образом сопровождается как спецификой формирования новых политических элит, так и совершенно определенной мотивацией их деятельности.

Поскольку, в процессе приватизации собственниками «огосударственной собственности» могли стать и фактически стали лишь некоторые, но никак не все желающие, а отбор «некоторых» из числа всех осуществлялся не стихийно, а вполне управляемо – государство как власть и как исходный собственник определяло, кому, как, сколько, для чего и на каких условиях предоставляется собственность – все рудименты бывшей номенклатурной системы остались в неприкосновенности. И эти рудименты привнесены в сегодняшнюю кадровую систему. Хотим мы того, или нет, но даже новая генерация кадров, приходя в эту систему, вынуждена играть по ее правилам.

Отсюда, с одной стороны, проблемы, связанные с закрытостью политической системы и доминированием в кадровой системе не принципа профессионализма, а принципа личной преданности. Как следствие – коррупция на всех эшелонах административно-управленческого аппарата и превращение коррупции в своеобразную системообразующую вертикаль.

С другой – произошедший раздел собственности привел, к возникновению предпосылок для процесса формирования полицентризма, одновременного существования множества самостоятельных центров власти-собственности, по своей сути запрограммированных и ориентированных на утверждение (в меру возможности) своей независимости, на отрицание, или хотя бы максимальное ограничение суверенитета объединяющего их государственного целого. Это и региональные элиты, и определенные финансово-промышленные группы, интересы которых в экономике, во внешней и внутренней политике не всегда совпадают с интересами государства.

Поскольку в этих условиях единственным системоустойчивым фактором может выступать президентская вертикаль власти, на постсоветском пространстве при наличии полного институционального набора демократии почти повсеместно наблюдается авторитарный откат.

Плохо это или хорошо, вопрос спорный. На этапе транзита, по-видимому, другого не дано. Но проблема состоит в том, что наличие самостоятельной президентской власти не способствует формированию других властных сдержек и противовесов, и когда системоустойчивая функция президента подходит к своему логическому завершению, политическая система оказывается в тупике. И проблема не в личности президента. Проблема в том, что на сегодняшний день центральноазиатские государства пока не готовы к конкуренции элит, а потому вопрос о полноценной электоральной демократии отодвигается на второй план.

Поэтому вариант эволюции суперпрезидентской (полупрезидентской) формы правления к парламентской вряд ли может быть осуществлен в обозримой перспективе. Являясь одной из наиболее сложных форм демократического правления, парламентская республика для эффективного функционирования требует длительных демократических тради-

ций, укорененности в менталитете населения демократических ценностей и высокой политической культуры, наличия самоорганизованности населения в лице институтов гражданского общества и многого другого, что для Казахстана является делом отдаленного будущего. Попытка же искусственного ввода парламентской формы правления, особенно в условиях незрелых обществ, однозначно приводит к их дестабилизации и откату от демократии⁶⁸.

Следовательно, предварительным условием политической модернизации является наличие гражданского общества, то есть массового наличия определенного типа самостоятельных и самоценных личностей, способных конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способных подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

Отсюда первая и основная задача политической реформы – преодолеть тенденции консервации сложившихся экономических взаимоотношений, основанных на сращивании интересов и собственности чиновно-бюрократического аппарата и капитала соответствующих уровней (местечкового, регионального, республиканского, ТНК). Иными словами, слом всех элементов, обеспечивающих превращение коррупции в системообразующую вертикаль, и создание реальных свободно-рыночных отношений с адекватным их политическим и юридическим оформлением.

Вторая задача - ограничение влияния компрадорских групп и компрадорской деятельности и их замена группами, работающими на внутренний рынок и производственной деятельностью. Отсюда необходимость сформировать совершенно новую систему сдержек и противовесов, которая бы позволяла достичь консенсуса между интересами госу-

⁶⁸Пример Украины и Киргизии в этом смысле достаточно убедителен.

дарства и финансово-промышленных групп, одновременно не позволяя ни одной из них становиться доминирующей.

Третья задача – движение в сторону правового государства, или, как «программа минимум», – незамедлительное принятие таких «правил игры», которые бы гарантировали от передела собственности при смене политического лидера.

В силу сложившейся на постсоветском пространстве структуры власти и собственности, а также доминанты во властной вертикали принципа «власть-собственность», любая попытка ускорить процесс политической модернизации не только неизбежно приведет активную часть общества к формулированию политических интересов и к борьбе за них со всеми вытекающими отсюда последствиями для стабильности политической системы, но и к возникновению перспективы передела собственности. *Поэтому необходимой и достаточно срочной представляется выработка новых «правил игры», гарантирующих незыблемость права частной собственности и удаляющих чиновника от бизнеса. Необходимо снять сомнения в том, что с изменением характера политического режима и укреплением роли парламента возможен передел собственности⁶⁹.*

Решение этих задач обеспечивает не только выход на качественно иной уровень социально-экономических и политических отношений в обществе, детерминируя их не волей отдельных лиц, а необходимостью достижения консенсуса элит. За счет создания более уравновешенной системы представительства политических и экономических субъектов (элит) в государственных органах естественным образом укрепляется авторитет власти и расширяется социаль-

⁶⁹ Кстати говоря, в том же Китае, пример социально-экономической и политической трансформации которого можно рассматривать как достаточно успешный, пришли к аналогичному пониманию. Принятый на прошедшей в марте 2007 года сессией ВСНП «Закон о вещном праве» как раз и предусматривает законодательное оформление права собственности.

ная база ее поддержки, а следовательно – укрепляется политическая стабильность. Не менее значимо и то обстоятельство, что реализация этих задач будут способствовать активизации «замороженной» в настоящее время тенденции к формированию полноценного гражданского общества, а следовательно – и среднего класса, как его основы.

В-четвертых, необходимо концептуально определиться по модели политической системы страны. Попытка сохранения ныне действующей модели самостоятельной президентской ветви власти (даже при условии расширения полномочий и прав парламента, а также реформы судебной власти) только усилит имеющиеся противоречия системного характера, что при определенных обстоятельствах способно привести к масштабному политическому кризису и настоящей войне элит за передел власти и собственности.

Пока этот вопрос остается открытым, хотя и предлагается три варианта эволюции политического режима: парламентско-президентская, президентско-парламентская,⁷⁰ парламентская республика. Все три варианта требуют детального просчета на предмет их адекватности конкретным условиям той или иной страны.

⁷⁰ Надо отметить, что данная терминология, активно используемая в Казахстане в настоящее время, не совсем корректна с научной точки зрения. В современном мире существуют три основные разновидности республики: *парламентская, президентская и смешанная, или полупрезидентская*. Главной отличительной чертой парламентской республики является образование правительства на парламентской основе (обычно парламентским большинством) и его формальная ответственность перед парламентом. Отличительный признак президентской республики состоит в том, что в ней президент одновременно выступает и главой государства, и главой правительства. Полупрезидентская республика не имеет таких устойчивых типичных черт, как парламентская и президентская, и в различных странах тяготеет к одной из этих форм. Ее главная характерная черта – двойная ответственность правительства: перед президентом и перед парламентом.

Общий плюс всех трех вариантов – возможность канализировать борьбу элит за власть в русле открытого политического пространства, поставив ее под общественный контроль. Одновременно была бы достигнута задача предотвращения междоусобной войны элит, которые сосредоточатся на получении мест в парламенте, а не на подковерной борьбе за единственное место президента. Кроме того, ввиду определенного распыления власти и перевода социально-экономических дискуссий в форму парламентских, существенно снижается угроза передела собственности.

Общий минус – сохранение угрозы дробления и распыления системы власти со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями, в числе которых далеко не последнее место занимает проблема регионального сепаратизма, а следовательно – вопросы сохранения межнационального и внутриэтнического согласия, обеспечения консенсуса элит и территориальной целостности.

Однако на краткосрочную перспективу более существенным представляется другое. Опыт процесса трансформации большинства успешных транзитных стран показывает, что предварительным условием процесса политической модернизации является наличие рыночных экономических преобразований, устойчивость которых в свою очередь базируется на *безусловной власти закона и общественном согласии*. Более того, *доверии народа к государственной власти*. И главная на сегодняшний день задача – не утратить этого доверия.

Положительная результативность политических реформ возможна только в случае доведения стандартов жизни каждого гражданина до относительно приемлемого уровня, *поэтому агрессивная социальная политика должна быть основой деятельности государства*. Повышение уровня жизни, обретение уверенности в будущем, экономический

рост, основанный на росте внутреннего спроса, - таковы предпосылки социальной активности, которая безболезненно и эффективно сможет наполнить содержанием политические институты и в конечном итоге приведет к становлению гражданского общества.

Непосредственно с этим связан и вопрос о том, каким образом пробудить на уровне социальной системы энергию самоорганизации. *При этом мы можем сколько угодно долго спорить о ненужности или нецелесообразности государственной идеологии, но заполнить идеологический вакуум чем-то все равно необходимо.*

КЫРГЫЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Кыргызстан – первая из стран постсоветской Центральной Азии, где проблема смены власти была решена силовым путем⁷¹. Мартовские события 2005 г. стали важной вехой в современной истории Кыргызстана, подведя итог противоречивому периоду акаевского правления и положив начало новому, не менее противоречивому, этапу политического развития страны. Принимая произошедшее за некую точку отсчета, попытаемся рассмотреть характер трансформации Кыргызстана, чтобы понять, какие ее особенности привели к радикализации общественных настроений и насколько смена режима влияет на содержание общественных процессов в этой стране.

Политическая трансформация в эпоху Акаева: от «демократического транзита» к «авторитарному откату»

В последние годы большинство аналитиков оценивают трансформацию независимого Кыргызстана как «авторитарный откат», постепенное свертывание демократических достижений раннего периода независимости. Эти достижения, особенно на фоне происходящего в соседних государ-

⁷¹ 17 марта 2008 г. парламентом Киргизии принят и 24 марта подписан Президентом К. Бакиевым закон, объявляющий 24 марта государственным праздником «Днем народной революции» (именно 24 марта 2005 г. в результате массовых беспорядков Президент А.А. Акаев был отстранен от власти и бежал из страны). Однако следует иметь в виду, что оценка этих событий как «народной революции» мотивирована исключительно политическими соображениями нынешнего руководства Киргизии.

ствах, обеспечили в 1990-е гг. Кыргызстану репутацию «острова демократии» в Центральной Азии. Вот как оценивал развитие республики в период «демократического транзита» авторитетный западный источник: «Кыргызстан... достиг значительных успехов в демократическом и экономическом развитии, несмотря на отсутствие демократических традиций и опыта рыночной экономики. Сознывая, насколько страна бедна ресурсами, политическая элита внесла в повестку дня западные ориентиры (цели) развития, чтобы привлечь иностранные инвестиции, и преуспела в этом. Возникла плюралистическая, пусть и неустойчивая, партийная система; было создано много гражданских организаций, в том числе весьма эффективные группы; сформировалась критически мыслящая пресса. Выборы более или менее соответствовали международным стандартам. Базовые права человека гарантировались. Проводились всеобъемлющие экономические реформы, были введены свободные цены и обменные курсы валют. В ходе присоединения к ВТО была достигнута либерализация внешней торговли, и была легализована купля-продажа земли»⁷². «Однако со временем политическая трансформация Кыргызстана застопорилась. Получили распространение авторитарные структуры и методы действия... Результаты уже осуществленных реформ отбрасывались в сторону. Это особенно касалось сферы политического представительства и интеграции, институциональной эффективности системы управления, верховенства закона и поддержки гражданами политической системы. Экономическая трансформация продвинулась лишь незначительно. Политики, принимающие решения, не сумели качественно укрепить экономическую трансформацию...»⁷³.

⁷² Kyrgyzstan. Bertelsmann Transformation Index 2003. С. 1, 13.

⁷³ Там же. С. 2.

Действительно, в Кыргызстане начала 2000-х гг. легко обнаруживались классические признаки авторитаризма – доминирование власти (государства) над обществом, примат исполнительной власти над другими секторами, ограничение (в той или иной форме) легальной оппозиции. В результате конституционных реформ полномочия президента были существенно расширены, а власть парламента ограничена. Парламент был практически выключен из процесса формирования правительства, и в целом его участие в процессе принятия решений становилось все более формальным.

По Конституции 1996 г. лишь одна из палат парламента – Собрание народных представителей – давала согласие на назначение премьер-министра. С 1996 г. президент стал единолично утверждать структуру правительства и назначать его «по консультациям» с премьер-министром и без согласия парламента. Лидер государства также получил право единоличного назначения глав местных администраций. Парламент лишился права запрашивать отчеты правительства и его членов, а президент обрел полномочия увольнять правительство в любой момент по собственному желанию⁷⁴.

17 октября 1998 г. был проведен новый референдум. Был скорректирован численный состав палат, пересмотрен депутатский иммунитет; парламента стал принимать законы, предусматривающие сокращение доходов или увеличение расходов только с «согласия правительства». В экономической сфере реформа конституции способствовала введению института частной собственности на землю. В результате модель власти в Кыргызстане стала соединять элементы полупрезидентской и президентской республики. Не являясь

⁷⁴ Кынев А. Кыргызстан до и после «тюльпановой революции». Политическая ситуация в Кыргызстане в 1990–2004 гг. (<http://www.stratagama.org/polittechnology.php?nws=gq14p1781632563>).

главой правительства, президент, тем не менее, получил контроль над его формированием и деятельностью⁷⁵.

Стремясь не допустить прохождения в парламент представителей оппозиционных партий, А. Акаев инициировал (в рамках конституционной реформы 2003 г.) возврат к мажоритарной системе выборов в парламент⁷⁶. Это обещало стать серьезным препятствием формированию устойчивой и эффективной партийной системы.

Судебная система, находящаяся почти в полной зависимости от исполнительной власти, фактически превратилась в рычаг давления на оппозицию. Судебными решениями закрывались оппозиционные издания, снимались с выборов кандидаты от оппозиции, некоторые из них подвергались экономическому давлению и уголовному преследованию. Лидеры оппозиции и средства массовой информации часто становились мишенью налоговой полиции и других государственных структур, которые подвергали их аудиту и разного рода инспекциям. Когда Данияр Усенов заявил о выдвижении своей кандидатуры на президентских выборах 2000 г., власти с помощью ряда судебных дел разрушили его бизнес – холдинг «Эридан». По оценкам экспертов, предприниматель потерял более 10 млн. дол.⁷⁷ (После событий 2005 г. Данияр Усенов уже успел побывать вице-премьером, а в настоящее время является мэром г. Бишкека.) Главный политический соперник А. Акаева накануне президентских выборов 2000 г., бывший вице-президент и министр внутренних дел Феликс Кулов, в 2000 г. был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в злоупотреблении властью и растрате. Намеревав-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Согласно избирательному законодательству 1998 г., 25% мест в парламенте выделялось для депутатов, выдвинутых по партийным спискам.

⁷⁷ Политический переход в Кыргызстане: проблемы и перспективы. Доклад № 81 МГПК // *Азия*. 11.08.2004. С. 35.

шийся баллотироваться в президенты лидер оппозиционной партии «Эркиндик» Т. Тургуналиев был арестован в мае 2000 г. и обвинен в подготовке покушения на президента. Т. Тургуналиев получил 16 лет тюремного заключения, позже сниженных до 6 (в августе 2001 г. помилован указом президента). Председатель парламентского Комитета по судебным-правовым вопросам и законности Азимбек Бекназаров, который выступал с критикой правительственных решений о передаче киргизских территорий Китаю, Узбекистану и Казахстану, 8 января 2002 г. был арестован по обвинению в превышении должностных полномочий в должности районного прокурора в Токтогуле в 1995 г.

Арест Бекназарова вызвал волну протестов на Юге страны, в особенности на его родине в Аксыйском районе Джалал-Абадской области, а столкновение милиции с протестующими привело к гибели пятерых демонстрантов. Этот инцидент существенно обострил политический кризис в стране, и под давлением общественности в мае Акаев отправил правительство в отставку. Однако никто из высших чиновников не понес никакой ответственности за кровопролитие, и все ограничилось лишь типичными номенклатурными перестановками. Так, руководитель президентской администрации Аманбек Карыпкулов и глава МВД Темирбек Акматалиев, которые, по всеобщему убеждению, непосредственно принимали решение о применении силы против манифестантов, просто сменили должность: Карыпкулов был назначен послом в Турцию, а Акматалиев получил пост заместителя главы президентской администрации⁷⁸. Первоначально власти попытались возложить ответственность на демонстрантов, местных работников ми-

⁷⁸ *Хамидов А.* Аксыйское дело вызывает разногласия между президентом и правоохранительными органами Кыргызстана // <http://www.eurasianet.org> 21.X.2002.

лиции и районное начальство. Однако 28 июня 2002 г. парламент принял закон об амнистии всех участников аксыйских событий – как пикетчиков, так и милиционеров, что означало, что никто из причастных к расстрелам не будет наказан⁷⁹.

Привычным явлением в политической жизни республики стало широкое использование административного ресурса в ходе предвыборных кампаний, давление на оппозиционных кандидатов и массовые фальсификации результатов референдумов и выборов. О качестве выборов в Кыргызстане написано немало⁸⁰, но чтобы живо почувствовать масштабы этой проблемы, достаточно, пожалуй, одного примера: на выборах в Жогорку Кенеш в феврале 2005 г. лидер оппозиции и будущий глава страны Курманбек Бакиев в своем округе на Юге получил, по официальным данным, в два раза меньше голосов, чем никому не известный предприниматель С. Нышанов(!)⁸¹. Многие наблюдатели от оппозиции и общественных организаций под разными предлогами лишались доступа на избирательные участки.

В целом тезис об «авторитарном откате» как основном векторе трансформации политического режима в Кыргызстане не вызывает сомнений. Однако слишком жесткое противопоставление двух этапов («демократического» и «авторитарного») трансформации в Кыргызстане вряд ли оправданно, что становится очевидным, если рассмотреть основные критерии социально-политического и экономического развития страны.

⁷⁹ Политический кризис в Кыргызстане: стратегия выхода. Отчет № 37 МГПК // *Азия*. Июль 2002. С. 6.

⁸⁰ Политический переход в Кыргызстане: проблемы и перспективы. Доклад № 81 МГПК // *Азия*. 11.08.2004. С. 37–40; Курманов З. Парламентские выборы в Кыргызстане 2005 г. и крах политического режима А. Акаева // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 3(39).

⁸¹ Курманов З. Парламентские выборы..., С. 14.

Уровень политической и социальной интеграции

Масштабы и качество раннего этапа демократической трансформации и политической модернизации не стоит переоценивать. В значительной мере элементы демократии в Кыргызстане носили фасадный, поверхностный характер, маскируя собой очень специфическую систему социально-политической организации, которая имеет глубокие корни в родоплеменной, клановой структуре традиционного киргизского общества. Принадлежность к кланам играет важную роль в политической борьбе. В общественной и личной жизни киргизы традиционно причисляют себя к одной из трех клановых групп, называемых «крыльями». Правое крыло – *онг*; левое – *сол*; есть еще группировка *ичкилик*, не принадлежащая ни к одному из «крыльев». Левое «крыло» сегодня объединяет семь кланов на севере и западе страны. Каждый из них обладает своими характерными особенностями, и все они борются друг с другом за власть. Из клана бугу вышли первые руководители Киргизской Республики в период становления советской власти. После сталинских чисток 1930-х гг. влияние бугу ослабло, и доминирующие позиции занял другой северный клан – сары багыш. В послесталинский период из сарыбагышского клана вышло почти все киргизское руководство, в том числе А. Акаев. Клановая поддержка сыграла ключевую роль в 1990 г. в победе А. Акаева над южанином Абсаматом Масалиевым за лидерство в киргизской компартии. К правому крылу принадлежит всего один клан – адыгине, имеющий корни в южном Кыргызстане. Ичкилик, который также располагает сильными связями на юге страны, фактически представляет собой группу из нескольких кланов, в том числе некиргизских по своему происхождению⁸². Технологическая и

⁸² Хамидов А. Волнения в Кыргызстане с точки зрения соперничества кланов // <http://www.eurasianet.org> 06.06.2002.

культурная модернизация, которая была проведена в советский период, лишь ослабила, но отнюдь не ликвидировала веками сложившуюся иерархию подчинения и соподчинения племен и кланов, их борьбу за влияние и власть. В условиях же острого системного кризиса киргизского общества, связанного с распадом СССР и формированием независимой государственности, традиционные структуры, связи и ценности стали быстро восстанавливать свои позиции в социально-политической жизни. Кыргызстан переживал период перехода от партийно-номенклатурного принципа построения политической системы к кланово-иерархическому⁸³.

В период после обретения независимости в Кыргызстане быстрыми темпами шло партийное строительство. Первые партии стали образовываться путем вычленения отдельных групп из созданной в 1990 г. первой оппозиционной властям общественной организации – «Демократическое движение Кыргызстана». К 1995 г. было зарегистрировано уже 12 политических партий, к 2000 г. – 27, в 2004 – 43, а к началу 2008 г. – более 100. Однако за этими цифрами скрывается весьма специфическая картина. Реальность такова, что для всех киргизских партий и политических объединений в той или иной степени характерны черты вождизма, авторитарный стиль руководства, малочисленность, отсутствие региональных низовых звеньев, устойчивого электората, интереса к местным и, зачастую, даже парламентским выборам, четко выраженных политических интересов и партийных программ, а также заметный региональный и родоплеменной оттенок. В партии, лидерами которых являются представители Юга республики, вступают главным образом южане, в партии «северян» – северяне⁸⁴. Регионализм

⁸³ Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М., 1998. С. 296, 298.

⁸⁴ Курманов З. О проблемах партогенеза в Кыргызстане // *Центральная Азия и Кавказ*. 2004. № 5(35). С. 9–14.

и клановость характеризовали и практику парламентских избирательных кампаний. Показательно, что на выборах в парламент (Жогорку Кенеш) в 1995 г. ни один кандидат в депутаты с Севера республики не пытался баллотироваться на Юге, и наоборот. Жесткая конкурентная борьба разворачивалась между крупными племенами. Так, в Нарынской области (Северный Кыргызстан) было организовано общество «Саруу уруссу», одной из главных целей которого являлась победа кандидатов из племени саруу⁸⁵. В целом, несмотря на некоторый прогресс политической модернизации, в Кыргызстане сохранялась довольно «архаичная политическая структура общества, в которой доминируют не политические партии, а региональные группы и родоплеменные кланы»⁸⁶.

Появление значительного числа структур гражданского общества, в частности – НПО, еще не свидетельствовало о широком распространении ценностей гражданского общества. За годы независимости сознание общества, безусловно, претерпело важные изменения в направлении модернизации. Однако к моменту начала радикальных рыночных реформ оно во многом еще оставалось традиционным, и последствия этих реформ сказались на его эволюции отнюдь не лучшим образом.

Формировавшаяся веками общинная родовая солидарность способствовала утверждению в ментальности киргизов чувства коллективизма и понятия равенства – извечного стремления к уравнительной справедливости. Свойственный киргизстанскому обществу недостаток лидерства как политической категории (личностная активность и самостоятельность) и доминирование традиций общинности сдерживали инновационные действия и проекты. Тем более слож-

⁸⁵ Мамытова Э. Проблемы становления политической оппозиции в Кыргызстане // *Центральная Азия и Кавказ*. 2000. № 4(10). С. 51.

⁸⁶ Курманов З. О проблемах..., 2004. С. 14.

ной оказалась психологическая и поведенческая адаптация населения к резкой ломке привычного уклада жизни. Преобладающим типом реакции традиционного сознания на резко изменившиеся социальные условия стала апатия и безразличие к процессам, происходящим в обществе. «Средний» киргиз избрал для себя роль равнодушного наблюдателя социальных трансформаций, иницируемых узкой прослойкой политической и деловой элиты. Гражданская инертность, менталитет негражданственности стали способом самозащиты в условиях тотальной уязвимости человека, его полной зависимости от политики центральных и местных властей, ухудшающихся условий жизни. Стремление выжить любой ценой, ощущение собственной беспомощности, социальный пессимизм и страх перед будущим, массовая (и осознанная) склонность к значительным самоограничениям жизненных потребностей – подобный набор компонентов социального поведения крайне затрудняет возникновение гражданского сознания. Такой тип «среднего» киргизстанца – основа общества негражданского; приспособившись к обстоятельствам социополитической повседневности, неохотно воспринимает новые ценности, а живет своей, одному ему понятной жизнью, никому и ни во что не веря⁸⁷.

В этом контексте не следует переоценивать интерес местных жителей к НПО, прежде всего – финансируемым из-за границы. Этот интерес, зачастую не связанный с приверженностью идеалам гражданского общества, носил сугубо практический характер: для людей было важно, прежде всего, то, что иностранцы вносили вклад в экономику, создавая рабочие места, арендуя помещения и т.п.⁸⁸

⁸⁷ Бейшембаева А. Менталитет общества и модернизация // *Центральная Азия и Кавказ*. 2004. № 5(35). С. 159–160.

⁸⁸ Акинер Ш. Характеристика вызовов безопасности Центральной Азии // Противодействие терроризму и другим новым вызовам и угрозам в Центральной Азии и Афганистане. М., 2005. С. 145.

Таким образом, модель «имитационной демократии», внешне во многом соответствующей западным стандартам, но реально действующей по своим собственным, весьма своеобразным правилам, начала складываться в Кыргызстане с самого начала реформ, а вовсе не в связи с авторитарным откатом последних лет.

Противоречивая роль авторитаризма

«Авторитарный откат» отнюдь не сразу стал восприниматься как проблема. Утрата Кыргызстаном репутации «оазиса демократии» и установление в стране «авторитарного президентского режима» иногда датируется 2000 г.⁸⁹ Однако первые признаки ужесточения системы стали заметны уже к середине 1990-х гг. Так, киргизский политолог Нур Омаров считает, что время последовательного растворения киргизского «островка демократии» в «океане центральноазиатского авторитаризма» началось вскоре после принятия Конституции 1993 г.⁹⁰

Первым шагом А. Акаева на пути к авторитаризму стал, пожалуй, фактический роспуск парламента в 1994 г. Так, на фоне обострившихся в 1993 г. отношений с парламентом Акаев назначил на 30 января 1994 г. референдум по вопросу о доверии президентской власти. Выиграв референдум с ог-

⁸⁹ См.: Kyrgyzstan. Bertelsmann Transformation Index 2003. С. 1. Эксперты ICG также отмечают, что «после переизбрания в 2000 г., вызвавшего немало споров, он (Акаев) начал придерживаться более авторитарного курса в руководстве» (Кыргызстан: после революции. Доклад № 97 МГПК // *Азия*. 04.05.2005, с.1.). В 2002 г. организация Freedom House, публикующая рейтинг развития демократии в странах, оценила Кыргызстан как «несвободную» страну.

⁹⁰ Омаров Н. Между кланами. Эволюция политической системы Кыргызстана в 90-е годы XX – начале XXI в. // *Политический класс*. 2005. № 13 (<http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=195>).

ромным перевесом (официальные цифры – 96% «за»), президент 5 сентября 1994 г. фактически распустил парламент и добился изменений в Конституции, согласно которым был создан новый двухпалатный законодательный орган (Жогорку Кенеш), значительно уступающий по своему влиянию исполнительной власти в лице президента. Одновременно было изменено избирательное законодательство и введена мажоритарная выборная система, ослаблявшая роль партий в политическом процессе. В ответ на попытки оппозиции использовать в качестве трибуны частные СМИ и организации гражданского общества власти взяли под свой контроль все типографские станки и закрыли сразу три газеты, в том числе популярное издание «Свободные горы», орган распущенного прежнего парламента. Правительство начало также заводить судебные дела против отдельных газет, предъявляя иски о диффамации и клевете⁹¹. Власти приговорили в 1995 и 1996 гг. к лишению свободы (условно) двух журналистов – редактора газеты «Res Publica» Замиру Садыкову и независимого журналиста Ырысбека Омурзакова. В 1996 г. лидер партии «Эркиндик» («Свобода») Тургуналиев был осужден на один год (условно) за клевету и дважды подвергался аресту⁹². 10 февраля 1996 г. на общенациональном референдуме была принята новая конституция Кыргызстана, еще больше расширившая полномочия президента. Окончательное превращение Кыргызстана в фактически президентскую республику было закреплено на конституционном референдуме 1998 г.

В каком-то смысле сформировавшаяся в странах Центральной Азии авторитарная власть смогла решить такую важнейшую задачу трансформации, как обеспечение ста-

⁹¹ Хамидов А. Кыргызстан: организованная оппозиция и гражданские беспорядки // <http://www.eurasianet.org>, 20.12.2002.

⁹² Закон об омбудсмене Кыргызстана до сих пор не принят // <http://www.eurasianet.org>, 18.04.2002.

бильности и порядка в условиях перехода от распадающейся советской системы к формирующейся национальной государственности. Локальная авторитарная власть как бы компенсировала авторитет и силу бывшего центра – гаранта стабильности⁹³. Чем чреваты игры в демократию в переходный период, показал пример Таджикистана, где власть, позволив оппозиции раскатать политическую ситуацию, уже не могла предотвратить сползание общества к гражданской войне.

На первых порах движение Кыргызстана к авторитаризму не вызывало нареканий даже у западных экспертов, видимо, полагавших, что проведение рыночных реформ в консервативном и воспитанном в духе государственного патернализма обществе требовало сильной власти, действующей по принципу практической необходимости. Одной из причин конфликта между А. Акаевым и прокоммунистическим парламентом в 1993–1994 гг. было несогласие последнего с планами ускорения процесса приватизации. По мнению наблюдателей, рекомендации западных советников сыграли не последнюю роль в принятии решения о роспуске парламента⁹⁴. Элементы авторитаризма были призваны сыграть ту же роль, что и ускоренная демократизация начала 1990-х гг. – подорвать влияние Компартии Киргизии, наиболее серьезного, как тогда казалось, оппонента новой власти, и обеспечить продолжение радикальных рыночных преобразований в республике. И хотя эти преобразования с самого начала имели довольно сильную коррупционную составляющую⁹⁵, на Западе

⁹³ Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. М., 1998. С. 300.

⁹⁴ Тодуа З. Кыргызстан: причины, уроки, возможные последствия падения режима Аскара Акаева // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 3. С. 19.

⁹⁵ В конце 1993 г. в Киргизии разгорелся скандал, связанный с деятельностью швейцарской компании «Сиабеко», возглавляемой бывшим советским гражданином Борисом Бирштейном. При содействии киргизских властей включая президента и премьер-министра в 1991 г. было создано совместное предприятие «Сиабеко-Киргизия», которое в числе прочего занима-

с пониманием относились к авторитарным методам, считая, что именно желание подтолкнуть реформы было одной из причин, по которым референдумы середины 1990-х гг. были ориентированы на значительное усиление полномочий исполнительной власти⁹⁶. По мере того как к концу 1990-х гг. в обществе росла неудовлетворенность правлением А. Акаева, растущий авторитаризм, по мнению многих наблюдателей, был все больше нацелен на ограничение критики и сохранение власти⁹⁷, а не на продолжение реформ.

Пределы «авторитарного отката»

Несмотря на очевидное усиление авторитаризма, режим А. Акаева до конца оставался «умеренно-авторитарным». На фоне усиления авторитарных тенденций во всем регионе ситуация в Кыргызстане в этом смысле выглядела более благоприятной, чем у соседей. Западные аналитики признавали, что, несмотря на периодические аресты оппозиционеров, жестокость работников милиции, давление на независимые средства массовой информации, в стране сохранялась относительно либеральная атмосфера, и откровенно высказывающиеся политики не очень боялись реакции вла-

лось продажей киргизского золота на внешнем рынке. Часть золота вывозилась в обход таможни при помощи председателя Совета министров Т. Чынгышева (на его служебном самолете). Большие скандалы сопровождали и процесс передачи золотых рудников канадскому капиталу, введения национальной валюты, демонополизации спиртоводочной отрасли. Попытки парламента расследовать подобные злоупотребления власти стали важной и тщательно скрываемой причиной его ликвидации в 1994 г. – См.: Акаев Аскар Акаевич – президент (?) Кыргызской Республики // <http://www.informacia.ru/facts/kirgizia/akaev1.htm>; Жолмухамедова Л. А чьи это руки мелькают за кадром? // *Моя Столица*. 12.09.2002 (<http://centrasia.org/newsA.php4?st=1031809200>).

⁹⁶ Политический переход в Кыргызстане: проблемы и перспективы. Доклад № 81 МГПК // *Азия*. 11.08.2004. С. 2.

⁹⁷ Политический переход в Кыргызстане..., С. 2.

стей на их заявления⁹⁸. Отмечая неудовлетворительность «проводимой правительством политики в области прав человека», Европейский Банк Реконструкции и Развития признавал, что по некоторым аспектам все же «наметились позитивные сдвиги». В 2004 г. правительство ослабило контроль над печатными изданиями, средства массовой информации получили беспрепятственный доступ к Интернету. Политическая оппозиция выглядела организованной и открыто выражала свое мнение. Проблемы и сбои перехода к демократии уравнивались множеством политических партий, включая подлинно оппозиционные группировки, довольно сильное гражданское общество, что позволяло положительно выделять Киргизию в региональном контексте⁹⁹.

В киргизском парламенте сохранялось активное оппозиционное меньшинство, которое открыто выступало с критикой тех или иных действий Акаева. Так, например, свыше 20 киргизских депутатов во главе со спикером парламента Абдыганы Эркебаевым 6 января 2002 г., на следующий день после задержания Бекназарова, приняли обращение, в котором заявили, что арест законодателя произведен по политическим мотивам. Незадолго до этого несколько известных членов парламента, в том числе бывший кандидат на пост президента Омурбек Текебаев, Дооронбек Садырбаев и Адахам Мадумаров обвинили киргизскую государственную телерадиокомпанию и финансируемые государством газеты в предвзятом освещении политической ситуации в КР¹⁰⁰.

⁹⁸ Там же. С. 35.

⁹⁹ «Стратегия ЕБРР в Кыргызстане, утвержденная Советом директоров в 2004 году, отвечает интересам страны, и я уверен, что нас ждет плодотворное и эффективное сотрудничество», – отметил К. Бакиев (<http://www.msn.kg/ru/news/15712/>).

¹⁰⁰ Хамидов А. Арест депутата привлекает внимание к борьбе исполнительной и законодательной ветвей власти в Кыргызстане // <http://www.eurasianet.org> 10.01.2002.

В республике сохранялась относительная свобода деятельности оппозиционных партий и организаций. Более того, политический кризис 2002 г. показал, что оппозиция способна переходить в наступление и добиваться от власти политических и конституционных уступок. Под давлением массовых акций протеста и требований оппозиции власти сначала освободили Бекназарова из тюрьмы, а затем закрыли его дело, сохранив за ним депутатский мандат. В стране была введена должность Уполномоченного по правам человека (Омбудсмена), и избрание 21 ноября 2002 г. на этот пост известного правозащитника Турсунбая Бакир-уулу было воспринято как успех оппозиции. Пытаясь успокоить рост недовольства, президент созвал Конституционное Сопровождение, в которое вошли представители оппозиции, правительства и независимые политики. Оно должно было предложить поправки к Конституции, касающиеся, в частности, серьезных ограничений власти президента и повышения роли парламента. И хотя президенту удалось вынести на референдум 2 февраля 2003 г. проект Конституции с гораздо более слабыми поправками, чем были предложены Сопровождением, сам по себе факт созыва такого форума демонстрировал потенциал оппозиции. В стране продолжали действовать как оппозиционные СМИ, так и поддерживающие оппозицию политизированные НПО.

14 января 2002 г. правительство приняло Постановление № 20 «О некоторых вопросах издательской деятельности в Кыргызской Республике», которое ограничивало деятельность независимых издателей. Согласно документу, ни один издательский дом не имел права работать, если в нем не было хотя бы 10-процентной доли государства. Постановление предписывало регистрацию любой издательской деятельности, включая даже небольшой тираж бюллетеней и брошюр, издаваемых НПО¹⁰¹.

¹⁰¹ Политический кризис в Кыргызстане: стратегия выхода. Отчет № 37 МГПК // *Азия*. Июль 2002. С. 2.

Но после смены правительства в конце мая 2002 г. Постановление № 20 было отменено и издание двух наиболее влиятельных оппозиционных газет – «Моя столица – новости» (МСН) и «Res Publica» – возобновилось. Эти газеты сыграли большую роль в информационной подготовке мартовского переворота 2005 г.

В октябре 2002 г. в Бишкеке был создан «Центр поддержки СМИ» (НПО), учрежденный «Freedom House». При Центре появился «Независимый издательский центр» (типография), в котором с декабря 2002 г. печатались все газеты и листовки киргизской оппозиции, а также литература для оппозиционных организаций Таджикистана и Казахстана¹⁰². В Кыргызстане функционировал относительно независимый телевизионный канал «Пирамида», действующий на всей территории страны, а также отдельные региональные теле- и радиоканалы.

В Кыргызстане более свободно, чем в любой другой стране региона, чувствовали себя различные НПО, в том числе иностранные и международные: USAID, «Freedom House», Международный республиканский институт США, NDI, «Восточно-европейский демократический центр» (ВЕДЦ), «Каунтерпарт Консорциум», «Корпус мира», «Internews Network», «Фонд Евразия» («Eurasia Foundation»), «CIMERA» (Швейцария), «Open Society Institute» («Фонд Сороса»), Институт по освещению войны и мира (IWPR). Благодаря финансовой, технической и организационной поддержке этих структур в стране возникло большое число (до 5 тыс.) местных НПО, работающих в том числе в сфере защиты прав человека и продвижения демократических ценностей. Причем сеть НПО не ограничивалась Бишкеком, охватывая основные регионы страны, особенно Ферганскую долину. Так,

¹⁰² Князев А. Роль НПО и СМИ в совершении государственного переворота (из книги «Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии») // http://www.cps.kz/cont/knyazev_ngos.pdf

Национальный демократический институт (NDI) имел в Кыргызстане 20 региональных представительств.

Учитывая слабость партийной системы в странах Центральной Азии, зачастую именно неправительственные организации и независимые СМИ, а не политические партии или другие политические институты, выступали в качестве основных каналов мобилизации и консолидации оппозиционных сил. Поэтому степень свободы и масштабы деятельности НПО можно считать одним из важнейших показателей степени либерализации общественно-политической жизни.

Внешние факторы «авторитарного отката»

Нет сомнений, что поворот к авторитаризму стал ответом Акаева на растущее недовольство общества и оппозиции итогами его правления, попыткой отстоять свои собственные властные амбиции. И все же следует отметить, что усилению авторитаризма способствовали не только внутренние, но и внешние факторы.

Во-первых, как отмечалось выше, Запад оказал как минимум молчаливую поддержку А. Акаеву, когда тот поддался искушению авторитаризма, разогнав парламент в 1994 г. Фактически Запад не критиковал его до 2000 г. (фальсификация результатов президентских выборов и арест Ф. Кулова), и, пусть это делалось из «реформаторских» побуждений, такое отношение психологически подготовило переход режима к более жесткому варианту «авторитарного отката» начала 2000-х гг.

Во-вторых, ужесточение политического режима стало вполне предсказуемой реакцией власти на вызов, брошенный ей вторжением боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в районе Баткена (Южный Кыргызстан) летом 1999 г. В этом смысле рост авторитаризма в Кыргызстане отразил общую для всего региона тенденцию полити-

ческого развития, ускоренную фактором внешней исламистской угрозы. Этот фактор, начавший играть роль после прихода талибов к власти в Афганистане в 1996 г., наиболее отчетливо проявился в Кыргызстане в 1999 г. и стал восприниматься еще острее после повторного вторжения боевиков ИДУ в Узбекистан в 2000 г.

В-третьих, невольную поддержку авторитарным тенденциям оказала антитеррористическая кампания США и их союзников в Афганистане, начатая осенью 2001 г. Интерес США к использованию территории государств Центральной Азии в качестве тыловой базы для ведения боевых действий в Афганистане обеспечил региональным лидерам как дополнительную финансовую поддержку, так и надежду на то, что Запад не захочет портить отношения с ними из-за проблем с демократией и правами человека. Это подталкивало их к более решительным действиям в борьбе с оппозицией. Так, возросший геополитический вес центральноазиатских режимов включая и режим А. Акаева (который дал согласие на размещение американских военнослужащих в аэропорту «Манас» близ Бишкека) обернулся усилением автономии этих режимов по отношению к собственному обществу. Плохую услугу киргизской демократии оказала массированная донорская помощь, хлынувшая в республику с начала 1990-х гг. С одной стороны, внешняя помощь была критически важна: только она помогла правительству в условиях резкого экономического спада поддерживать уровень расходов и избежать социально-политического взрыва. Но, с другой стороны, влияние этой помощи на политическое развитие напоминало ту роль, которую наличие огромной природной ренты сыграло во многих странах-экспортерах углеводородов: обладая финансовой независимостью от налогоплательщиков и частного бизнеса, власть могла позволить себе игнорировать их мнение. Подобная ситуация стимулировала не демократизацию, а именно авторитарные тенденции.

Что касается России и Китая – других наиболее влиятельных внешних сил, имеющих свои интересы в Кыргызстане, – то на идеологическом уровне они были как минимум безразличны к проблеме демократизации, а на практике скорее приветствовали ужесточение президентской власти, поскольку это, с одной стороны, облегчало решение многих вопросов (для Китая, например, вопроса о делимитации границы), с другой стороны, все большие трения между А. Акаевым и Западом подталкивали его к другим центрам силы, прежде всего к России.

Экономическая трансформация

Трансформация в Кыргызстане началась с резкого падения уровня и темпов развития. В результате глубокого экономического спада, вызванного трансформационным шоком и потерей трансфертов из центрального бюджета СССР, ВВП Кыргызстана в 1991–1995 гг. сократился почти в два раза. Ухудшились все хозяйственные и социальные показатели; гиперинфляция, рост безработицы и сокращение реальных доходов привели к резкому росту бедности.

В этих условиях руководство республики взяло курс на широкую либерализацию экономики и привлечение внешних (прежде всего западных) ресурсов. Согласно официальной национальной статистике и данным международных организаций, в 1996 г. в стране возобновился экономический рост. Среднегодовой темп прироста реального ВВП в 1996–2004 гг. составил 5,2%, причем наибольшие темпы были зафиксированы в 2004 г. (7,1%). По некоторым оценкам, фискальная и денежная политика, проводившаяся в 2000–2004 гг., позволила достичь макроэкономической стабилизации, снизить до уровня менее 5% в год и поставить под контроль инфляцию, уменьшить дефицит бюджета

до 5% ВВП, сократить дефицит текущего счета, увеличить валютные резервы и обеспечить стабильность национальной валюты.

Внешнеэкономический порядок в Кыргызстане характеризовался низкими импортными пошлинами и нетарифными барьерами, практическим отсутствием экспортных ограничений, большой свободой перемещения людей и капитала через границы страны. Либеральный внешнеэкономический курс и отказ от проведения протекционистской политики был закреплен в 1998 г. вступлением Кыргызстана в ВТО, хотя до сих пор выгоды членства в ней носят ограниченный характер, так как основные торговые партнеры и соседи КР еще не вступили в ВТО (Китай стал членом этой организации в 2001 г.).

Некоторые имеющиеся в нашем распоряжении данные могут создать общую картину социально-экономической ситуации в КР на современном этапе.

По итогам первого полугодия 2007 г. президент К. Бакиев, подконтрольные властям местные СМИ делали акцент на том, что рост ВВП республики составил 9,2% (в 2006 г. – всего лишь 2,7%). Это преподносилось как свидетельство стабилизации политической и экономической ситуации Киргизии, создания в республике благоприятных инвестиционных условий.

Однако анализ официальной статистики показывает, что данный рост отражает неоднозначные процессы в экономике республики. Он достигнут за счет роста услуг почтовой и электронной связи на 51,5% (расходы населения на звонки по мобильным телефонам), строительства – на 37,1% (возведение элитного жилья, офисов, казино, ночных клубов, кафе, ресторанов и т.п.), грузооборота – на 22% (в основном за счет перевозок резко возросших объемов импорта), оборота торговли – на 15% (розничный сбыт импорта), услуг гостиниц и ресторанов – на 15,1%. Рост производства

и распределения электроэнергии, газа и воды на 9,6% достигнут, главным образом, вследствие недавнего повышения коммунальных тарифов. Увеличение пассажирооборота на 6,2% – это, в основном, свидетельство дальнейшего усиления внутренней и внешней миграции, отражающей высокий уровень безработицы в стране.

В то же время рост промышленного производства составил всего 0,9%, сельского хозяйства – 2,8%, в горнодобывающей отрасли произошло падение производства на 4,7%.

Таким образом, нынешний сравнительно высокий рост ВВП отражает ухудшающееся состояние социально-экономического положения в республике, возмущающее население повышение тарифов за коммунальные услуги, усиливающаяся зависимость страны от импорта, усиление миграционных потоков как результат растущей безработицы, углубление разрыва между бедными и богатыми. Имушие в КР представлены, главным образом, коррумпированными чиновниками высшего звена и депутатским корпусом (в сотню самых богатых людей в республике входят 34 из 75 парламентариев, бывший и нынешний премьеры, целый ряд руководителей министерств и ведомств). Некоторые высшие госчиновники и депутаты числятся одновременно и в списке самых крупных коррупционеров. По словам бывшего премьера А. Атамбаева, беда страны в высоком уровне коррупции, мы могли бы работать вообще без долгов, если бы власть не воровала (внешний долг КР превышает 2 млрд. дол.). Как признавался министр экономического развития и торговли С. Молдокулов, огромная по масштабам коррупция существует во всех министерствах и ведомствах республики.

Внешнеторговый оборот в первом полугодии 2007 г. вырос на 55,6%. При этом импорт – на 76%, экспорт – на 30,7%. Отрицательное сальдо торгового баланса, равное 467,3 млн. дол., выросло по сравнению с первой половиной

2006 г. почти в 4 раза. Таким образом, результаты внешне-торговой деятельности негативно отражаются на экономическом положении страны. В целом она все в большей степени становится зависимой от импорта, «проедая» не восполняемые валютные ресурсы.

Состояние киргизской экономики показывает анализ отраслевой структуры ВВП. Согласно ему, непроеизводительные отрасли, такие как торговля и ремонт, чистые налоги на продукты, транспорт и связь, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, операции с недвижимостью, строительство, гостиницы и рестораны, коммунальные и иные услуги составили с первой половине 2007 г. 58,1% ВВП. Доля каждой из этих отраслей увеличивается. В то же время доля производительных отраслей – сельское хозяйство, обрабатывающая и горнодобывающая промышленность – составляет всего 30,7%. При этом их удельный вес в ВВП сокращается. Одним словом, исходя из отраслевой структуры ВВП, Кыргызстан вряд ли можно назвать даже аграрно-индустриальной страной. Это, скорее, торгово-аграрно-фискальная республика. Следует также отметить, что 53% всей экономики составляет «теневой» сектор, контролируемый криминальными и полукриминальными группировками.

По официальным данным, инфляция в стране в первой половине 2007 г. не превысила 4,8% (в 2006 г. – 5,1%). Однако с конца 2007 г. по настоящее время (август 2008 г.) наблюдается резкий рост цен (от 20 до 100% и выше) на основные продукты питания, бензин, железнодорожные билеты. В частности, хлеб, растительное масло и другие наиболее востребованные товары подорожали в два с лишним раза. Особенно чувствительно это сказывается на малообеспеченных слоях, составляющих более половины населения республики. В некоторых городах уже отмечены стихийные акции протеста.

Если говорить об иностранном капитале, то наибольшая доля привлеченных инвестиций приходится на Бишкек (58%), Чуйскую (23,9%) и Таласскую (15,4%) области. На три южные и самую нищую – Нарынскую область приходится лишь 2,7% этих инвестиций. Иными словами, происходит дальнейшее углубление экономической пропасти между «богатым Севером» и «бедным Югом», что не может не сказываться на политическом противостоянии этих регионов, раздирающем страну на две части. Именно углубляющийся разрыв между Севером и Югом послужил главным побудительным мотивом мартовской «революции» 2005 г. За два года ситуация не изменилась – Юг продолжает оставаться крайне отсталым регионом страны, что усиливает здесь социальную напряженность и недовольство южан представителями «своей» элиты, дорвавшейся до власти, но ничего не сделавшей для развития Юга страны. Однако главная опасность для республики лежит на вершинах горных хребтов Ала-Тоо. Глобальное потепление последних десятилетий привело к интенсивному таянию ледников, объем которых уже не восполняется в полной мере в малоснежные зимы. В результате из года в год падает уровень воды в Токтогульском водохранилище (в настоящее время находится на критической отметке), на котором стоит одноименная ГЭС (около 40% мощности электростанций страны), питающая электричеством весь Юг и дающая большую часть экспортной электроэнергии в Узбекистан и Казахстан.

Ситуация усугубляется непрофессионализмом и коррумпированностью руководителей электроэнергетической отрасли, выработкой электроэнергии без учета баланса стока и притока воды. По подсчетам специалистов, при нынешнем режиме эксплуатации ГЭС, Токтогульское водохранилище к 2009 г. обмелеет настолько, что станцию придется остановить. Весь Юг останется без электричества, что вызовет техногенную катастрофу.

Тем не менее с 2007 г. обозначились некоторые признаки оживления в экономике, но они носят неустойчивый характер и пока не дают оснований говорить о преодолении кризисной фазы в реальном секторе. Правда, по данным Нацстаткома Кыргызстана, производство ВВП в 2007 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 8,2%. Однако эксперты обратили внимание на то, что этот прирост обеспечен в основном за счет сферы услуг и торговли, тогда как базовые отрасли промышленности работали нестабильно, а производство продукции растениеводства значительно сократилось. В результате резкого роста цен на товары первой необходимости и тарифов на коммунальные услуги уровень инфляции в 2007 г. превысил 20%. Эти тенденции сохранились и в первом полугодии 2008 г.

В мае 2007 г. президентом К. Бакиевым была утверждена «Стратегия развития страны на 2007–2010 гг.». По оценкам экспертов, на реализацию планов, заложенных в этом документе, потребуется около 9 млрд. дол. при том, что из бюджета реально может быть выделено не более 2,5 млрд. дол. Недостающие средства предполагается привлечь из источников международного донорского сообщества. Но ориентация на эти источники финансирования программ СПС неизбежно приведет к дальнейшему росту и без того запредельного внешнего долга республики.

Интересно, что усиление авторитарных тенденций в политике не помешало появлению признаков экономического роста и не сопровождалось отходом от либерального экономического курса, что подтверждали представители донорского сообщества. Так, в «Стратегии деятельности ЕБРР в Киргизской Республике», принятой 16 ноября 2004 г., отмечалось, что, несмотря на некоторые трудности и нерешенные проблемы, «в последние два года (т.е. 2002–2003 гг.) благодаря дальнейшей консолидации бюджетно-налоговой системы и рациональной денежно-кредитной по-

литике макроэкономическое положение страны характеризовалось стабильностью; ...наблюдалось определенное продвижение страны вперед по пути реформ»¹⁰³. Эксперты Всемирного Банка отмечали, что в 2003–2004 гг. киргизская экономика показала хорошие результаты в плане роста ВВП, расширения отраслевой базы роста и стратегии обслуживания внешнего долга¹⁰⁴. Хотя некоторые представители западной финансовой элиты уже к концу 1990-х гг. заметили, что импортируемые в Кыргызстан процессы демократизации и либерализации приняли характер «верхушечного» или «семейного» капитализма (Мишель Камдессю)¹⁰⁵, международные организации и страны-доноры в начале 2000-х гг. продолжали осуществлять уже принятые и разрабатывать на их основе новые программы помощи Кыргызстану.

Между тем, оптимистические оценки экономической трансформации Кыргызстана справедливы в основном с точки зрения критерия готовности правящей элиты следовать западным рецептам и стандартам либерализации экономики, а также с точки зрения улучшения ряда макроэкономических и социальных индикаторов. Однако общее состояние социально-экономической сферы страны вряд ли позволяет однозначно говорить об успешности киргизской модели реформ.

По многим ключевым показателям страна так и не сумела достичь даже советского уровня. Производство ВВП в 2004 г. составляло лишь 80% от уровня 1990 г. Еще более серьезной проблемой, чем медленные темпы развития, было то, что отмеченный экономический рост, по словам экономистов, в большей степени являлся «спонтанным результатом и следствием итогов суммарной экономической (ры-

¹⁰³ Стратегия деятельности ЕБРР в Киргизской Республике (Одобрена Советом директоров 16 ноября 2004 г.). С. 3.

¹⁰⁴ Kyrgyz Republic – Country Brief 2006. World Bank.

¹⁰⁵ Омаров Н. Между кланами...

ночной) деятельности многочисленных разрозненных хозяйствующих субъектов республики, а не результатом целенаправленной экономической политики и стратегии активного регулирования и управления макро- и микроэкономическими процессами со стороны государственных структур власти и соответствующих экономических институтов»¹⁰⁶. Западные доноры также вскользь признавали, что успехи последних лет отражали «текущее благоприятное сочетание стабильной макросреды и быстрорастущих соседних рынков»¹⁰⁷. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что элементы роста основывались на временных, конъюнктурных факторах, тогда как кризисные явления в киргизской экономике носили структурный, системный характер¹⁰⁸.

Так, за последние 15 лет произошла глубокая реаграризация киргизской экономики и общества. Из индустриально-аграрной страна превратилась в аграрно-сырьевую. В 1991 г. удельный вес занятых в промышленности составлял 41%, а к началу 2000-х гг. – всего 11%. В 2004 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве вернулся к уровню 1960 г., составив более 50%. В сельском хозяйстве создается 36% ВВП, при этом 96% валовой добавленной стоимости производится в домашних хозяйствах, т.е. в несовременном секторе. В целом этот показатель превысил 50%. Экономический рост сопровождается повышением вклада домашних

¹⁰⁶ Чикинов В.Н. Состояние и прогнозные перспективы долгосрочного макроэкономического развития Кыргызстана // Кыргызстан-2025. Сценарии и стратегии развития. Бишкек: МИСИ-Фонд им. Ф. Эберта, 2005. С. 148.

¹⁰⁷ Kyrgyz Republic – Country Brief 2006...

¹⁰⁸ Нижеследующий обзор экономического развития основан в основном на данных и оценках российского исследователя С. Жукова. См.: Жуков С. Новая власть со старыми долгами, или экономическая составляющая революции // <http://www.liter.kz/site.php?lan=russian&id=151&pub=1643>. Эксперты полагают, что смена постсоветских элит представляет собой потенциально нестабильный процесс» (<http://panarchiv.h15.ru/archiv/2005/24.htm>).

хозяйств в производство валовой добавленной стоимости. Удельный вес инвестиций в сельское хозяйство сократился до 1–5%, притом что в советские годы он был не ниже 30%. Большие надежды возлагались на банковскую систему. Но в структуре кредитов удельный вес сельского хозяйства составляет примерно 1%, долгосрочные кредиты в 2004 г. этому сектору были меньше 3 млн. дол. США, причем процентная ставка в сомах была 25%, в валюте – 19%. При таких ставках банковская система не может обслуживать реальные сектора экономики.

Институт найма в стране разрушен в сравнении с другими странами. Денежную форму оплаты за свой труд получают меньше 40% работающих. Остальные принадлежат к самозанятым, и это бесконечно широкая категория. Экономический рост последних 4-х лет не сопровождается, как это происходит в Казахстане, расширением института найма, а остается на одном уровне.

Фискальная политика, при которой до 80% платежей направлялись в частные руки, не способствовала укоренению частной собственности и становлению среднего класса, который так и не смог превратиться в достойного партнера государства в проведении экономических реформ¹⁰⁹.

Примерно одна треть официально занятых работают за пределами страны, примерно столько же, сколько в Таджикистане, где была гражданская война. По данным ВБ, Кыргызстан занимает четвертое место в мире по доле в ВВП денежных доходов граждан, работающих за рубежом. В 2007 г. киргизские трудовые мигранты, главным образом из России, перечислили на родину сумму, сопоставимую с годовым бюджетом республики (около 1 млрд. дол.). К 2004 г.

¹⁰⁹ Омаров Н. Кыргызстан-2025: образы политического будущего // Кыргызстан-2025. Сценарии и стратегии развития. Бишкек: МИСИ-Фонд им. Ф. Эберта, 2005. С. 42.

эти пропорции несколько изменились. Военные базы давали примерно пятую часть бюджета. Другой путь притока валюты шел за счет туризма, он оценивался в 150–200 наличных млн. дол. США. Около 10% ВВП (и 40% промышленного производства) приходилось на долю золотодобывающего предприятия Кумтор, принадлежащего западным инвесторам. Авария и временное прекращение производства на Кумторском руднике в 2002 г. привели к падению темпа роста ВВП до 0. В последнее время прежние источники роста начинают все больше терять свое значение (запасы золота на Кумторском месторождении постепенно исчерпываются, сельское хозяйство сталкивается с серьезным кризисом производительности и т.п.), поэтому перед страной в полном масштабе встает задача диверсификации источников экономического роста, обеспечения его долгосрочной устойчивости, увеличения инвестиций и экспорта. Пока же наблюдаемый экономический рост никак не связан с экономической политикой.

Распределение результатов этого роста в самом Кыргызстане между населением также крайне неравномерно. Глубоким остается различие между Севером и Югом. Зарплата в Ошской области устойчиво ниже в 2,5 раза, чем в Бишкеке, и составляет треть от зарплаты по стране в целом. Удельный вес в инвестициях Юга, население которого выступило детонатором мартовских событий 2005 г., редко превышает 20%, тогда как там сосредоточено более 50% населения.

Надежд на внешнюю помощь, которая поддерживала экономику республики на плаву в 1990-е гг., почти не осталось. Массовая коррупция на всех уровнях власти съела основную массу иностранных кредитов, предназначенных для новых экономических структур (согласно данным «Трансперенси интернэшнл», по индексу восприятия коррупции Кыргызстан делит с Казахстаном 122 место из общего числа 146 стран). Внешний долг к началу 2008 г. (более 2 млрд. дол.) был примерно равен объему ВВП. Выплаты по долгу со-

ставляют примерно четверть бюджетных доходов. Доноры могут пойти на реструктуризацию, но получение новых ресурсов закрыто, и это уже не зависит от выборов, успехов демократизации.

Кыргызстан оказался одной из беднейших стран на постсоветском пространстве. По сути дела, только инертность советской системы электроэнергетики и водного хозяйства поддерживает эту экономику на плаву. Как только эти системы придут в негодность, Кыргызстан по условной шкале мирового развития опустится еще ниже.

Таким образом, следование правительства рекомендациям либеральной теории, обеспеченным, главным образом, массивной внешней финансовой подпиткой¹¹⁰, с одной стороны, создало определенные предпосылки и инфраструктуру перехода к современной рыночной экономике, но в то же время сумело обеспечить лишь незначительный, конъюнктурный, неустойчивый экономический рост. Кроме того, усилились социальные диспропорции, произошла серьезная деформация и ретрадиционализация структуры экономики, в которой современный сектор оставался довольно узким и носил дискретный, анклавный характер. Поскольку макроэкономическая стабилизация была достигнута именно к началу 2000-х гг. при неизменности либерального экономического курса, можно предположить, что отмеченные негативные социально-экономические последствия трансформации были никак не связаны с «авторитарным откатом» и, скорее всего, возникли не столько из-за малоэффективного коррупционно-бюрократического менеджмента, сколько в результате самой стратегией реформ, которая недостаточно учитывала особенности национального политического, социокультурного и экономического контекста Кыргызстана.

¹¹⁰ В расчете на душу населения Кыргызстан получил международной помощи больше, чем любая другая страна Центральной Азии.

Менеджмент трансформации: несоответствие между амбициями и возможностями власти

Рассмотренные особенности «авторитарного отката» в Кыргызстане не позволяют видеть в нем главную причину политического кризиса в марте 2005 г. Авторитаризм в Кыргызстане, в том числе его проявления в сфере электоральных технологий, спровоцировавшие мартовское восстание, мало чем отличался от того, что имел место в соседних центральноазиатских странах, благополучно переживших собственные избирательные кампании (Таджикистан – в феврале 2005 г., Казахстан – в декабре 2005 г.). Глубинной проблемой трансформации Кыргызстана можно считать прогрессирующее ослабление не просто действовавшего режима, а всей системы государственности. Переворот лишь выявил степень деградации государства как института. Авторитаризм А. Акаева не сумел создать сильного государства, при помощи которого можно было бы трансформировать общество и провести рыночные реформы. Сильным киргизское государство не стало, была лишь усилена структура президентской власти, причем это произошло, в частности, путем сознательного ослабления других государственных структур¹¹¹. Однако и сама президентская власть все больше сталкивалась с проблемой своего несоответствия с расширяющимися полномочиями и сокращающейся дееспособностью. Еще в 1999 г. наблюдатели отмечали «парадоксальную слабость исполнительной власти, когда решения и декреты принимаются, но не исполняются»¹¹². Наиболее остро чувствовалась неэффективность ме-

¹¹¹ Куртов А. Указ. соч. С. 328. Оценки автора относятся к ситуации в Казахстане, однако они в еще большей степени отражают реалии Кыргызстана.

¹¹² Абазов Р. Политические преобразования в Кыргызстане и эволюция президентской системы // *Центральная Азия и Кавказ*. 1999. № 1(2). С. 32.

ханизма государственной администрации на местах, где для решения самых элементарных вопросов гражданам приходилось все чаще использовать неформальные каналы и связи. Вторжение исламистских боевиков в Баткенский район в 1999 г. продемонстрировало слабость силовых и правоохранительных структур государства, их неспособность защитить население. Государство сталкивалось с вызовами не только со стороны региональных элит, но и таких внесистемных сил как наркомафия и организованная преступность, порой способных заполнить вакуум административной власти, а также исламистской оппозиции, выступавшей проводником социального и, частично, этносоциального протеста (узбекского населения юга республики).

Социально-историческим фоном проблемы государственности было отсутствие традиции сильной централизованной власти в кочевом киргизском обществе, разделенном многочисленными этно-регионально-клановыми барьерами (кланы Севера и Юга, этнические меньшинства – прежде всего узбеки и русскоязычные). Легитимность центральной власти во многом вытекала из ее включенности в более широкую политическую систему – будь то Российская империя или Советский Союз, и носила как бы индуцированный извне характер. Собственная, внутренняя легитимность центральной власти всегда была довольно хрупкой, базируясь на сложном балансе регионально-клановых экономических и политических интересов. Любые шаги властной группировки, серьезно нарушающие этот баланс в свою пользу, вели не к возникновению сильного авторитарного государства, но к глубокому кризису и возможному обрушению всей системы новой киргизской государственности. Так и случилось: за годы независимого развития имманентная слабость государства была усугублена неадекватным политическим поведением правящей элиты и неадекватным менеджментом трансформации в целом.

Экономический менеджмент

У Кыргызстана с самого начала не было четкой национальной концепции модернизации. Во главу угла стратегии экономического развития были поставлены западные рецепты, предусматривавшие масштабную приватизацию и максимальную либерализацию экономики. При этом не учитывались социокультурные, хозяйственные особенности общества и его менталитет. Так, не учитывалось, что для экономической системы страны характерны, в частности, низкая технологичность и отсутствие качественных, конкурентоспособных, пользующихся спросом потребительских товаров¹¹³. Кроме того, как отмечалось выше, в обществе ощущались недостаток лидерства и доминирование традиции общинности, сдерживающие инновационные действия и проекты.

Расчет почти исключительно на внешнюю помощь и инвестиции в сочетании с невниманием к национальному производственному сектору вели к деградации реальной экономики, росту безработицы, крайне неравномерному распределению доходов, неуклонному сокращению ВВП на душу населения и другим негативным социально-экономическим последствиям. Быстрая и масштабная приватизация сама по себе, не говоря уже о коррупционных методах ее проведения, стала дополнительным фактором коллапса государства, поскольку резкое снижение налоговых поступлений в бюджет лишило государство возможности выполнять его важнейшие социально-экономические функции¹¹⁴. Передел собственности в 1992–1995 гг., как и после марта 2005 г., нарушил равновесие и стимулировал соперничество между политическими и хозяйственными элитами Севера и

¹¹³ Бейшембаева А. Указ. соч. С. 157.

¹¹⁴ Жуков С. Киргизия и Узбекистан: Шок против градуализма // *Россия и мусульманский мир*. 2004. № 9. С. 128.

Юга, обострив проблему регионализма¹¹⁵. Как и в соседнем Казахстане, «усиление клановости было вызвано самим верхушечным авторитарным характером проводимых реформ, закономерным итогом тенденции к монополизации экономики, обособления властных институтов, связанных с распределением общественных богатств, от самого общества, сращивания верхушки власти и бизнеса, протекавшей в ходе утверждения бюрократического варианта вхождения в рыночные отношения»¹¹⁶.

Масштабная международная помощь, составлявшая в первой половине 1990-х гг. до 15–20% ВВП, была использована крайне неэффективно не только в силу предложенной внешними донорами неадекватной экономической политики. Большой вклад в разбазаривание ресурсов внесла местная бюрократия, которая, в отличие от бюрократии соседнего Узбекистана, носила «непроизводительный», паразитический характер. Ее благополучие зависело в основном от доступа к донорской помощи, а не от успехов производственного сектора экономики. «Производственная» коррупция, при всех ее издержках, является меньшим злом по сравнению с паразитированием на притоке внешних ресурсов; она в меньшей степени блокирует экономический рост¹¹⁷. Для Киргизии же было характерно непомерное разбухание бюрократического аппарата и низкий уровень его управляемости.

В первую очередь именно социально-экономический кризис, быстрое социальное расслоение общества и самоустранение государства от выполнения социальных функций уже в начале 1990-х гг. подорвали легитимность власти

¹¹⁵ Мальшева Д. Демократия постсоветского Востока: модели и реалии // *Россия и мусульманский мир*. 2004. № 10. С. 143.

¹¹⁶ Куртов А. Указ. соч. С. 337.

¹¹⁷ Жуков С. Киргизия и Узбекистан...

и вообще доверие граждан к государству. Дальнейшее наступление авторитаризма лишь довершило этот процесс.

Политический менеджмент

Фундаментальная деформация политической системы в Кыргызстане во многом связана с чрезмерным сосредоточением политических и экономических ресурсов страны в руках узкой группы лиц, близких к президенту, обычно идентифицируемых как «семья» Акаева (жена Майрам, дети – сын Айдар и дочь Бермет, муж дочери Адиль Тойгонбаев, их близкие друзья и партнеры по бизнесу). «Семья» превратилась в главный центр принятия решений в стране, подрывая роль и авторитет государственных институтов. Даже администрация президента становилась номинальным органом. Используя властные рычаги, члены «семьи» взяли под свой контроль все наиболее прибыльные сферы бизнеса в республике (торговлю табаком и алкоголем, нефтепродуктами, стройматериалами, золотодобычу, телекоммуникации, ряд крупных электронных и печатных СМИ). Коррупция и ненасытность ближайших родственников вызвали рост недовольства и возмущения основной массы населения, вынужденного влачить жалкое существование.

Не менее серьезно было то, что А. Акаев перешел допустимые границы во взаимоотношениях между кланами. Так, существовала традиция назначать на пост первого секретаря киргизского ЦК по очереди выходцев с севера и юга республики. На первых порах президент соблюдал баланс интересов и выступал своего рода «разводящим» между кланами. Однако по мере того, как «семья» приобретала статус правящей группы, элиты других кланов оказались оттеснены от основных финансовых потоков и властных постов. Члены клана А. Акаева заняли ключевые посты в правительстве, особенно в министерствах финансов, внутренних дел и госбезопасности. Характерно, что на выборах

наибольшее возмущение внутри КР вызывало не столько активное использование грязных предвыборных технологий (аресты конкурентов, введение для кандидатов экзамена по киргизскому языку и тому подобное), сколько то, что А. Акаев пренебрегал неписанными клановыми правилами. Например, когда на парламентских выборах поддержанный им пришлый кандидат побеждал на избирательном участке, принадлежащем чужому клану¹¹⁸.

Особенно сильное недовольство режимом Акаева существовало на Юге. Южане были вытеснены с важных постов в органах центральной власти, Югу доставалось меньше финансовых ресурсов, чем северным областям, и экономическое положение там было заметно более тяжелым. Более того, даже в руководстве южных областей президент пытался расставлять своих людей. Подобная политика назначений политических протеев на пост губернатора Ошской области и их быстрая смена вызвали серьезное недовольство в Южном Кыргызстане. Многие южане особенно недовольны тем, что все пять губернаторов за годы независимости происходили из северных областей страны¹¹⁹. Экономическая и политическая дискриминация Юга превратила его в основной оплот антиакаевской оппозиции. Многие видные лидеры оппозиции принадлежали к южным кланам, а именно к группировке ичкилик. Известные общественные деятели и члены парламента Азимбек Бекназаров, Адахам Мадумаров, Омурбек Текебаев, Дооронбек Садырбаев, Масалиев, Бектур Асанов и Алишер Абдимомунов – все связаны с кланами Ошской, Джалал-Абадской или Баткенской областей. Нарастание недовольства южан выражалось и в появлении сепаратистских настроений. Так, в ноябре 2002 г.

¹¹⁸ *Баринова М.* Номинанты на Аскара // *Профиль*. 07.02.2005.

¹¹⁹ *Хамидов А.* Волнения в Кыргызстане с точки зрения соперничества кланов // <http://www.eurasianet.org> 06.06.2002.

сторонники оппозиционного политика Усена Садыкова предложили трем южным областям – Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской – заявить о своей автономии, если Бишкек не пойдет навстречу их экономическим, социальным и политическим нуждам¹²⁰.

Монополизм «семьи» вызывал недовольство не только южан, но и многих представителей северных кланов. Деловую элиту Севера раздражало, что без разрешения родственников президента в стране было невозможно создать никаких мало-мальски серьезных бизнес-структур. Кроме того, волюнтаризм кадровых назначений и отставок создал даже среди представителей северных кланов довольно большое число обиженных из числа бывших чиновников. Недовольная часть северных элит, а также молодых технократов, не имеющих особых шансов на продвижение в условиях доминирования «семьи», были готовы объединиться вокруг личности наиболее влиятельного политика-северянина – Феликса Кулова.

И хотя на Севере клановый фактор в оппозиции играл менее заметную роль, все же можно утверждать, что действия «семьи» стали мощным стимулом мобилизации и консолидации оппозиционных групп на регионально-клановой основе, что способствовало архаизации политического процесса и ослаблению национальной политической идентификации.

Основные этнические меньшинства Кыргызстана, узбеки и русскоязычные, также испытывали растущее недоверие к режиму Акаева из-за отсутствия последовательной стратегии формирования гражданской нации и периодического манипулирования националистическими идеями.

¹²⁰ *Хамидов А.* Новая Конституция Кыргызстана может привести к усилению разногласий между Севером и Югом // <http://www.eurasianet.org> 12.02.2003.

Узбеки составляют около 14% (686 тысяч на 2002 г.) населения Кыргызстана и сосредоточены в основном на Юге, где они численно даже преобладают над киргизами. Несмотря на жалобы на политическую и экономическую дискриминации со стороны центральной власти, узбекская община традиционно все же проявляла лояльность к А. Акаеву и северянам в целом, рассматривая их как наименьшее зло по сравнению с националистически настроенными лидерами киргизской оппозиции на Юге.

Тем не менее после событий в Аксы, на волне общего подъема оппозиции, узбекская община также попыталась сформулировать свои требования. 20 июня 2002 г. 300 делегатов пятой Ежегодной конференции этнических узбеков Южного Кыргызстана выступили с заявлением, в котором потребовали пропорционального представительства этнических меньшинств в различных сферах экономической и политической жизни. Делегаты от различных районов Ошской и Джалал-Абадской областей призвали власти придать узбекскому языку статус государственного и включить большее количество узбеков в судебные, законодательные и правоохранительные структуры. Они потребовали также государственной поддержки культурных и образовательных программ для узбекского меньшинства.

Однако администрация не только проигнорировала требования узбекской общины, но и предприняла шаги, вызвавшие еще большее ее раздражение и разочарование. Пытаясь набрать политические очки на эксплуатации националистических чувств киргизов, власти разработали новый Закон о государственном языке, который был принят парламентом 12 февраля 2003 г. По этому закону киргизский получил де-факто статус главного официального языка страны. Теперь кандидаты на получение должностей в госаппарате должны были продемонстрировать свободное владение языком, а не просто понимание киргизской речи. То

же требование предъявлялось к студентам, желающим поступить в университет или получить диплом о его окончании. Закон устанавливал также языковую квоту в СМИ, оговаривая, что одна треть всех новостных программ и рекламы должны транслироваться на киргизском языке. Русский сохранил статус официального языка, однако киргизский также был наделен статусом «языка межнационального общения». От госслужащих, прежде всего, требовалось знание киргизского языка. В итоге, лидеры узбекской общины заявили, что закон о языке предоставляет администрации А. Акаева конституционный рычаг для того, чтобы вытеснить некиргизов из госаппарата. Ущемление интересов узбекского населения и утрата надежды на политические методы способствовали росту в узбекской среде симпатий к запрещенной исламистской группировке «Хизб ут-Тахрир», обещавшей установить справедливый общественный порядок и в рамках единого халифата фактически решить проблему узбеков как разделенной нации.

Русская диаспора (около 470 тыс. человек, или 11% населения в 2008 г.), оставаясь политически пассивной, всегда рассматривалась властью как важный электоральный резерв. Русские, опасаясь прихода к власти националистов из оппозиции, обычно голосовали за А. Акаева. Однако начавшийся в 1990-е гг. отток русскоязычного населения из республики усилился, что создавало проблемы в наиболее современных сферах экономики Кыргызстана и негативно сказывалось на социальной структуре общества. В условиях социально-экономического кризиса и усиления социальной роли клановости русскоязычное население оказывалось наиболее уязвимой частью общества. Пытаясь как-то снизить темп миграции, в 2000 г. Акаев объявил русский официальным языком в Кыргызстане. Однако принятие нового Закона о языке в 2003 г. вызвало новую волну беспокойства в среде русскоязычного населения,

опасающегося ассимиляции и дальнейшего вытеснения из различных сфер занятости.

Таким образом, хотя ни узбеки, ни русские не перешли под знамена оппозиции, они отнюдь не были настроены активно поддерживать или защищать власть Акаева.

Недовольство президентом подспудно зрело и в силовых структурах. С одной стороны, милиционеры и военные были недовольны низкими зарплатами и уровнем материально-технического обеспечения своей деятельности¹²¹. С другой, многие работники милиции были обижены и рассержены тем, что А. Акаев фактически предал их, возложив на них вину за кровопролитие в Аксы. Милиционеры во главе с офицерами среднего ранга, считая обвинения несправедливыми, провели в конце июля 2002 г. в Джалал-Абаде забастовку протеста. Родственники обвиненных милиционеров также готовились к акциям протеста. Дальнейшее развитие милицейских протестов прекратила объявленная амнистия всем участникам аксийских событий. Этот опыт во многом предопределил пассивное поведение правоохранительных структур во время мартовских беспорядков 2005 г. «Оно [правительство] подставило нас после событий в Аксы, и мы не хотим снова оказаться между правительством и народом», – заявил в марте 2005 г. один из высших офицеров МВД¹²². После унижения 2002 г. чувствовалось, что в сле-

дующий раз милиция и армия не станут рисковать своей репутацией и жизнями ради спасения режима.

Таким образом, на всех направлениях президент и его семья оказывались во все нарастающей политической изоляции. Институт президентства перестал играть свою прежнюю арбитражную функцию¹²³, балансирующую интересы различных сил и тем самым стабилизирующую политический процесс. Некоторые лидеры оппозиции еще в 2003 г. предсказывали, что «в ближайшее время Акаев может лишиться всякой политической поддержки и что незадолго до окончания президентского срока внезапно уйдет в отставку и бежит из страны»¹²⁴.

А. Акаев довольно умело балансировал между интересами главных внешних игроков, в конце концов у России и США накопилось немало претензий к киргизскому руководству. Но если Россия все же предпочитала сохранять статус-кво в Кыргызстане, оказывая политическую поддержку А. Акаеву во всех раундах его противостояния с оппозицией, то для США смена власти была важна как прецедент для Центральной Азии, которая к середине 2000-х гг. рассматривалась в Вашингтоне как один из полигонов реализации стратегии глобального продвижения демократии. И все же минимальным общим знаменателем позиций России и США была их готовность работать с любым вменяемым преемником – лишь бы на смену ему не пришли исламские радикалы¹²⁵.

Политическая трансформация Кыргызстана привела к возникновению своеобразной модели, в которой правящий режим приобрел многие внешние характеристики «мягкого» авторитаризма, но при этом становился все более

¹²¹ По словам офицеров милиции в Джалал-Абаде, их день зачастую начинается с того, что приходится доставать бензин, делая это чаще всего незаконным способом. Заработная плата очень низкая: один из старших офицеров милиции сообщил в интервью МГПК, что после 30 лет службы в органах его жалование составляет 700 сомов (15 дол. США), а большинство рядовых сотрудников получают 350–500 сомов (7–10 дол. США), что неизбежно ведет к различным формам вымогательства и взяточничества. – Политический кризис в Кыргызстане: стратегия выхода. Отчет № 37 МГПК // *Азия*. Июль 2002. С. 13.

¹²² Кыргызстан: после революции... С. 19.

¹²³ *Абазов Р.* Указ. соч. С. 31.

¹²⁴ *Хамидов А.* Кыргызстан: организованная оппозиция и гражданские беспорядки // <http://www.eurasianet.org> 20.XII.2002.

¹²⁵ *Литовкин Д., Ратиани Н.* Киргизия: только не зеленый // *Известия*. 28.03.2005.

слабым, теряя не только поддержку основных политических и экономических элит, но и лояльность силовых структур. Даже внешние силы, которые традиционно выступали как важнейший источник стабильности его режима, все больше охладевали к главному демократу Центральной Азии. Все это происходило на фоне очевидного провала экономических реформ, ощутимого ухудшения уровня жизни значительной части населения и возрастающей готовности масс к непарламентским методам выражения своего протеста.

Однако А. Акаев пытался продолжать играть в сильного лидера. Он не соглашался вступать в предметный диалог с оппозицией – достаточно вспомнить его манипуляции с Конституционным совещанием 2003 г., что окончательно оттолкнуло от него оппозицию. Он все больше попадал под влияние сторонников жесткой линии в своем окружении (бывший министр внутренних дел Темирбек Акматалиев) и избавлялся от тех, кто стремился к компромиссу (бывший секретарь Совета безопасности Мисир Аширкулов). Он не спешил разрабатывать «стратегию ухода» (exit strategy), рассчитывая каким-то образом сохранить высшую власть либо за собой, либо за кем-то из членов «семьи». Возможно, такая линия поведения президента была вызвана потерей чувства реальности и переоценкой своих возможностей. Возможно, он просто оказался заложником интересов «семьи», для членов которой потеря власти была равносильна потере всего – статуса, собственности, а может быть даже и свободы. Но в любом случае затянувшееся нежелание А. Акаева реально оценить ситуацию и уступить требованиям оппозиции провести честные выборы в сочетании с его явным нежеланием и неспособностью использовать силу для наведения порядка предопределило неизбежность одного из наиболее неблагоприятных сценариев перехода власти – через массовые волнения, погромы и временный паралич основных государственных институтов.

Новая власть: стартовые позиции и предварительные тенденции развития

Новый этап трансформации, начавшийся после падения режима 24 марта 2005 г., характеризовался высоким уровнем сложности. Пожалуй, единственным, хотя и очень важным политическим активом пришедших к власти лидеров оппозиции стал огромный кредит доверия со стороны общества, поверившего в возможность изменений. В остальном стартовые условия выглядели довольно неблагоприятными.

Смена власти сопровождалась глубоким социально-экономическим шоком. Трехдневные грабежи и погромы в Бишкеке нанесли мощный удар по мелкому и среднему бизнесу, значительная часть которого была сосредоточена именно в столице. Убытки от массового мародерства и уничтожения собственности 24–25 марта специалисты оценивают в 100 млн. дол. США. Более 1000 магазинов, предприятий и офисов было разграблено и разрушено. Некоторые жертвы мародерства и погромов были вынуждены покинуть Кыргызстан, чтобы скрыться от кредиторов¹²⁶. В стране начался стихийный передел собственности, в Бишкеке имели место многочисленные захваты земли, существенно ухудшилась криминальная обстановка.

Однако новой власти удалось достичь согласия между лидерами разнородной оппозиции о формуле раздела власти, что позволило избежать перерастания беспорядков в широкомасштабную гражданскую войну и провести 10 июля 2005 г. досрочные президентские выборы. Несмотря на все сопровождавшие их проблемы, это были, пожалуй, самые свободные и демократичные выборы со времен обретения независимости Кыргызстана. Поток хлынули материалы

¹²⁶ Кыргызстан: празднование годовщины революции вносит раскол в общество // <http://www.eurasianet.org> 17.03.2006.

про различные проблемы и нарушения в стране, о злоупотреблениях правившего клана Акаева и пр. Слабость новой власти создавала благоприятную среду для роста общественной активности и формирования условий для нормального гражданского диалога¹²⁷. Важным моментом в расширении политического участия узбекской общины на региональном уровне, явилось утверждение в должности губернатора Ошской области Анвара Артыкова. Он стал практически первым узбеком – руководителем Ошской области¹²⁸. События марта 2005 г. имели важное психологическое значение как шаг в направлении большей ответственности и подотчетности власти народу¹²⁹.

Однако в целом предварительные итоги политической трансформации Кыргызстана в постакаевский период не внушают особого оптимизма. Новая власть вольно или невольно повторяет траекторию движения прежнего режима, попадая в те же самые ловушки.

С одной стороны, смена власти привела к корректировке регионально-кланового баланса и некоторому умиротворению Юга. Южане, составлявшие костяк оппозиции, обеспечили себе большинство влиятельных постов в новой администрации, возглавленной президентом-южанином Курманбеком Бакиевым. Теперь вопрос о возможном отделении юга Киргизстана отпадал сам собой, и проблема опять возвращалась из политической плоскости в экономическую: экономическое отставание регионов от центра – Бишкека. Однако маятник качнулся в сторону интересов Юга на-

¹²⁷ Кынев А. Кыргызстан до и после «тюльпановой революции». Политическая ситуация в Кыргызстане в 1990–2004 годах //

<http://www.stratagama.org/polittechnology.php?nws=gq14p1781632563>

¹²⁸ Омуралиев Н. Свидетельства и комментарии очевидца // К событиям в Киргизии (<http://eawarn.ru/bin/view/Main/KirghisRevolt>).

¹²⁹ Фурман Д. Киргизия: кто следующий в очереди на революцию? // *Новая газета*. 2005. № 23. 31 марта – 7 апреля.

столько сильно, что это вызвало беспокойство северян. Под угрозой прихода к власти южан многие северяне среди бывших сторонников А. Акаева стали переходить на сторону Ф. Кулова. Необходимость консолидации интересов северян уже в дни мартовского восстания понимали и сами уроженцы Севера Ф. Кулов и Р. Отунбаева, что выразилось, в частности, в резкой смене их отношения к новоизбранному 27 февраля и 13 марта парламенту, который они первоначально называли нелегитимным (в этом парламенте позиции северян были существенно сильнее, чем в старом)¹³⁰. В противостоянии между новой президентской администрацией и парламентом, усилившемся к осени 2005 г., можно обнаружить, среди прочего, и отзвук все тех же регионально-клановых противоречий.

Многие в Бишкеке продолжают обвинять в мародерстве 24 марта южан, которые наводнили столицу в этот день для участия в антиакаевских протестах. Северяне, особенно жители Бишкека, возмущены наплывом южан, которые начали спонтанно захватывать земли в столичном пригороде. Неспособность администрации Курманбека Бакиева решить эту проблему способствовала поддержанию напряженности в отношениях между Севером и Югом. Примечательно, что в организованных оппозицией в конце апреля 2006 г. митингах протеста против политики новой администрации гораздо более активно участвовали жители северных областей – Чуйской, Таласской и столицы страны Бишкека, тогда как на Юге акции протеста не приняли широкого размаха.

Осудив на примере клана Акаевых принцип семейственности в политике, многие новые руководители не устояли перед искушением раздать значимые должности своим

¹³⁰ Кынев А. Кыргызстан до и после «тюльпановой революции»: выборы Жогорку Кенеш 2005 года и события 24–25 марта 2005 // <http://www.stratagama.org/polittechnology>

родственникам. С самых первых дней своего существования исполнительная власть во главе с К. Бакиевым подвергалась острой критике за проводимую временным правительством кадровую политику. Так, новый президент и другие члены руководства пытались заполнить высшие эшелоны бюрократии своими друзьями и членами семьи, по сути дела, продолжая дело А. Акаева¹³¹. По данным прессы, уже в начале сентября 2005 г. брат К. Бакиева был назначен на должность Чрезвычайного и Полномочного посла в Германии. Старший сын Марат Бакиев является заместителем председателя ГКНБ (Госкомитет национальной безопасности).

Мартовская революция скорее негативно сказалась на интересах этнических меньшинств. Одним из немедленных последствий мартовских погромов в Бишкеке стало заметное усиление оттока русского населения (по официальным данным, к началу 2008 г. русских в республике было уже менее 470 тысяч). Этнические меньшинства встревожены националистической риторикой, которую позволяют себе представители администрации К. Бакиева, среди которых в этом смысле особенно выделялся бывший вице-премьер, а с декабря 2007 г. – спикер парламента Адахан Мадумаров.

Опасения меньшинств вызывают и такие шаги новых властей, как, например, решение Национальной комиссии

¹³¹ Освещая проблемы с кадровыми назначениями, газета MSN, еще недавно выступавшая с самой острой критикой А. Акаева, сосредоточила внимание на деятельности и.о. министра финансов Акылбека Жапарова. В опубликованном газетой письме «группы предпринимателей» выражается недовольство тем, что Жапаров вычищает штат министерства, заменяя уволенных сотрудников родственниками и членами своего клана из Нарынской области на востоке Кыргызстана. «Например, начальником Бишкекской налоговой инспекции стал Нурлан Жапаров, брат и.о. министра, начальником таможни аэропорта «Манас» – Нурлан Макеев, племянник и.о. министра», – говорится в письме. – Кыргызская революция: поворот в непредсказуемом направлении // <http://www.eurasianet.org> 11.04.2005.

по госязыку форсировать перевод государственного делопроизводства на киргизский язык.

Особым предметом беспокойства для узбеков, например, является неспособность правительства пресечь коррупцию и развернувшуюся после мартовской революции борьбу за перераспределение собственности. Эти процессы крайне негативно сказываются на бизнесе, в котором узбеки традиционно играют видную роль, особенно на юге. Кроме того, недовольство узбеков возможно связано также с нарушением неформальных каналов коммуникации между чиновниками киргизского правительства и лидерами узбекской общины. Некоторые узбекские лидеры поддерживали тесные личные контакты с А. Акаевым. Однако после мартовской революции ни один из узбекских лидеров не наладил тесных связей с К. Бакиевым. А. Артыков, союзник К. Бакиева во время революции, был уволен в начале декабря 2005 г. с поста губернатора Ошской области¹³². После этого он примкнул к оппозиционному движению «За реформы», возглавляемому бывшим спикером парламента Омурбеком Текебаевым.

Несмотря на достижение и формальное выполнение предвыборного соглашения между К. Бакиевым и Ф. Куловым о распределении власти, тандем Кулов–Бакиев так и не стал командой единомышленников.

С самого начала между двумя основными фигурами мартовских событий 2005 г. – К.С. Бакиевым и Ф.Ш. Куловым – просматривались серьезные различия в подходах к важнейшим вопросам развития страны, а их личные отношения, как и отношения между их «командами», характеризовались взаимной неприязнью, недоверием и подозрительностью. В конечном итоге, в результате разразившегося

¹³² Этнические узбеки в Кыргызстане жалуются на дискриминацию и коррупцию // <http://www.eurasianet.org> 26.I.2005.

в декабре 2006 г. правительственного кризиса Ф.Ш. Кулов лишился поста премьер-министра и перешел в жесткую оппозицию к бывшему партнеру по недолговечному тандему.

В апреле 2007 г. экс-премьер и его сторонники попытались организовать в Бишкеке массовый «бессрочный митинг», который должен был, по заявлениям Ф.Ш. Кулова, привести к отставке действующего главы государства. Однако объединить и повести за собой оппозицию, привлечь на свою сторону более или менее широкие слои населения Ф.Ш. Кулову не удалось. Шумно разрекламированная оппозицией протестная акция в центре столицы на девятый день после начала была без труда (хотя и с применением спецсредств) пресечена силами правоохранительных органов.

Значительно укрепив свои политические позиции в противостоянии с деморализованными оппонентами, К.С. Бакиев вынес на всенародный референдум 21 октября 2007 г. разработанный с его подачи проект новой редакции Конституции, по существу закрепляющий режим президентской республики. В ходе референдума, по официальным данным, проект поддержали более 75% участников голосования. Уже на следующий день, 22 октября 2007 г., К.С. Бакиев подписал указы о роспуске «акаевского» парламента, избранного в феврале–марте 2005 г. (конструктивного взаимодействия между президентом и этим составом депутатского корпуса не получилось) и назначил на 16 декабря досрочные парламентские выборы. В соответствии с новой редакцией Конституции республики они впервые проходили по партийным спискам и принесли убедительную победу (71 из 90 депутатских мест) созданной незадолго до выборов, в октябре, пропрезидентской партии «Ак-Жол». Социал-демократическая партия и Партия коммунистов КР, относимые к конструктивной оппозиции, получили соответственно 11 и 8 депутатских мандатов.

Подведение итогов выборов было сопряжено со множеством скандалов и неясностей. Так, если верить заявлениям целого ряда очевидцев и наблюдателей, по ходу подсчета голосов переделывались правила подведения итогов, внезапно и резко менялось количество голосов, отданных за ту или иную партию. Но политические противники К.С. Бакиева отреагировали на неутешительные для себя результаты голосования на удивление пассивно. По мнению многих аналитиков, оппозиция, похоже, «сломалась», прежде всего, психологически, после трехлетнего марафона борьбы за власть и, таким образом, оказалась оттесненной на периферию политического процесса.

Достигнутая к середине 2008 г. практически полная консолидация власти в руках К.С. Бакиева и его окружения, контролирующих как парламент, так и правительство (по оценкам ряда экспертов оно, скорее, «техническое»), открывает возможности для концентрации усилий руководства страны на решении по-прежнему острых и даже нарастающих экономических и социальных проблем сегодняшнего Кыргызстана в условиях относительной внутривнутриполитической стабильности. В какой мере эта перспектива со многими неизвестными будет реализована – покажет время.

Сегодня реальную власть в республике осуществляют несколько остро соперничающих друг с другом политических группировок, что предопределяет хроническую слабость власти. В результате давно объявленные политические реформы пробуксовывают, порождая в обществе смешанные чувства апатии и разочарования в новой власти, а в политической жизни усиливая напряженность в отношениях между президентом и парламентом.

Кампания же по борьбе с коррупцией и злоупотреблениями прежнего режима вылилась фактически в попытки закулисно перераспределить незаконно приобретенную собственность членов «семьи» среди людей, приближенных

к новой власти. В то же время прокурор Кыргызстана А. Бекназаров, который занимался расследованием коррупции представителей прежнего режима, 19 сентября 2005 г. был неожиданно отправлен в отставку. Этот шаг многие расценили не только как попытку президента избавиться от сильного политического соперника, но и как результат давления сил, не заинтересованных в открытом и гласном решении проблем собственности «семьи».

Одной из наиболее тревожных тенденций в постакаевский период стало усиление организованной преступности. Криминальные авторитеты открыто занялись борьбой за перераспределение сфер экономического влияния, используя при этом свои военизированные отряды. Прокатившуюся по стране серию убийств видных предпринимателей и депутатов парламента многие связывают с криминальными разборками. В частности, убитый в сентябре 2005 г. депутат Баяман Эркинбаев считался одним из крупных представителей криминального бизнеса. Более того, криминальные авторитеты, имеющие связи в высших эшелонах власти, продолжают пытаться влиять на политику. Так, после убийства одного из депутатов парламента во время его посещения колонии для заключенных под Бишкеком в октябре 2005 г., его брат, криминальный авторитет Рыспек Актамбаев, организовал массовый митинг своих сторонников с требованием отставки премьер-министра Кулова. Одновременно Рыспек Актамбаев решил легализовать свой статус, заявив о желании баллотироваться в парламента на место погибшего брата. Препятствием для участия в довыборах являлось незакрытое уголовное дело против Р. Актамбаева, однако уже в январе 2006 г. с него были сняты все обвинения. Это событие серьезно встревожило общественность и политические круги страны, переведя обсуждение проблемы коррупции и криминализации власти на самый высший уровень. 25 января 2006 г. Ф. Кулов выступил с заявлением, в котором обвинил СНБ,

прокуратуру и судебную власть не только в отсутствии реальной борьбы против криминала, но и в фактическом сговоре некоторых представителей этих структур с преступными группировками¹³³. В конце марта 2006 г. ЦИК под чисто формальным предлогом исключил Р. Актамбаева из списков кандидатов, но 3 апреля это решение было отменено Верховным судом Кыргызстана. 9 апреля он одержал убедительную победу в своем избирательном округе. Впрочем, решение о наделении Актамбаева депутатскими полномочиями было отложено, а 10 мая 2006 г. он погиб в результате покушения.

Наиболее тревожным в этой истории является то, что продемонстрированное преодоление всех правовых барьеров на пути к депутатскому месту вряд ли было бы возможным без поддержки влиятельных сил внутри правящего режима. При этом большинство аналитиков сходилось в том, что кандидатура погибшего была выгодна К. Бакиеву: его избрание в законодательный орган дало бы президенту возможность расколоть депутатов и ослабить тем самым противодействие парламента, который сопротивляется усилиям, направленным на сохранение в Кыргызстане сильной президентской власти. Кроме того, Р. Актамбаев являлся заклятым врагом Ф. Кулова. Именно поэтому неожиданное восстановление кандидатуры Р. Актамбаева перед выборами создало в обществе впечатление, что администрация президента вступила в тактический союз с лидерами преступного мира¹³⁴. Готовность политиков использовать мобилизационный потенциал криминальных группировок для сведения счетов со своими конкурентами неизбежно ведет к еще большему сращиванию политики и организованной преступности.

¹³³ Премьер-министр Киргизии Феликс Кулов сделал сенсационное заявление // www.regnum.ru/news/579740.html 26.01.2006.

¹³⁴ Кыргызстан: решение суда вызывает тревожное ощущение возможной дестабилизации // <http://www.eurasianet.org> 06.IV.2006.

Попытки К. Бакиева протащить свой вариант конституции, предполагающий установление президентско-парламентской республики, в которой широкий спектр полномочий сохранится за президентом и исполнительной властью, а также стремление нового президента подчинить себе все прибыльные отрасли экономики, активизировали к концу 2005 г. «новую оппозицию». В нее вошли многие члены парламента, представители деловой элиты, активисты НПО, бывшие оппозиционеры, которые заняли посты в новом правительстве (А. Бекназаров, Р. Отунбаева и др.), но затем были отправлены в отставку. Некоторые наблюдатели обращают внимание на такую, еще лишь обозначающуюся проблему, как зарождение совершенно новой оппозиции сегодняшнему киргизскому руководству – отставного генералитета. Некоторые из почти двух десятков высокопоставленных офицеров, освобожденных командой К. Бакиева от должности, уже готовят себя к участию в политических баталиях, создают партии, движения и собирают сторонников¹³⁵.

Если в первые месяцы после избрания эта оппозиция выглядела довольно аморфной и не способной к активным действиям, то в начале 2006 г. она стала набирать силу. В феврале к ней присоединился такой влиятельный политик, как бывший спикер парламента Текебаев, который перед этим подал в отставку в знак протеста против действий К. Бакиева. О возросшей боевитости оппозиции свидетельствовал ультиматум, который она выдвинула президенту 18 апреля 2006 г.: или президент немедленно примет меры борьбы с царящими в стране преступностью и коррупцией, или он должен уйти в отставку. Кроме срочных мер по стабилизации положения в стране, оппоненты требовали уволить нескольких политических союзников президента вклю-

¹³⁵ Грозин А. Альтернативы нет // <http://arabeski.globalrus.ru/comments/133982/>. 06.09.2005.

чая главу президентской администрации Усена Сыдыкова, главу Службы национальной безопасности Таштемира Айтбаева, государственного секретаря Дастана Сырыгулова и генерального прокурора Камбаралы Конгантиева, а также осуществить в ближайшее время конституционную реформу с тем, чтобы ослабить полномочия исполнительной ветви власти и провести реорганизацию подконтрольных государству СМИ. Под этими лозунгами 29 апреля оппозиция провела массовый митинг в Бишкеке. В начале мая К. Бакиев провел кадровые перестановки в высшем руководстве, однако этот шаг скорее лишил оппозицию важного пропагандистского ресурса, нежели ослабил позиции президента.

Новая власть во многом следует той же модели отношений с оппозицией, что и прежний режим: демонстрировать готовность к компромиссам, но каждый раз пытаться ее перехитрить. Оппозиция, в свою очередь, продолжает делать ставку, прежде всего, на непарламентские, митинговые методы воздействия на власть. В этом смысле опыт мартовской «революции» 2005 г. таит в себе некоторую опасность: в те дни не только гражданское общество, но и просто толпа в самом худшем смысле этого слова почувствовала свою силу и власть. Искушение продолжить решать сложные проблемы путем грубого насилия может оказаться велико. Все это не позволяет исключить возможность сползания страны к новому этапу дестабилизации, тем более что набирает силу и такая радикальная оппозиция как «Хизб ут-Тахрир», ответ на вызов которой властям будет найти еще сложнее.

О том, что борьба за власть имеет тенденцию к обострению, свидетельствуют попытки ужесточения государственного контроля над СМИ. Путем серии скандальных судебных разбирательств самая многотиражная газета «Вечерний Бишкек» была отнята у зятя бывшего президента, после чего в ней прекратилась всякая критика нынешней власти. Подобным образом была осуществлена смена руко-

водства и редакционной политики телеканала КООРТ, а в декабре 2005 г. под контроль компании, за которой стоит сын президента Максим Бакиев, перешли 50% акций телеканала «Пирамида»¹³⁶. Требование прекратить давление властей на средства массовой информации стало одним из главных лозунгов акций протеста, организованных оппозиционными партиями и НПО в апреле 2006 г.

Экономические последствия смены режима

Нет сомнений, что политическая нестабильность, неспособность власти устойчиво контролировать ситуацию в стране и обуздать преступность, неопределенность ее стратегических ориентиров негативно сказывались на экономике Кыргызстана. Однако высокая степень политизированности проблемы экономического развития в постакаевский период, которая стала ареной информационной борьбы между властью и оппозицией, усложняет задачу выяснения истинного характера нынешнего кризиса.

Резюмируя итоги изменения инвестиционного климата в Кыргызстане с июня 2004 г. по сентябрь 2005 г., издаваемый в Бишкеке журнал «Investment Now» («Инвестиции сегодня») отмечал, что «несмотря на признаки улучшения состояния бизнеса в стране, уверенность инвесторов низка, как никогда». По данным ежеквартальных опросов-исследований иностранных инвесторов в Киргизии, в 2005 г. доходы инвесторов выросли всего на 7% (в 2004 – на 20%). 55% респондентов считали, что инвестиционный климат к сентябрю 2005 г. стал даже хуже, чем сразу после «революции» в марте. По оценке иностранных инвесторов, негативное влияние государства на бизнес и инвестиции в последнее время особенно выросли в части произвольного ис-

¹³⁶ Сын президента хочет «Пирамиду»: новые власти Кыргызстана хотят контролировать СМИ не хуже старых // <http://www.analitik.kg/> 9.12.2005.

пользования судебного, налогового и административного давления. Если атмосфера не изменится, то добросовестные иностранные инвесторы начнут покидать Кыргызстан, и на их месте останутся либо авантюристы, либо бюрократические инсайдеры, под видом иностранных инвестиций уводящие из страны ее собственность и капитал¹³⁷. Впрочем, не исключено, что вместо западных инвесторов в Кыргызстан активнее пойдут российский и особенно казахский бизнес, способные легче адаптироваться к киргизским реалиям.

Верным признаком существенного ухудшения социально-экономической ситуации в республике является быстрый рост темпов трудовой миграции и эмиграции из Кыргызстана, что, с одной стороны, способствует поступлению в страну значительных денежных средств, но, с другой – в средне- и долгосрочной перспективе – может создать угрозу ее экономической безопасности. Все больше выезжающих за рубеж граждан Кыргызстана не намерены возвращаться на родину, причем это касается не только этнических славян, но и этнических киргизов. Одним из несомненных подтверждений взрывного роста трудовой миграции после мартовской революции служит резкое увеличение объема денежных переводов трудовых мигрантов, о чем говорилось выше.

Нынешние серьезные экономические проблемы Кыргызстана объясняются не только неоднозначным наследием предыдущего режима и неизбежной неразберихой постреволюционного этапа, но и неадекватным политико-экономическим менеджментом новой власти. Смена режима не привела к существенной корректировке прежней экономи-

¹³⁷ Иностранные инвесторы: инвестиционный климат в Киргизии резко ухудшился // www.regnum.ru/news/585567.html 06.02.2006; Иностранные инвесторы: инвестиционный климат в Киргизии «на краю страха» // www.regnum.ru/news/625469.html 18.04.2006.

ческой стратегии ориентации на помощь и рекомендации международных донорских структур. Однако в условиях перманентной нестабильности и растущего недоверия внешних инвесторов механическое продолжение такого курса выглядит все более бесперспективным. Новый режим не выработал альтернативной стратегии преодоления нынешнего экономического кризиса, продолжая заниматься решением в пожарном порядке различных, пусть и достаточно важных, но все же частных вопросов. Кроме того, управленческая эффективность нового режима снизилась по сравнению с акаевским периодом.

Внешние факторы

Мартовские события 2005 г. были, прежде всего, результатом политической трансформации Кыргызстана, однако определенную роль в ее осуществлении сыграли и внешние факторы, а именно – поддержка оппозиции со стороны США и Запада в целом. Разочаровавшись в способности представителей первого поколения постсоветских лидеров ряда стран СНГ обеспечивать долгосрочные геополитические и геоэкономические интересы США, Вашингтон в начале 2000-х гг. взял курс на содействие смене режимов в этих странах. Кыргызстан как наиболее слабое звено в цепи авторитарных режимов Центральной Азии был избран в качестве полигона для отработки технологии «цветных революций» в этом регионе и будущего плацдарма давления на Узбекистан, который в 2004 г. начал снова сближаться с Россией. Основным каналом американского воздействия на ситуацию в Киргизии стала действующая здесь разветвленная сеть НПО, финансируемых Западом.

Впрочем то, насколько стремительно победила мартовская революция, стало неожиданностью как для самой оппозиции, так и для Вашингтона, который не сумел повлиять на расклад сил в новом правительстве. Люди, которые при-

шли к власти в КР, не были американскими ставленниками, и Вашингтону пришлось снова вступить в конкурентную борьбу за влияние на новый режим в Бишкеке. Когда после андижанских событий в мае 2005 г. США окончательно поссорились с Узбекистаном и вынуждены были закрыть свою авиабазу в узбекском Ханабаде, значимость КР, где продолжала действовать последняя их авиабаза в регионе, для американской геополитики возросла.

Россия, с тревогой наблюдая за «цветными революциями» в странах СНГ, не была заинтересована в смещении А. Акаева, однако сумела достаточно гибко отреагировать на ситуацию, с одной стороны, предоставив политическое убежище свергнутому президенту, а с другой – сразу вступив в диалог с новой властью.

Используя возросшую заинтересованность Вашингтона и Москвы в том, чтобы как минимум сохранить свое влияние в Кыргызстане, правительство К. Бакиева сочло наиболее выгодным для себя продолжать традиционный курс А. Акаева на поддержание сбалансированных отношений с этими двумя центрами силы. Американцам было обещано разрешить и впредь пользоваться авиабазой им. Ганси в бишкекском аэропорту «Манас», а Россия получила поддержку в вопросах укрепления роли ОДКБ и ШОС, а также расширения российской авиабазы в Канте.

Укрепление отношений Кыргызстана с Россией затрагивает и экономическую сферу¹³⁸. При этом К. Бакиев рассчитывает на экономическую помощь для преодоления нынешнего кризиса, а Россия намерена расширить свои инвестиции и присутствие в стратегических отраслях киргизской экономики. Речь идет, прежде всего, об энергетике, интерес к которой продолжают проявлять Газпром и РАО ЕЭС.

¹³⁸ *Blagov S. Russian Economic And Strategic Influence in Kyrgyzstan Set To Expand // <http://www.eurasianet.org> 25.04.2006.*

Россия объявила о готовности помочь киргизскому правительству в завершении строительства двух электростанций (Камбарата 1, 2). Кроме того, достигнута принципиальная договоренность о создании совместного предприятия Газпромом и киргизской национальной энергетической компанией Кыргызнефтегаз. Объем двусторонней торговли в 2007 г. впервые достиг 1,21 млрд. дол.

Таким образом, Россия сумела в итоге не только не проиграть от смены режима в Кыргызстане, но и успешно продолжить начатое несколькими годами ранее укрепление своих позиций в этой стране. При этом она, скорее всего, будет действовать прагматично, не делая ставку лично на К. Бакиева, а отстаивая стратегические и экономические интересы и подтверждая свою готовность к взаимодействию с любым киргизским руководством.

Другим ключевым партнером Кыргызстана является соседний Казахстан, который становится крупным инвестором в киргизскую экономику. Казахские инвестиции растут быстрыми темпами. Их совокупный объем к началу 2008 г. превысил 240 млн. дол. (около 28% от общего объема иностранных инвестиций в экономику КР). Высока активность казахстанского капитала в финансово-банковской сфере республики. Кроме того, Казахстан является третьим по величине импортером киргизских товаров и вторым по величине экспортером в КР. Киргизская трудовая миграция в Казахстан составляет от 60 до 80 тысяч человек¹³⁹.

Несмотря на некоторые трения в американо-киргизских отношениях, США продолжает оставаться влиятельной силой на киргизской сцене и не оставляет попыток укрепить свои позиции. Учитывая тяжелое финансовое положение

¹³⁹ Kyrgyzstan: A Faltering State. Crisis Group Asia Report № 109. 16 December 2005. С. 21. (<http://www.crisisgroup.org/>).

Кыргызстана, его огромный внешний долг, США рассчитывают добиться еще более тесной привязки киргизской экономики к Западу. Так, в апреле 2006 г. посол США в Бишкек Мари Л. Йованович предложила Кыргызстану присоединиться к инициативе НРС (Heavily Indebted Poor Countries – Бедные страны с огромным долгом) – программе Всемирного банка и Международного валютного фонда, которая помогает бедным странам справиться с выплатой внешнего долга. Однако после немалых колебаний киргизское руководство отказалось от идеи присоединения к НРС, придя к выводу, что в этом случае экономика страны фактически окажется под прямым управлением международных институтов, которые будут диктовать проведение реформ, что, в конечном счете, означает и политическую зависимость.

В целом после мартовской революции внешнеполитический контекст трансформации сохранил прежнее соотношение плюсов и минусов; осложнившиеся отношения с Узбекистаном компенсировались укреплением сотрудничества с Россией и Казахстаном, тогда как взаимодействие с Китаем сохранило устойчивый характер. В свою очередь, динамика внутренней трансформации, характеризующаяся неустойчивостью власти и экономической стагнацией, подталкивает новый режим к более выраженному тяготению к России. Однако это не означает, и вряд ли будет означать, полное смещение внешнеполитического баланса в пользу России, поскольку зависимость Кыргызстана от Запада, и прежде всего США, его заинтересованность в западной донорской помощи по-прежнему очень велика. Вместе с тем более явно обозначившаяся в последнее время асимметричность в отношениях Кыргызстана с Россией и США в принципе вполне естественна как с исторической, так и геополитической и геоэкономической точек зрения.

Выводы

Март 2005 г. не ознаменовал «нового старта» ни в политической, ни в экономической трансформации Кыргызстана, став скорее болезненным зигзагом в рамках прежней, довольно тревожной траектории развития. Элементы преемственности пока явно преобладают над инновационными. Крах режима А. Акаева привел лишь к частичному обновлению элиты, по существу же, произошла ее внутренняя перегруппировка: в руководстве оказались в основном люди, в разные периоды времени находившиеся в высших эшелонах власти. Технология осуществления революции придала дополнительный импульс традиционным, регионально-клановым формам политической мобилизации. Не изменилась и парадигма политического процесса: попытки президента получить максимум полномочий и реального контроля над политической и экономической сферами, сопротивление различных групп оппозиции при отсутствии у всех сторон стратегической концепции развития общества и доминировании сиюминутных корпоративных интересов над долгосрочными государственными. В обществе все больше крепнет ощущение, что новая власть едва ли менее коррумпирована, чем прежняя, но при этом, возможно, еще менее компетентна¹⁴⁰. На фоне усиления коррупции, влияния организованной преступности и внутренней раздвоенности самой власти, снижающей ее дееспособность, одна из главных проблем общественно-политического развития Кыргызстана – укрепление легитимности и политической субъектности государства как важнейшего агента трансформации – продолжает оставаться нерешенной. Сохранение нынешней динамики

развития обрекает Кыргызстан на перманентную политическую нестабильность и социально-экономическую деградацию, что при неблагоприятном изменении внешнего контекста может привести даже к распаду государства и его политико-экономическому поглощению более сильными соседями.

¹⁴⁰ Kyrgyzstan: A Faltering State... С. i.

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН

Гражданская война (1992–1997), вспыхнувшая на начальном этапе периода трансформации, оказала заметное влияние на развитие, содержание и результаты политических и экономических перемен в Таджикистане. Следствием этой войны стало не только огромное количество жертв (по неофициальным оценкам, до 100 тысяч человек) и около полумиллиона беженцев; война поставила под угрозу само существование молодого государства, провозглашенного 9 сентября 1991 г. Таким образом, на начальном этапе процесс трансформации в Таджикистане носил резкий, неуправляемый и насильственный характер. До 1997 г. становление и осуществление политической власти полностью определялось связанным с войной насилием. Эта стадия трансформационного процесса завершилась с окончанием гражданской войны 27 июня 1997 г. Процесс вошел в относительно мирное русло через переходный период, который увенчался избранием нового парламента (июнь 1997 – февраль 2000). Лишь с начала 2000 г. можно говорить о мирном характере трансформационного процесса.

В условиях социальной анархии и паралича власти, вызванных отягощенной конфликтом трансформацией, на первый план вышла базовая задача: восстановить порядок в обществе и государстве. Поскольку для его восстановления необходимо сильное государство, структуры власти сфокусировали свои усилия на его строительстве. Таким образом, сильное государство с сильным лидером, способным обеспечить внутреннюю стабильность, задавало контекст, предопределяющий наличие ограниченной демократии или демократии, «управляемой сверху».

На этом фоне можно выделить три основных фактора, составляющие основу для анализа и оценки трансформаци-

онных процессов в Таджикистане: 1) неблагоприятные стартовые условия; 2) уникальные требования к формированию демократии в этой ситуации и 3) социальные условия, при которых эти требования могут быть удовлетворены.

Трансформация: специфика контекста

Сразу после провозглашения таджикского национального государства между региональными элитами возникли острые разногласия относительно трансформации политической, экономической и других сфер жизни общества, а также по вопросу о характере политической системы. Старые централизованные структуры советской власти в республике не выдержали столкновения с традиционными региональными группировками, возникшими с поразительной быстротой в ситуации распада СССР. После обретения независимости региональные элиты начали наполнять новое государство «таджикским характером». Между ними развернулась конкуренция по вопросу о том, кто именно будет определять этот характер – представители Ленинабадской области (ныне Согдийской), Каратегина, Куляба и т.д. В этом соперничестве проявилась фундаментальная специфика таджикской политической системы: несоответствие между структурой власти централизованного советского государства и плюрализмом традиционных региональных идентичностей самого таджикского общества.

Кланы в системе государственной власти

Для достижения внутренней сплоченности между различными сегментами общества в процессе государственного строительства должны быть устранены структурные при-

чины межтаджикского конфликта. К таким причинам относятся: разрыв между централизованной структурой государства и плюрализмом этнорегиональных идентичностей, а также отсутствие консенсуса региональных элит по базовым вопросам государственного строительства, политического устройства и трансформации. Конкретно это значит, что государство должно концептуально увязать и организационно совместить цели и интересы субнациональных систем (жителей регионов, региональных элит, кланов, больших семей – *extended families*), что предусматривает:

- в политическом отношении – направленность на достижение конституционно гарантированного совместного участия в определении характера государства и системы правления, требующего ограничения возможностей монополизации власти какой-либо одной группой;

- в экономическом отношении – обеспечение равного доступа к ресурсам и совместное определение социально-рыночного характера экономики;

- в идеологическом отношении – общее понимание «национальной идентичности» рождающегося государства, его конституционных основ и легитимности. В этом случае особое значение приобретает определение роли ислама как религии большинства населения.

Отсутствие конкуренции элит, наблюдаемое в этой стране, воспринимается особенно остро в условиях мощной регионально-клановой системы. Внесение дисбаланса в эту систему в результате распада СССР и устранения внешнего регулятора стало важнейшим фактором начала гражданской войны. Взаимоотношения между различными кланами в условиях доминирования представителей Кулябского региона определяют перспективы общей политической стабильности. Данная этнорегиональная группа составляет примерно 35% от общей численности населения страны. Ее представители занимают подавляющее большинство ключевых ми-

нистерских постов, в том числе все силовые: министерство обороны, министерство безопасности, министерство внутренних дел, комитет по охране государственных границ.

Однако сразу после достижения военно-политической победы над оппозицией (16-я сессия Верховного Совета Таджикистана, ноябрь 1992) начались трения между лидерами отдельных микрогрупп Кулябского клана. Прежде всего, выделилась «дангаринская группа» во главе с президентом РТ Э. Рахмоновым (ныне Э.Рахмон). На втором месте по степени влияния оказалась группа во главе с мэром Душанбе М. Убайдуллаевым.

Микрогруппа кургантюбинцев находится на вторых ролях и в основном контролирует область своего проживания – Вахшскую долину. Ее лидер А. Достиев (занимал должность заместителя председателя нижней палаты парламента до выборов 27 февраля 2005 г.) в 2008 г. назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Таджикистан в Российской Федерации. В период гражданской войны и на начальном этапе межтаджикского мирного процесса А. Достиев пытался претендовать на одно из ведущих мест в политической иерархии.

В положении аутсайдеров находится микрогруппа «ховалинцев», занимающих промежуточное место между равнинным населением Кулябской зоны Хатлонской области и граничащими с ними Каратегином (Раштом) и долиной Вахье, или Вахье (долина реки Обихингоу). Лидером группы является председатель Республиканского общества содействия обороне Ф. Камилов.

В сложившейся ситуации в решении кадровых вопросов региональный принцип выдвинулся на первое место, определяя содержание процессов государственного строительства в Таджикистане.

Государственность на региональной основе выражает интересы не региона, а только высшей прослойки элиты, происходящей оттуда. Таким образом, интересы весьма ог-

раниченного круга людей представляются как общегосударственные и общенациональные. Остальное население находится в таком же бедственном материальном положении, как и в других регионах. Важнейшая особенность клановой системы, заключается в том, что даже ведущий клан не может обеспечить благополучия населения своего региона и поэтому не имеет широкой социальной базы.

Жизненный уровень жителей Кулябского региона не выше материального положения других, а некоторые наблюдатели считают, что даже хуже. Но этого нельзя сказать о тех, кто обладает властью. Дело в том, что власть или причастность к власти в Таджикистане является не только источником высокого жизненного уровня для одних, но и источником возникновения значительных состояний новых таджиков. В этом отношении к власти допускаются представители и других региональных элит, но весьма избирательно.

В Таджикистане нет прочных позиций у общенациональных демократических сил. Несмотря на возрождение исторической памяти путем проведения юбилеев национальных героев и событий, нет мощной общенациональной идеи. К великому сожалению, относительно сильным в стране остается региональное чувство.

Факты свидетельствуют о подспудной борьбе южан и северян за кадровое будущее Таджикистана. По некоторым источникам, и южане, и северяне в настоящее время активно посылают своих детей за границу. В странах Европы и США в настоящее время учатся более 200 детей южан и столько же северян.

Политическая система Таджикистана всегда будет носить кланово-региональный характер. Поэтому здесь основная задача трансформации видится в создании политико-правовой системы, не допускающей господства отдельного клана или региона. Но решение ее и даже формулирование – это пока только неблизкая перспектива.

Клановость в Таджикистане, несмотря на регионально-кастовый характер, не является закрытой системой. Та или иная система кланов допускает в свои ряды других представителей, если последние принимают «правила игры» и согласны с ведущей ролью основной этнорегиональной силы. При этом общество остается глубоко разделенным. Проблема внутренних конфликтов не снята с повестки дня и предполагает разработку мер по усилению взаимного доверия.

Важнейшим отличием властей и оппозиции в Таджикистане является то, что, выходя во внешнюю среду, они имеют разную ориентацию, условно говоря, геополитически противостоят друг другу. В Таджикистане оппозиция, также сформированная по клановому принципу, ориентирована на исламские страны, страны-участницы ОБСЕ и, реже, на силы, противостоящие России. В то же время нынешняя власть закономерно связывает задачу сохранения стабильности с развитием отношений с Россией и другими государствами Центральной Азии в рамках многостороннего военно-политического и экономического сотрудничества. Таджикистан является членом всех созданных в регионе при участии России организаций.

Политический режим

Признание гражданами государства и своего гражданства имеет в Таджикистане достаточно устойчивый характер. Идентичность таджикского государства основывается на Конституции 1994 г., которая впервые провозглашает это государство суверенным. Она объявляет народ страны «хранителем этого суверенитета и единственным источником государственной власти». Она определяет Республику Таджикистан как «суверенное, демократическое, конституционное, светское и унитарное государство». Она обосно-

вызывает принцип таджикского гражданства и обеспечивает всем гражданам равные права.

Государство в значительной мере секулярно, что является наследием советской эпохи. Исламская оппозиция пыталась оспорить светский характер государства, однако все же согласилась с этим принципом как частью мирного соглашения «в обмен» на легализацию религиозных партий. Тем не менее отношения между религией и государством, а также определение роли ислама в формировании идентичности государства остаются предметом спора. В контексте возрождения традиции происходит усиление тенденции реисламизации. К 1997 г. 97% населения республики исповедовали ислам.

Всеобщие выборы проводятся в стране в объявленные сроки, однако они не всегда определяют тех, кто управляет страной. Находящиеся у власти силы соглашаются делиться властью только тогда, когда они вынуждены это делать или же могут позволить себе сделать это с позиции силы. Президент Э. Рахмон пользуется огромным авторитетом благодаря его личному вкладу в прекращение гражданской войны. В принципе, правительство имеет достаточно власти, чтобы управлять, но в некоторых регионах его возможности осуществлять эту власть зависят от благосклонности местных лидеров.

Закон о политических партиях, измененный во время переходного периода и формально провозглашающий свободу собраний, регулирует порядок регистрации и деятельность партий и движений. В стране существуют профсоюзы и около 150 неправительственных организаций, действующих почти во всех сферах социальной и экономической жизни.

Накануне парламентских выборов 2005 г. в стране действовали следующие партии: Народно-демократическая партия Таджикистана (более 95 000 тысяч членов), Комму-

нистическая партия Таджикистана (55 000), Партия исламского возрождения Таджикистана (21 351), Демократическая партия Таджикистана (более 6 000), Социал-демократическая партия Таджикистана (4620), Социалистическая партия Таджикистана (14 700 до раскола – конец 2004 – начало 2005 г.) и Партия Султона Куватова «Тараккиет» (по его словам, в этой партии 6000 активистов). Во второй половине 2004 г. все партии приняли участие в предвыборной борьбе за парламентские места. Выборы в Маджлиси Намояндагон 27 февраля 2005 г. прошли по сценарию таджикских властей. Июльское заявление 2004 г. президентов СНГ о недопустимости вмешательства ОБСЕ во внутренние дела стран Содружества было воспринято авторами как зеленый свет для сохранения правящих в Центральной Азии режимов, как подтверждение позиции Москвы, что она не ведет «демократические игры» в регионе.

Выборы 2005 г. укрепили стабильность страны, гарантируемую авторитаризмом. Такими стабильными в свое время были режимы многих разновидностей авторитаризма, хотя Таджикистан, в силу вооруженного раскола, представляет собой вариант наиболее слабого из них.

Общественность имеет доступ к основным источникам информации и может формировать независимые суждения. Это проявляется следующим образом. Между различными силами и партиями существует конкуренция в сферах политики, идеологии и общественного устройства. В некоторой степени имеет место общественная дискуссия, хотя свобода СМИ подвергается ограничениям со стороны власти. Все ее участники признают, что проблемы региональной фрагментации, соперничества и стремления к гегемонии требуют решения. Проявления недостатка демократии обсуждаются и критикуются общественностью.

Равновесие ветвей власти закреплено в конституции, наделившей Парламент (Маджлиси Оли) законодательной

властью; возглавленное президентом правительство обладает высшей исполнительной властью, а Конституционный суд и Высший экономический суд являются высшими институтами судебной власти. Несмотря на то, что ОБСЕ оценило конституцию Таджикистана (1994) как одну из лучших в постсоветском пространстве, эксперты ОБСЕ также отметили ее серьезные недостатки. По существу, их критика касалась положений, ограничивающих равновесие ветвей власти. Наиболее серьезными из них являются полномочия президента (практически неограниченная президентская власть), право парламента интерпретировать конституцию и законы, что ведет к сокращению полномочий конституционного суда, и недостатки, связанные с независимостью и полномочиями судебной власти. Отмечалась необходимость установления личной и функциональной независимости судей. Кроме того, у экспертов ОБСЕ создалось впечатление, что независимость судов ограничивается чрезмерными полномочиями генеральной прокуратуры.

В этих условиях система сдержек и противовесов была включена в конституцию лишь в той мере, в которой авторы считали ее полезной для извлечения урока из негативного опыта советской конституционной практики и для получения международного признания. В ходе изменения конституции во время переходного периода президентский режим укрепился за счет структурной перестройки парламента в ущерб балансу властей. Парламент был превращен в двухпалатный орган, состоящий из Маджлиси Милли (Национальная Ассамблея, или верхняя палата) и Маджлиси Намояндагон (Ассамблея представителей, или нижняя палата). Для верхней палаты устанавливались не прямые выборы. В результате 25% ее членов назначались непосредственно президентом, а 75% избирались местными представительными органами (район-

ными, областными и городскими). Поскольку председатель этой палаты также назначается президентом, все это указывает на реальность формирования в парламенте пропрезидентского большинства, что не может не нарушать принцип равновесия и право верхней палаты назначать и смещать важных чиновников (судей Конституционного суда, членов Верховного суда и Высшего экономического суда, генерального прокурора). Право предлагать кандидатуры на эти должности, в свою очередь, принадлежит президенту. Кроме того, президент может создавать «юридический совет», который влияет на назначение или смещение судей. В этой редакции срок полномочий президента был увеличен с пяти до семи лет, хотя дальнейшее его продление не предусмотрено.

Президент является фактическим главой правительства. Правительственные чиновники рекрутируются в основном из кулябской элиты, а руководители ключевых ведомств (министры внутренних дел, безопасности, обороны и финансов) часто являются выходцами из родного села президента.

Гражданские свободы конституционно закреплены, однако на практике они не всегда соблюдаются. В качестве примера можно привести свободу вероисповедания. С одной стороны, эта свобода в целом обеспечена, однако государство вмешивается во внутренние дела религиозных организаций, особенно исламских, и контролирует то, как протекает и как организована религиозная жизнь. Общество критикует и осуждает коррупцию и чиновников-взяточников, однако уголовное преследование за коррупцию носит неадекватный характер. Судьи не свободны от политического давления, а порой даже от угроз применения вооруженного насилия. В целом, существует довольно значительное расхождение между тем, что предписывает закон, и тем, что происходит на практике.

Модели политического поведения и восприятия

В Таджикистане общество состоит из достаточно ясно очерченных субнациональных (этнорегиональных, локальных, клановых и семейных) структур, потому и сама модель представительства выстроена не на национальной, а на субнациональных основах. В таких условиях идеальное государство должно было бы представлять сумму интересов этих субнациональных структур. Но этого не происходит, поскольку государство представляет лишь одну из этих субнациональных структур. Различие между существующим и идеальным государством основывается, прежде всего, на характере политической власти. Нынешняя ее модель возобладали в ходе гражданской войны и борьбы с другими структурами за обладание легитимностью. Там, где политическая власть лишена легитимности, она навязывается силой. Эта модель представительства обеспечивает посредничество между субнациональными структурами вместо того, чтобы посредничать между государством и обществом. По этой причине различные партии также имеют поддержку обычно лишь в отдельных сегментах общества, большинство из которых носит региональный, локальный, семейный или личностный характер. Партии являются системами корпоративного патронажа. Партии и движения, располагающие ресурсами, не замыкающимися в узких региональных рамках, имеют шансы выйти на общенациональный уровень, и этот процесс, безусловно, имеет место. Вес политической партии определяется теми проблемами, к которым она апеллирует. Например, очевидно, что декларируемая борьба с бедностью всегда будет служить основой для политической мобилизации более широких слоев. Это же можно отнести и к исламским лозунгам справедливости. Но даже в таких партиях региональные, локальные, семейные и личностные факторы продолжают определять характер моделей рекрутирования и посредничества.

Благодаря опыту гражданской войны в обществе сильны настроения в поддержку мира и национального согласия и вместе с этим присутствует скептицизм в отношении «неограниченной» демократии.

Частная собственность

Для создания и расширения частного сектора существуют определенные рамочные условия. Права собственности и регулирование порядка приобретения собственности в принципе обозначены, однако проблемы возникают при реализации соответствующих положений закона. К концу 2000 г. уровень приватизации средних и крупных предприятий составлял 40% (500 приватизированных объектов), что явно ниже показателя для малых и сельскохозяйственных предприятий. Общая структура экономики определяется сельским хозяйством, в котором занято 40% рабочей силы. Реформы в этом секторе различны по своему качеству. К ним относится и переименование колхозов и совхозов в аграрные ассоциации, передача в аренду государственной земли, распределение земли в долгосрочную наследуемую аренду и конфискация земли. В программе приватизации, предложенной Всемирным Банком в 2002 г., около 300 государственных и коллективных сельскохозяйственных предприятий было продано 14 000 частным собственникам или семьям. В результате 30% сельскохозяйственных угодий находится в частном пользовании. После перехода к частной собственности всех хлопкоочистительных и других малых перерабатывающих предприятий сельское хозяйство в рамках приватизации вышло на первое место среди крупных отраслей экономики. Малые частные предприятия сегодня составляют также основу легкой промышленности.

Социальное обеспечение

Проблема негативных социально-экономических явлений не исчерпывается последствиями перехода к рыночным отношениям. Ее следует расширить, рассматривая те негативные последствия, которые обнаруживает трансформация в условиях введения капиталистической системы, даже если в стране отсутствует свой собственный капитал. В случае Таджикистана, где функциональная капиталистическая система должна была начать расти с нуля, трансформация осуществлялась под мощным политическим и экономическим давлением Запада, пренебрегая отсутствием всяких условий для ее осуществления. В результате внедрение абстрактной модели трансформации привело к ослаблению всех социальных систем, на которых базировался принцип равенства возможностей. Система социального обеспечения, существовавшая в СССР, оказалась полностью разрушена, а таджикское общество было слишком слабым, чтобы создать ей немедленную замену. Как следствие, очень остро встала проблема бедности. Всемирный Банк выделяет ее следующие критерии: низкий уровень доходов и потребления, ограниченный доступ к источникам дохода и базовым социальным услугам (образование, здравоохранение, вода и тепло), усиливающееся гендерное неравенство, рост материнской и детской смертности, угроза утраты грамотности и сокращение продолжительности жизни. После 10 лет трансформации Таджикистан не сумел достичь уровня, позволяющего осуществить «цели развития второго тысячелетия», намеченные Всемирным Банком.

Оценка менеджмента трансформации

Исходя из параметров оценки процесса преобразований в Таджикистане, уровень сложности менеджмента можно оха-

актеризовать как исключительно высокий. Это относится не только к относительно неблагоприятным стартовым экономическим условиям (наиболее бедная из бывших советских республик, крах системы распределения труда и т.п.). Высокий уровень трудности связан также с очень сложным сочетанием социополитических задач и тем обстоятельством, что государственное строительство, национальная консолидация и системная трансформация совпали по времени и оказались тесно связаны друг с другом. Формирование национальной идентичности уже само по себе является сложной задачей. В Таджикистане из-за гражданской войны этот процесс был существенно заторможен. Трансформация оказалась неуправляемой: насилие превратилось в главное средство перераспределения политической и экономической власти. В условиях «восточного» общества это заставило широкие слои населения искать спасение в традиционных социальных структурах, в которых, на фоне разрушительной гражданской войны, они могли или надеялись найти относительный материальный достаток, чувство собственного достоинства и свою идентичность. Возрождение традиционных социальных структур, во многом все еще патриархальных, произошло именно в тот момент, когда людям пришлось определять свое отношение к политической трансформации. Подобные условия сужали социальную базу сил, продвигающих трансформацию, обеспечили низкий уровень социальной поддержки демократии и рыночной экономики и укрепили позиции тех сил, которые отстаивали альтернативные модели, в частности, исламскую.

Организационные способности, последовательность в достижении целей

Организационные возможности правящей группы возрастают, однако, по объективным и субъективным причи-

нам, они все еще достаточно ограничены. Среди объективных причин можно назвать то, что до 1997 г. формированию ориентированной на достижение конкретных целей политики реформ мешала гражданская война. Переход к более или менее организованным реформам усилиями Группы Всемирного Банка и правящих кругов состоялся в экономической сфере. Субъективным фактором, оказавшим негативное влияние, явилось отсутствие у руководителей страны опыта разработки стратегических подходов. Качество менеджмента в стратегических отраслях улучшилось лишь в результате продолжительного времени, в ходе которого руководители государства приобретали необходимые управленческие навыки. Некоторые представители властных органов становятся все более ответственными, ориентируясь в своих действиях не на узкие корпоративные потребности, а на интересы государства.

Перспективы и выводы

Оценка критериев, избранных для данной работы, позволяет обрисовать следующую перспективу. Существует серьезное расхождение между целью перехода к рыночной демократии западного типа и внутренними структурными потребностями самого Таджикистана. Это расхождение особенно велико в области социально-политических потребностей. Его можно преодолеть соответствующей экономической политикой, тем более что прогресс в деле рыночных реформ выглядит вполне возможным и уже имеет место. Подобная оценка лишь частично соответствует положению дел в социальной сфере. Практически нет оснований для оптимизма в том, что касается перспектив возрождения прежней системы социального обеспечения. Слабость внутренней экономической базы делает невозможным формирование

в обозримом будущем социально-ориентированной рыночной экономики, а демократические реформы будут тормозиться традиционными особенностями местного социума.

В данной ситуации возможны три сценария дальнейшей трансформации. Первый: рост социального недовольства, которое в своих крайних формах может положить конец трансформации в направлении рыночной демократии. Второй: не синхронная трансформация социальных систем, а прерывистое течение экономической и политической трансформаций. Третий сценарий: развитие идет по так называемому третьему пути, который экономически ориентирован на капиталистическую систему, но социополитически отличается от западной модели демократии. Все три сценария предвещают затяжную и конфликтную трансформацию, не подверженную устойчивому внешнему воздействию.

Внешние силы, оказывающие постоянное давление на местный режим с целью активизировать процессы демократизации и фактически прямо и косвенно финансируя их, фактически привели в Таджикистане к жесткому сопряжению экономики и политики. Учитывая, что внешние партнеры не в состоянии устранить противоречия регионального характера, они должны сконцентрировать усилия на поддержании функциональности таджикского общества. Чтобы этого добиться, продвижение процесса трансформации должно осуществляться эволюционными и мирными методами. Главный политический вызов, стоящий перед внешними партнерами, заключается в том, чтобы проявлять сдержанность и терпимо относиться к механизмам, которые сформировало таджикское общество в соответствии со своей собственной политической логикой.

ТУРКМЕНИСТАН

Туркменистан является уникальным государством как в регионе Центральной Азии, так и на всем постсоветском пространстве. Эта уникальность на нынешнем этапе развития страны определяется несколькими основными факторами.

Во-первых, огромными природными богатствами недр Туркменистана. Именно с опорой на данный ресурс, хотя и не без труда, в стране проводилась экономическая политика.

Во-вторых, в сфере своей внешней политики Туркменистан избрал довольно своеобразный, непохожий на выбор других республик бывшего СССР курс – позицию нейтрального государства.

В-третьих, в Туркменистане сформировался политический режим власти одного лица – главы государства, существенные характеристики которого позволяют отнести его к режимам тоталитарного типа.

Выпадение Туркменистана из общего ряда трансформации постсоветских государств не перечеркивает его развития, в том числе и очевидного прогресса в некоторых областях жизни. Оно лишь образует особый феномен.

Распад Союза, разумеется, не мог не отразиться на экономике республики. Ее экономика являлась частью единого народнохозяйственного комплекса, более того, в целом ряде аспектов Туркменистан был весьма сильно зависим от своих северных соседей. Современных промышленных предприятий республика имела очень мало, и ее хозяйство было ориентировано преимущественно на производство двух основных продуктов – добычу природного газа и выращивание хлопка. Причем и тот, и другой продукт по большей части предназначались для вывоза за пределы республики через союзные структуры.

Отчасти это объяснялось географическим положением республики, а также особенностями ее новейшей истории. Туркменистан являлся периферийной, пограничной территорией Союза. Границы с Ираном и Афганистаном были тем железным занавесом, который жестко охранялся.

Недостаточная развитость экономики и низкий уровень жизни большей части населения Туркменистана при советской власти¹⁴¹ в известной степени даже сыграли положительную роль в кризисный период распада СССР. Они смягчили социальную напряженность. Когда в других странах СНГ в массовом порядке останавливалась работа промышленных предприятий, рвались цепочки хозяйственных связей, базировавшихся на плановой экономике, и, как следствие этого, огромные массы населения лишались работы и заработка, Туркменистан был лишен этих кризисных явлений. Часть сельского населения, и раньше жившая по укладу, близкому к патриархальному натуральному хозяйству, не подверглась тотальному обнищанию. Соответственно никакой сколько-нибудь массовой политической активности, вызванной обострением социальной напряженности, Туркменистан так и не узнал.

Кровь экономики. Углеводороды Туркменистана как доминанта развития

Кризис на постсоветском пространстве не обошел стороной Туркменистан – в газовой промышленности, ведущей

¹⁴¹ По многим показателям качества жизни Туркменистан уступал всем бывшим республикам СССР включая все союзные республики Центральной Азии. Здесь были самая низкая продолжительность жизни людей и самый высокий уровень детской смертности.

отрасли нефтегазового комплекса (НГК), дела обстояли неважно. По оценкам МВФ, к 1992 г. на долю природного газа приходилось примерно 60% номинального ВВП Туркменистана. В период Горбачева Туркменистан добывал около 90 млрд. куб. м. газа. С распадом СССР добычу вынужденно сокращали. В 1992 г. добыли 60,1 млрд. куб. м., в 1993 г. – около 65,3 млрд. куб. м. В дальнейшем добыча продолжала снижаться и достигла совсем малых величин в 1998 г. Планам увеличения экспорта туркменского газа в Европу не суждено было сбыться.

Падение добычи нефти в Туркменистане было не столь масштабным, как природного газа. Однако нефть еще в советское время не рассматривалась как весомый природный ресурс этой республики, а тем более в качестве важной статьи экспорта.

Руководство Туркменистана, при всей очевидной специфике существующего в республике правления, хорошо понимало, что оно располагает мощным потенциальным рычагом подъема различных отраслей хозяйства на базе использования природных богатств. Предотвращение регресса и стагнации экономики, ее общий подъем, структурная реорганизация народнохозяйственного комплекса не могли бы быть успешными, если бы они не опирались на реинвестирование финансовых ресурсов, полученных в НГК.

Определяя задачи реформирования народнохозяйственного комплекса, президент Туркменистана Ниязов заявлял о необходимости создания рыночной экономики смешанного типа при сильном государственном макроэкономическом регулировании. При этом Ниязов ставил и конечную цель – «к рубежу столетия выйти на уровень развитых стран с богатым ресурсным обеспечением». В разработанной в 1993 г. программе «10 лет стабильности» НГК имел основной приоритет. Позднейшие события показали, что ставка на углеводородную экспортную специализацию Туркменистана

себя оправдала, хотя не все задуманное удалось осуществить в намеченные сроки.

Реформирование и структурная перестройка НГК Туркменистана осуществляется с привлечением иностранных компаний. С их помощью была разработана стратегия развития отрасли как составная часть новой «Стратегии социально-экономических преобразований в Туркменистане на период до 2010 г.» Данная стратегия предусматривала переход подразделений нефтегазовой отрасли на рыночные отношения с максимальной отдачей. При этом среднегодовые темпы роста отрасли были запланированы на уровне не менее 18% в год. Стратегией было определено, что уже к 2005 г. добыча нефти должна увеличиться до 28 млн. т, а природного газа – до 85 млрд. куб. м. В 2010 г. добыча нефти планируется на уровне 48 млн. т, природного газа – 120 млрд. куб. м. Причем 33 млн. т нефти и 100 млрд. куб. м газа будут экспортироваться. Однако в реальности в 2005 г. эти показатели не были достигнуты, равно как не будут достигнуты и намеченные рубежи на 2010 г.

Сотрудничество Туркменистана в сфере нефтедобычи с иностранными партнерами постоянно набирает силу. Доля нефти, добываемой непосредственно государственным концерном «Туркменнефть» в несколько раз превышает нефтедобычу зарубежных нефтяных компаний. Интерес иностранных компаний к туркменской нефти обусловлен тем, что здесь нет тех специфических трудностей, которые существуют с экспортом газа. Основные запасы жидких углеводородов Туркменистана сосредоточены в прикаспийском Балканском велаите и на континентальном шельфе, то есть сравнительно легко могут быть экспортированы. На экспорт может быть поставлена и продукция расположенного по соседству Туркменбашинского НПЗ.

Пока добыча туркменской нефти находится на уровне, при котором серьезно нельзя обсуждать идеи строительства

экспортных нефтепроводов. Однако в будущем не исключено, что с ростом нефтедобычи, эти проекты появятся.

Увеличение добычи природного газа планируется за счет повышения эффективности использования действующих скважин и на основе освоения подготовленных к разработке вновь открытых месторождений в Центральных и Заунгузских Каракумах, а также в Амударьинском нефтегазоносном бассейне.

Одним из несомненных приоритетов Туркменистана является освоение шельфа Каспийского моря. Туркменистан в конце 1999 г. объявил, что на морском шельфе Каспия этой страной выявлено более 70 объектов, представляющих интерес. К активному освоению месторождений Каспийского шельфа Туркменистан подталкивала и сугубо политическая причина. При том, что у пяти прикаспийских государств существуют серьезные разногласия по вопросу о будущем правовом статусе Каспийского моря, Азербайджан первым в явочном порядке начал освоение ряда морских месторождений, на которые претендовал и Туркменистан. Однако до настоящего времени в этой части шельфа Каспия до конца юридические проблемы не улажены.

Одним из принципиальных направлений политики руководства Туркменистана является модернизация мощностей по переработке углеводородов. Ашхабад достиг на этом направлении определенных успехов, которыми открыто гордится. В течении ряда лет крупнейшей стройкой Туркменистана была полномасштабная реконструкция НПЗ в г. Туркменбаши. Первый этап реконструкции, включавший в себя четыре проекта, завершился в начале 2002 г. На первом этапе достигалась задача повысить качество продуктов переработки углеводородного сырья до мировых стандартов, освоить производство полипропилена и смазочных масел. При этом объемы перерабатываемой нефти предполагалось увеличить до 6 млн. т в год. На втором эта-

пе перерабатывающие мощности комплекса НПЗ будут увеличены к 2010 г. до 9 млн. т нефти в год. В 2001 г. был введен в строй крупный объект – установка миллисекундного каталитического крекинга. Основным продуктом установки являются высокооктановые компоненты автомобильных бензинов, выход которых составил более 53% от потребляемого сырья, т.е. реконструкция увеличила этот показатель более чем в два раза (прежний показатель до реконструкции не превышал 22%). Ввод в эксплуатацию новых установок по каталитическим процессам позволил многократно увеличить мощности Туркменбашинского НПЗ по выработке сжиженных газов: с 16 тыс. т до 345 тыс. т в год. По большей части эта продукция, в свою очередь, стала сырьем для производства полипропилена. Комплекс по его производству, построенный консорциумом японских компаний, создал мощности в 90 тыс. т в год.

Итогом первого этапа реконструкции стало существенное повышение глубины переработки нефти – с 76 до 85%. Основными целями второго этапа реконструкции ТНПЗ, который в республике несколько лет назад стали именовать комплексом ТНПЗ (ТКНПЗ), являются доведение глубины переработки нефти до 95%, увеличение мощностей по первичной переработке до 9 млн. т в год, интеграция процессов нефтепереработки, нефтехимии и газохимии. Плановый срок окончания этого этапа реконструкции – 2010 г.

Будет реконструирован и Сейдинский нефтеперерабатывающий завод (СНПЗ), расположенный на востоке Туркменистана¹⁴².

После масштабной разведки природных ресурсов республики, осуществленной за последние годы, в 2005 г. ре-

¹⁴² Иногда в СМИ его ошибочно называют Чарджоуским, но Чарджоу – ныне Туркменабад – город, расположенный в нескольких десятках километров южнее Сейди.

сурсы углеводородного сырья Туркменистана оценивались Ашхабадом в 34,5 млрд. т нефтяного эквивалента. Руководство республики иногда называет цифру запасов в 50 трлн. куб. м газа, но пока такие прогнозы не базируются на достаточно серьезных основаниях. В специальной российской литературе чаще всего можно встретить менее оптимистичные оценки потенциала углеводородов Туркменистана. По понятным причинам, они касаются, прежде всего, цифр по природному газу. Так разведанные запасы оцениваются всего в 2,86 трлн. куб. м газа, а остаточные извлекаемые запасы 20-и основных эксплуатируемых в настоящее время месторождений – в 1,5 трлн. куб. м (в том числе самого крупного из них – «Довлетабад» – в 0,9 трлн. куб. м).

Со сменой главы государства в конце 2006 г. Ашхабад не изменил сколько-нибудь принципиально ни стратегию, ни тактику в нефтегазовой сфере. По-прежнему власти Туркменистана заявляют об огромных запасах углеводородов. В документе, который был принят пару лет назад и определяет сегодня перспективы развития ТЭК Туркменистана, обозначено, что к 2010 г. добыча природного газа должна вырасти до 140–150 млрд. куб. м в год, к 2020 – до 160–170 млрд. куб. м в год, к 2030 г. – до 250 млрд. куб. м в год. В конце 2007 г. очередной раз были изменены прогнозные параметры. Так, в соответствии с программой развития топливной отрасли, якобы уже к 2030 г. добыча нефти и газоконденсата в стране возрастет до 110 млн. т, а природного газа – до 250 млрд. куб. м.

В 2007 г. Туркменистан добыл 72 млрд. куб. м (а планировали добыть – 80 млрд.), из которых экспортировал 51 млрд. (а планировали – 58 млрд.). Внутреннее потребление газа – 18 млрд. куб. м. Всего на 2007 г. туркмены утверждали, что у них открыто 150 газовых и газоконденсатных месторождений с запасами 6,1 трлн. куб. м. В разработке находилось 54 месторождения с запасами 2,7 трлн. куб. м.,

подготовлено к разработке 11 месторождений с запасами 257 млрд. куб. м. Разведка велась на 70 месторождениях с запасами 3 трлн. куб. м. В консервации находилось 11 месторождений с запасами 135,1 млрд. куб. м. В 2008 г. планируют добыть 81,5 млрд. куб. м.

Подводя промежуточные итоги нашего обращения к экономической сфере Туркменистана, отметим, что Ниязов поставил цель модернизировать экономику и последовательно шел по этому пути. Конечно, делал он это отнюдь не рыночными, а тоталитарными средствами и, тем не менее, укрепил экономику республики. Была сделана ставка не на экспорт сырой нефти и природного газа, а на их переработку внутри страны, чтобы затем уже с гораздо большей выгодой торговать полученными вторичными продуктами переработки. Туркменское руководство вложило огромные средства в модернизацию двух своих НПЗ, после чего они превратились в современные комплексы, способные выпускать широкий спектр продукции с высокой степенью добавочной стоимости.

В Туркменистане стараются не упускать из собственных рук процесс нефтедобычи. Иностранные компании добывают менее четверти от общего объема туркменской нефти.

Правда, нельзя забывать и о социальной направленности экономических преобразований. Рядовое население Туркменистана мало что получило от разработки природных богатств республики. Расходная часть государственного бюджета зачастую направлена на удовлетворение амбициозных проектов властей, тогда как нерешенными остаются важнейшие проблемы в здравоохранении, образовании, социальном обеспечении. К сожалению, социальная статистика Туркменистана остается совершенно закрытой, и это не позволяет провести полноценный анализ этой сферы. Экономическая целесообразность многих строек Туркменистана при этом более чем сомнительна.

Главный приоритет внешней политики Ашхабада – обеспечение выгодной реализации углеводородов

Туркменистан отличается от других стран СНГ еще одним обстоятельством. 12 декабря 1995 г. была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций № 50/80А «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Власти в Ашхабаде постарались преподнести это как эпохальное, всемирно-историческое событие. День 12 декабря стал государственным праздником – Днем нейтралитета. В тексте резолюции Туркменистан был провозглашен нейтральным государством, т.е. ООН признала и поддержала провозглашение Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета.

Уже 27 декабря 1995 г. решением Халк Маслахаты и Меджлиса были внесены поправки в часть 4 статьи 1 Конституции Туркменистана, где появились ссылки на резолюцию ГА ООН и было зафиксировано, что «признанный мировым сообществом постоянный нейтралитет Туркменистана является основой его внутренней и внешней политики». В тот же день Меджлис принял также Конституционный закон Туркменистана «О постоянном нейтралитете». В соответствии с этим актом была изменена статья 6 Конституции республики, которая теперь получила следующую редакцию: «Туркменистан, являясь полноправным субъектом мирового сообщества, признает приоритет общепризнанных норм международного права, придерживается во внешней политике принципов постоянного позитивного нейтралитета, невмешательства во внутренние дела других стран, отказа от применения силы и участия в военных блоках и союзах, содействия развитию мирных, дружественных и взаимовыгодных отношений со странами региона и государствами всего мира»¹⁴³.

¹⁴³ Конституция Туркменистана 1992 г. с изменениями и дополнениями от 27 декабря 1995 г. // *Нейтральный Туркменистан*. 09.01.1996.

Прежде этого Ниязов постарался обезопасить себя от любого серьезного вмешательства извне. Таковое могло исходить не столько со стороны международных институтов и организаций, сколько от некоторых ближайших соседей Туркменистана. Туркменистан граничит на суше с Казахстаном, Узбекистаном, Афганистаном и Ираном, а на море – с Азербайджаном, Ираном и Казахстаном. Впрочем, границы на Каспийском море в тот период были лишь теоретическими¹⁴⁴.

С Казахстаном у Ашхабада не было особых проблем. Для ссор у Ниязова с Назарбаевым не существовало никаких резонансов – туркмено-казахстанская граница представляет собой крайне малонаселенные районы. К тому же исторически между казахами и туркменами не случалось особых трений. Иное дело – другие соседи Туркменистана. Если взглянуть на географическую карту республики, то сразу бросается в глаза, что основные населенные пункты расположены вдоль южных границ Туркменистана – в предгорьях Копетдага, вдоль его восточной границы – в районе Амударьи, а также, в меньшей степени, на побережье Каспия.

Южные и восточные границы расселения туркменских племен всегда были проблемными. Персы даже в начале XX в. продолжали совершать грабительские набеги на туркменские земли, уже входившие в то время в состав Российской империи. Туркмено-афганская граница в этом отношении была более спокойной: по обе ее стороны в основном жили этнически родственные племена. Район же Амударьи был примечателен тем, что здесь разграничительная линия была проведена большевиками так, что это решение, при желании, могло быть оспорено с исторической точки зрения как туркменами, так и узбеками. Несмотря на все историче-

¹⁴⁴ См. об этом: *Куртов А.А.* Каспийское море: непоследовательность России наносит ущерб национальным интересам // *Обозреватель*. 2000. № 4.

ские изыскания Ниязова, изложенные в частности в его книге «Рухнама», в течение нескольких последних веков туркмены не раз попадали в зависимость от соседних оседлых узбекских государственных образований (прежде всего – Хивинского ханства). В самом Туркменистане узбеки, расселенные компактно вдоль Амударьи, составляют второй по численности этнос. Поэтому Ниязов не мог не учитывать возможности того, что этот фактор кто-то захочет использовать.

В результате Ниязов вел себя как хитрый восточный политик, заключая союзы поочередно с теми, кто мог помочь обезопасить его власть от внешних угроз. С Ираном Ашхабад развил просто сверхдипломатическую активность. В первые годы независимости число встреч двух президентов – Ирана и Туркменистана – достигало порой 18 за один год (!). Разумеется, главной их темой были вопросы экономического сотрудничества, но в то же время Ашхабад на них заручался поддержкой со стороны Тегерана и в чисто политических проблемах¹⁴⁵.

Ниязов расчетливо поддерживал и развивал отношения с Москвой. В декабре 1993 г. состоялся памятный официальный визит президента Российской Федерации Бориса Ельцина в Ашхабад, в ходе которого были заключены соглашения о статусе дислоцированных в Туркменистане воинских частей России, о совместной охране государственной границы, а также оказавшееся в центре внимания в 2003 г. соглашение о двойном гражданстве¹⁴⁶. По отношению к СНГ Ниязов всегда занимал позицию, характерную скорее для стороннего наблюдателя: более половины при-

¹⁴⁵ См. об этом подробнее: Куртов А.А. Взаимоотношения Туркменистана с Исламской Республикой Иран // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. М., 2008.

¹⁴⁶ Ныне все эти соглашения уже потеряли свою силу.

нимаемых документов в рамках этой организации Туркменистан просто не подписывал. Президент Туркменистана объяснял это следующим образом: «...На наш взгляд, отношения в рамках СНГ должны строиться на основе максимального учета позиций каждого государства, носить не жестко координирующий, а консультативный характер»¹⁴⁷. В 2005 г. Туркменистан на саммите СНГ в Казани заявил об изменении своего юридического статуса в СНГ – с постоянного члена на ассоциированного. В то же время Туркменистан отнюдь не отказывался от членства во многих международных организациях. В настоящее время он участвует более чем в 40 таких организациях.

Если выше мы говорили о нейтралитете Туркменистана преимущественно применительно к традиционным сферам внешней политики, то объективности ради стоит затронуть также и другой аспект – гуманитарный, который в последние полувек все более и более утверждается в качестве равноправного сегмента международных отношений. ООН приняла резолюцию о нейтралитете Туркменистана во многом потому, что туркменским дипломатам удалось заверить руководство ООН в том, что следствием этого решения станет еще большее уважение со стороны властей Туркменистана к правам человека, чем это имеет место при обычной практике.

Вот в этой плоскости действительно есть основания для серьезной дискуссии. Сегодня в Ашхабаде любят подчеркивать, что Туркменистан присоединился к 40 международным актам по правам человека¹⁴⁸. На практике же власти Туркменистана грубо нарушают права человека, и это бесспорный и широко известный факт, о чем даже в России

¹⁴⁷ Ниязов С.А. Наше отношение к СНГ (6 сентября 1993 г.) // Ниязов С. Независимость. Демократия. Благополучие. Книга II. Ашхабад. 1994. С. 73.

¹⁴⁸ Нейтральный Туркменистан. 30.07.2008.

существует большое число публикаций¹⁴⁹. Зафиксированные в актах Туркменистана обязательства по правам человека цинично нарушаются.

Так международным правом запрещены пытки. Многочисленные свидетельства очевидцев все последние годы указывают на то, что режим президента Туркменистана широко применяет пытки в отношении инакомыслящих. Демонстрация сюжетов, переданных по туркменскому телевидению и посвященных «проявлениям народного гнева» в адрес участников весьма странного покушения на жизнь Ниязова, у многих вызвали ассоциации и с печально известным 1937 г, и даже с образцами средневекового варварства.

Нейтралитет стал средством обеспечения изолированности Туркменистана, примером чего является закон «о государственном калыме», согласно которому жених-иностранец обязан выплатить государству «выкуп» в размере 50 тыс. дол. помимо одновременной уплаты традиционного калыма семье невесты. Туркменская власть намеренно регулярно создавала искусственные препятствия для миграции своих граждан в другие страны и прежде всего в Россию. Тем не менее русское население Туркменистана резко сократилось с 334 тысяч по переписи 1989 г., до менее 100 тысяч человек в настоящее время (экспертные оценки).

Ашхабад использовал статус нейтралитета и в качестве удобного подспорья для решения сложной проблемы экспорта своих углеводородов на внешние рынки. Власти Туркменистана старались минимизировать свои возможные обязательства перед партнерами по сотрудничеству в рамках многих международных объединений не в последнюю очередь для того, чтобы они не мешали им иметь полную

¹⁴⁹ Назовем некоторые из последних таких публикаций: *Демидов М.С.* Постсоветский Туркменистан. М., 2002; *Мухамедов Б.* Башистский Гулаг. М., 2002; *Рыблов В.* Туркменская трагедия. М., 2003.

«свободу рук» в переговорах по экспортным поставкам природного газа республики.

Сдерживающим фактором развития Туркменистана служила на протяжении первой половины 1990-х гг. его тотальная зависимость от магистрального трубопровода «Средняя Азия–Центр», только лишь по которому природный газ, пересекая границы Узбекистана и Казахстана, мог попадать в Россию и далее к потенциальным его потребителям. Диверсифицировать же экспорт «голубого топлива» долгое время не удавалось из-за отсутствия необходимых и весьма немалых средств на прокладку новых газопроводов.

Ситуация еще более осложнялась тем, что северный маршрут был не только единственным, но и недостаточно доходным в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств. Единственными действительно платежеспособными потребителями в тот период были западноевропейские страны. Реально основными потребителями туркменского природного газа были как раз не страны Западной Европы, а государства СНГ, в частности Украина, Грузия, Армения и Азербайджан. В силу поразившего их экономического кризиса они не могли расплачиваться за туркменский газ не только полноценной свободно конвертируемой валютой, но зачастую даже товарами по бартеру. В результате все эти государства оказались должны Туркменистану за поставки газа немалые суммы.

Россия же в этой области столкнулась с аналогичными проблемами – с некредитоспособностью потребителей ее газа из числа стран СНГ, причем в гораздо больших масштабах, чем Туркменистан. В этих условиях ведущая российская газовая компания «Газпром» считал нецелесообразным давать зеленый свет пропуску туркменского газа по трубопроводам в Европу, так как это явно уменьшало возможности самой России продавать собственный газ на европейском рынке.

В 1995 г. ситуацию удалось несколько смягчить. «Газпром» терпел значительные убытки из-за неплатежей потребителей российского газа из числа государств СНГ, прежде всего Украины. В начале августа 1996 г. он заключил соглашение с Ашхабадом о создании совместного туркмено-российского акционерного общества «Туркменросгаз». «Газпром» обязался предоставлять свои трубопроводы Туркменистану, а также пошел ему на уступки в тарифной политике.

Но вскоре возникли существенные разногласия из-за задержек в расчетах за поставленный газ. В начале 1999 г. было заключено новое соглашение о поставках туркменского газа на Украину. Несколько месяцев Туркменистан поставлял на Украину газ фактически бесплатно и, когда долг последней превысил 100 млн. дол., соглашение было разорвано. После очередного перерыва вопрос о транзите туркменского газа на север сдвинулся с мертвой точки. 17 декабря 1999 г. Туркменистан подписал с российским «Газпромом» рамочное соглашение, предусматривающее возобновление поставок голубого топлива в Россию. В конце концов стороны согласились на компромисс. Россия покупала газ на туркмено-узбекской границе по цене 36 дол. за 1000 куб. м¹⁵⁰, при этом доля валютной составляющей цены была 40%.

В результате на пороге нового тысячелетия экономическое положение Туркменистана стало улучшаться. Добыча голубого топлива увеличилась за 2000 г. более чем в два раза и составила 47 млрд. куб. м, из которых около 40 млрд. куб. м было экспортировано, в том числе более 30 млрд. – в страны СНГ.

¹⁵⁰ Впрочем, бывший глава «Газпрома» Рем Вяхирев утверждал, что, по расчетам экспертов его компании, Туркменистану выгодно отдавать свой газ даже и по цене 26 дол. за 1000 куб. м.

На исходе 2000 г. Туркменистан выдвинул российской стороне новые условия, предложив увеличить оплату поставок газа до 40 дол. за 1000 куб. м, при оплате половины валютными платежами. В 2001–2002 гг. и добыча, и экспорт природного газа в Туркменистане существенно не росли (добыча составила соответственно 51,4 и 53,5 млрд. куб. м, а экспорт соответственно 37,2 и 39,3 млрд. куб.м). Однако в России в этот период произошли существенные перемены в газовой отрасли, в которой государство после прихода нового президента В.В. Путина стало наводить порядок. Компания «Итера» постепенно стала вытесняться с уступленных ей в свое время «Газпромом» рынков.

Руководство «Газпрома» удачно задействовало государственный ресурс, пытаясь выстроить свои взаимоотношения с Ашхабадом на основе долгосрочного партнерства. Для этого было подготовлено принципиально новое соглашение о сотрудничестве в газовой отрасли. 10 апреля 2003 г. президенты России и Туркменистана подписали в Кремле межгосударственное соглашение. Одновременно, в тот же день, был заключен контракт по закупке туркменского газа уполномоченными организациями двух государств – «Газпромом» и «Туркменнефтегазом».

В соответствии с этими документами, туркменская сторона брала на себя обязательства по поставкам своего природного газа на 25-летний период в Россию. Объемы поставляемого газа определялись по конкретным годам, причем определялись и минимальные и максимальные объемы таких поставок.

Руководство Туркменистана отнюдь не отошло от своих традиционных позиций, выражающихся в стремлении не прогадать и не брать на себя излишне жестких обязательств. Наиболее щекотливый вопрос – о цене за поставляемый газ в соглашении был решен фактически в пользу позиции, занимаемой Туркменистаном.

В апреле 2003 г. была достигнута договоренность между Туркменистаном и Россией о строительстве нового варианта маршрута газопровода – из Западного Туркменистана в Россию через территорию Казахстана (его в литературе именуют Прикаспийским газопроводом). С проектом Прикаспийского газопровода тогда ничего не получилось, в частности из-за того, что на момент достижения договоренностей с Россией (2003 г.) в этом регионе Туркменистана добывалось всего около 6 млрд. куб. м газа. Внутриреспубликанских же газопроводов, по которым газ можно было бы прокачивать с месторождений востока и юго-востока Туркменистана, не построено, хотя их проекты и существуют. Причем последние создавались не только ради Прикаспийского, но и для Транскаспийского газопровода, о котором речь пойдет ниже.

В середине апреля 2005 г. «Газпром» вынужден был уступить напору Туркменбаши. Затем за короткий период времени в этой сфере произошли кардинальные перемены. Туркменистан добился существенного повышения цены на поставляемый в Россию природный газ. Туркменистан обязался поставить за это время России 162 млрд. куб. м газа по цене 100 дол. за 1000 куб. м. Согласованную цену решено было обновлять каждые три года.

Затем Ашхабад настоял на повышении цены до 130 дол. для расчетов на первое полугодие 2008 г. В 2008 г. Туркменистан, Узбекистан и Казахстан достигли договоренности с «Газпромом» о том, что с 2009 г. формула цены за центральноазиатский газ будет формироваться на совершенно другой основе, чем это было раньше. Фактически ориентиром должны были стать цены, действующие в Европе.

По итогам заключенного в июле 2008 г. соглашения СМИ сообщали, что цена может составить 295 дол. за 1000 куб. м¹⁵¹.

¹⁵¹ *Интерфакс*. 2008. 29 июля.

12 мая 2007 г. Россией, Туркменистаном и Казахстаном была принята совместная декларация о строительстве нового Прикаспийского газопровода, а несколько позднее, с участием данных стран и Узбекистана – также решение по реконструкции существующей газотранспортной системы «Средняя Азия–Центр», предусматривающее создание новых мощностей для транспортировки среднеазиатского голубого топлива в Россию. 20 декабря 2007 г. в Москве договоренности по Прикаспийскому трубопроводу были конкретизированы и зафиксированы в соответствующем межправительственном соглашении¹⁵².

В итоге объемы поставок газа из Средней Азии в Россию могли бы предположительно вырасти на 20–30 млрд. куб. м. По имеющимся данным, летом 2008 г. была достигнута договоренность об увеличении мощности Прикаспийского трубопровода до 30 млрд. куб. м¹⁵³.

После объявления планов строительства Прикаспийского трубопровода борьба за нефтегазовые ресурсы Туркменистана резко обострилась. В ход шли как дозволенные, так и явно недозволенные приемы. Ашхабад за это время посетили десятки различных делегаций разного уровня из США и государств Западной Европы. Их представители склоняли нового лидера – Бердымухамедова к присоединению к другому маршруту поставок природного газа на европейский рынок – Транскаспийскому газопроводу.

Важнейшим событием 2006 г. для Туркменистана стал визит в начале апреля президента Ниязова в Китай. Наиболее важным среди подписанных в ходе визита документов стало Генеральное межправительственное соглашение

¹⁵² Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Казахстан и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода // *Бюллетень международных договоров*. 2008. № 9.

¹⁵³ *Нейтральный Туркменистан*. 25.07.2008.

о реализации проекта газопровода Туркменистан–Китай и продаже природного газа из Туркменистана в КНР. Китай обязался закупать у Туркменистана газ в объеме 30 млрд. куб. м ежегодно в течение 30 лет, начиная с момента ввода газопровода в эксплуатацию, которая была намечена на 2009 г.

Через год – летом 2007 г. – было заключено еще одно соглашение, и трубопровод в Китай стал реальностью. Предполагается, что экспорт 17 млрд. из ежегодно предусматриваемых 30 млрд. куб. м туркменского газа будет обеспечиваться за счет освоения новых газовых месторождений, остальные 13 млрд. – за счет строительства на крупнейшем газоконденсатном месторождении «Багтыярлык» объектов по очистке и подготовке газа.

В период проведения Олимпиады в Пекине в августе 2008 г. президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов заявил об увеличении пропускной способности газопровода в Китай¹⁵⁴. В конце августа это решение было закреплено рамочным соглашением в ходе официального визита в Ашхабад лидера КНР Ху Цзиньтао. Оно предусматривает увеличение мощности трубы, которая должна быть введена в строй в 2009 г., с 30 до 40 млрд. куб. м газа в год¹⁵⁵.

Одним из самых спорных проектов трубопроводов из Туркменистана остается так называемый Транскаспийский газопровод. Он имеет свою историю. Еще 29 октября 1998 г. Ашхабад и Анкара заключили межправительственное «Соглашение об исполнении проекта Транскаспийского газопровода Туркменистан–Турция–Европа». Проект предполагал строительство трубопровода от западного Туркменистана по дну Каспийского моря в Азербайджан и далее, по территории Грузии и Турции на европейские рынки. Через Каспийское море предполагалось проложить две нитки газопроводов.

¹⁵⁴ *Новости Туркменистана*. 2008. № 32.

¹⁵⁵ *Время новостей*. 01.09.2008.

21 мая 1999 г. Туркменистан и турецкая компания «Votat» подписали рамочный договор о ежегодной закупке Турцией 16 млрд. куб. м туркменского газа, начиная с 2002 г. Из пропускной мощности Транскаспийского трубопровода в 30 млрд. куб. м, таким образом, Турция брала чуть более половины, а 14 млрд. куб. м предназначалось для стран Европы.

Из-за роли, отведенной Туркменистану по Транскаспийскому проекту, Азербайджан увидел в нем своего серьезного конкурента. Поэтому летом 1999 г. Азербайджан заявил свои претензии на 50% мощности в Транскаспийском газопроводе, мотивируя это тем, что на азербайджанском месторождении «Шах-Дениз» были обнаружены большие запасы природного газа. В Ашхабаде все происшедшее восприняли как очередной вызов, в результате чего осуществление проекта Транскаспийского газопровода застопорилось.

«Второе дыхание» Транскаспийский проект получил после смерти президента Ниязова. США и ЕС резко активизировали активность, пытаясь сделать Транскаспийский проект начальной частью лоббируемого ими проекта «Набукко», предполагавшего поставки в Европу, минуя территорию России. Им удалось заручиться обещанием Бердымухамедова о том, что Туркменистан соглашается гарантировать поставки своего природного газа в объеме 10 млрд куб. м для заполнения Транскаспийского трубопровода. Но подписать какие-либо конкретные соглашения на этот счет так и не удалось.

Сфера политики

Туркменистан можно отнести к тоталитарным государствам. При этом, впрочем, не следует думать, что туркменский тоталитаризм – это всего лишь очередная копия классических вариантов западноевропейских тоталитарных ре-

жимов: итальянского – периода Бенито Муссолини, германского – периода Адольфа Гитлера или испанского – периода каудильо Франко. Туркменский вариант не является также и простым продолжением советского коммунистического тоталитаризма, хотя преемственность между ними прослеживается достаточно четко.

Тоталитаризм Туркменистана в 3-м тысячелетии вобрал в себя многие элементы архаичных деспотических режимов, традиционных для стран Востока, и новых авторитарных режимов аграрно-индустриальных государств современного мира. Во многих отношениях туркменский вариант тоталитаризма походит на нынешний северокорейский режим. И все же туркменский вариант – это особый феномен, сплав различных элементов, заимствованных из разных эпох, сердцевинной которого выступает именно тоталитарное начало.

Туркменский тоталитаризм по целому ряду позиций отличается от своих аналогов, упоминавшихся выше.

Во-первых, туркменский тоталитаризм сформировался отнюдь не в результате острейших внутренних конфликтов, переросших в ряде случаев в гражданские войны, как было в свое время в Италии, Германии, Испании, России. Никаких государственных переворотов в Туркменистане не было, тоталитарный лидер утвердился на вершине пирамиды власти вполне мирным путем.

Во-вторых, не характерно для туркменского тоталитаризма и проведение широкомасштабных политических репрессий против своих политических оппонентов. Массовых расстрелов, печей концентрационных лагерей в республике нет. Власти в Туркменистане, конечно же, прибегают к насилию, в том числе и к бесчеловечным акциям: ссылкам недовольных в места, где затруднено проживание, преследованию родственников, пыткам заключенных и т.п. И все же для научной оценки и классификации важны типологические элементы. Масштаб и глубина репрессий в Туркмени-

стане все-таки существенно отличаются от практики времен «раскулачивания» в СССР или борьбы «за чистоту арийской нации» в Третьем рейхе. Тем не менее, чтобы убедиться в том, что систематическое применение государственного насилия – это один из элементов туркменского тоталитаризма, достаточно перечитать списки амнистируемых в конце каждого года. Тысячи и тысячи туркменистанцев власть сначала сажает за решетку, а затем торжественно, после принесения ими соответствующей клятвы, милостиво прощает. Одних только своих заместителей по кабинету министров покойный президент Ниязов за годы независимости посадил несколько десятков.

В-третьих, от классических западноевропейских вариантов тоталитаризма туркменский феномен отличает то, что этот политический режим возник отнюдь не на стадии индустриального общества. Ведь в Западной Европе тоталитарные диктаторы утвердились во власти, в немалой степени опираясь на поддержку со стороны бизнес-кругов своих стран. При этом высокая организованность и управляемость, присущая индустриальной экономике, помноженная на мощь квалифицированного государственного аппарата чиновников, существенно усиливала возможность всеобъемлющего контроля власти над обществом. Туркменистан же никоим образом нельзя признать индустриальным обществом, равно как и страной с полноценной рыночной экономикой.

Поэтому-то, в силу своей аграрно-сырьевой хозяйственной сути, туркменский тоталитаризм и вынужден, помимо прочего, использовать методы и приемы, присущие деспотическим режимам прошлого. Это, свою очередь, отрицательно влияет на развитие экономической сферы. Зачастую полученные в результате продажи углеводородов Туркменистана средства расходуются нерационально, на строительство престижных объектов, проведение помпезных ме-

роприятий. Столицу государства – город Ашхабад увенчали Аркой Нейтралитета, вершину которой украсила 12-метровая статуя Ниязова. Причем верхняя часть арки вращалась с таким расчетом, чтобы Сердар был всегда повернут лицом к солнцу. Частный предприниматель фактически не защищен от произвола властей. А население в большей своей части не может ощутить преимущества того, что республика владеет огромными богатствами недр. Правительство Туркменистана время от времени прибегало к практике использования населения для освоения новых территорий методами, весьма напоминающими практику деспотических империй Древнего мира. В ноябре 2002 г. Ниязов подписал постановление о мерах по переселению и рациональному использованию трудовых ресурсов, согласно которому молодежь до 25 лет, а также лица с аморальным поведением переселялись в необжитые районы республики¹⁵⁶. Решение о переходе с советского – 10-летнего школьного обучения на 9-летнее¹⁵⁷ также весьма напоминает практику восточной автократической традиции, описанной Шан Яном в «Книге правителя области Ван». Шан Ян писал, что неграмотным народом легче управлять. Естественно, что один из ударов туркменских властей был направлен против возможности получать через Россию и при помощи русского языка информацию. С 1997 г. были закрыты редакции русскоязычных газет в веляятах республики. С 2000 г. было отменено преподавание на русском языке в вузах Туркменистана¹⁵⁸.

Примером наличия деспотических элементов в политической системе Туркменистана является, например, реформа календаря, принятая по решению Ниязова в 2002 г.

¹⁵⁶ *Коммерсантъ*. 22.11.2002.

¹⁵⁷ Демидов М.С. Постсоветский Туркменистан. М., 2002. С. 72.

¹⁵⁸ Кадыров Ш. Нация племен. М., 2003. С. 156.

По ней месяц январь был переименован в Туркменбаши, апрель был назван по имени матери Ниязова – Гурбансолтан, декабрь получил название Битараплык («нейтралитет») и т.д.

Но самое главное – в Туркменистане утвердилась политика всеобъемлющего контроля со стороны власти над обществом и личностью. С ее помощью в республике пытаются создать систему подчиненности абсолютно всех туркменстанцев тем ценностям и целям общественного развития, которые определены и обозначены лидерами государства. Тоталитарной по сути является идеологическая практика навязывания обществу единственной системы взглядов, сформулированной властью. В период правления президента Ниязова идеологические догматы, призванные быть для каждого из граждан страны непреложными истинами, были прописаны, в частности, в книге «Рухнама». Новый президент – Бердымухамедов пока не написал своего эпохального произведения, но и не отказался решительно от прежней практики. Тем самым и старая и новая туркменские государственные системы стремились к полному, тотальному контролю над всей жизнью общества в целом и над жизнью каждого человека в отдельности.

Гражданам предписывалось слепое поклонение идеям вождя нации. В Туркменистане была введена клятва, которую люди обязаны были слушать и произносить повсеместно, в том числе ею начинались и заканчивались учебные занятия: «Туркменистан, отчизна любимая, край родимый мой, и в мыслях, и сердцем я всегда с тобой, за малейшее зло, причиненное тебе, да отнимется рука моя. За малейший навет на тебя да обессилеет язык мой. В час измены Родине, Сапармурату Туркменбаши, священному стягу твоему, да прервется дыхание мое».

Произведения Ниязова занимают ведущие позиции в школьных и вузовских образовательных программах, даже поступление в вузы главным образом поставлено

в зависимость от собеседования с абитуриентом по книге «Рухнама». Монополия на политическую и экономическую власть естественно дополняется монополией на информацию, обращаемую внутри Туркменистана. Характерно, что демократия Ниязовым трактовалась не как осуществление воли народа, а как осуществление блага народа в понимании одного лидера нации – вождя («сердара») – «Туркменбаши».

Президент Ниязов установил в стране порядки, при которых он являлся единственным в республике учредителем газет. Доступ в Интернет был существенно ограничен, в республике отсутствовали независимые провайдеры. Правительственными декретами запрещены опера, балет, филармония и цирк. Академия Наук Туркменистана была закрыта. Естественно, что установление таких порядков порой порождало и совсем удивительные примеры. В 2003 г. в туркменской прессе стали появляться статьи, которые намекали на божественное происхождение Ниязова.

Известно, что многие из проблем постсоветских государств так или иначе коренятся в их советском прошлом. Туркменский тоталитаризм не является исключением, ведь он относительно плавно возник в результате трансформации позднего варианта советского тоталитарного строя. Здесь стоит отметить один принципиальный аспект. Именно Ниязов дольше всех центральноазиатских лидеров занимал пост первого секретаря ЦК компартии союзной республики. Ниязов сменил своего предшественника Гапурова на посту первого секретаря республиканской компартии еще в декабре 1985 г. А если вспомнить, что в 1984 г. его отозвали в Москву на работу в ЦК КПСС (до этого Ниязов руководил Ашхабадским горкомом), то становится понятным, что своим назначением Ниязов обязан прежнему «доперестроечному» руководству Политбюро ЦК КПСС. То есть Ниязов получил власть еще в условиях господства советского тотали-

таризма¹⁵⁹. И он фактически продолжил ту же традицию, не допуская других вариантов развития.

Ниязов стремился к тому, чтобы население воспринимало его не как наемного чиновника, а как уникального лидера и вождя нации. Отсюда понятно, почему довольно быстро в Туркменистане появилась тенденция закрепить за Ниязовым пост президента на длительный период. В декабре 1999 г. в Туркменистане постановлением высшего представительного органа законодательной власти – Халк Маслахаты – Ниязов получил исключительное право осуществлять полномочия главы государства без ограничения срока.

Ниязов, не стесняясь, повел себя как типичный восточный деспот: любил в поездках по своей стране восседать на кресле, напоминающим трон, обожал раздавать щедрые подарки, предпочитал самолично распекать и наказывать проштрафившихся чиновников, не чурался типично восточной лести и подбострастия. Иными словами, он действительно вел себя как падишах.

Тоталитарный лидер нации, как известно из истории, считается незаменимым и бесконечно талантливым. Его нельзя переизбрать. Он может только умереть на своем посту. Так оно и произошло. Ранней ночью 21 декабря президент Ниязов внезапно скончался. Поскольку Туркменистан является закрытым государством, то это породило массу спекулятивных суждений и версий.

Ниязов умер в результате сердечного приступа: в опубликованном на следующий день заключении правительствен-

¹⁵⁹ Известный туркменский эксперт – Шохрат Кадыров, работающий ныне в эмиграции, объясняет это событие тем, что Москва остановила свой выбор на Ниязове в силу его сиротства, образования, полученного в Ленинграде, и женитьбы на девушке из русско-еврейской семьи. – См.: *Кадыров Ш.* Российско-туркменский исторический словарь. Т. 1. Берген, Библиотека Альманаха «Туркмены», 2001 (Printed in the Bergen, Norway). С. 353.

ной медицинской комиссии было сказано, что причиной смерти стала острая сердечная недостаточность. Коллапса государственной власти не произошло. Ситуация была взята под контроль, причем отнюдь не военной хунтой. Внешне действия властей республики выглядели вполне цивилизованно, хотя и здесь не обошлось без эксцессов. Утром 21 декабря состоялось совместное заседание Государственного совета безопасности (органа, до этого не афишировавшего свою роль в управлении страной) и Кабинета министров. На заседании были рассмотрены меры по поддержанию стабильности и правопорядка в стране. Была определена дата созыва высшего представительного органа страны – Халк Маслахаты. Центральным пунктом стало решение о назначении заместителя председателя правительства Гурбангулы Мяликгулыевича Бердымухаммедова временно исполняющим обязанности президента республики до проведения выборов.

Правда, «юридическая чистота» все же не была соблюдена. По действующему законодательству исполняющим обязанности президента должен был стать председатель Меджлиса, но в отношении последнего – О. Атаева сразу же было возбуждено уголовное дело, и по этой причине его назначение не состоялось.

Весь ход событий свидетельствует, хотя и не стопроцентно, о том, что смерть Ниязова была естественной. Ниязов всерьез не думал о том, что будет после него и не наладил механизм передачи власти преемнику. Не побудили его создать такой механизм и те гипотетические злодеи, которые могли бы быть причастны к его кончине. Кроме того, действительно смерть Ниязова была внезапной. Меджлис покорно снял Атаева, который и не помышлял в соответствии с законом занять место президента, с должности председателя и назначил на эту должность Акджу Нурбердыеву, к которой, впрочем, не перешло исполнение обязанностей главы государства. Этот, казалось бы, малозначимый эпизод

показал, что туркменская власть контролирует ситуацию и не допустит колебаний, а там, где это потребуется, спокойно проигнорирует любые нормы законодательства.

В факте же слабой известности фигуры Бердымухаммедова, равно как и в отсутствии свидетельств его прямой причастности к бесспорно негативным сторонам курса Ниязова включая те же репрессии, была даже выгодная для власти сторона – возможность эксплуатации темы вероятных изменений политики Туркменистана в будущем. А это также было вкладом в сохранение стабильности, что, как мы полагаем, в первую очередь заботило ашхабадские власти.

Что же касается версий о приходе к власти туркменской оппозиции, то последняя действительно попыталась использовать столь уникальную возможность – кончину Ниязова – для прихода к власти. Но из этого ничего не получилось, да и вряд ли могло получиться. Туркменская оппозиция просто не имела реальной силы и возможности воздействовать на ход политического процесса в Туркменистане. Эта оппозиция представлена несколькими группами, имеющими зачастую названия политических партий и движений, но на практике представляющих небольшие по численности диссидентские группировки, вынужденные действовать за пределами Туркменистана. Возможность их возвращения в республику была заблокирована административными мерами.

На состоявшемся XVIII Халк Маслахаты одновременно были приняты необходимые изменения конституции, закрепляющие де-юре свершившийся факт передачи полномочий президента в том случае, если глава государства не может исполнять свои обязанности, одному из заместителей председателя правительства, и открывающие возможность принимать участие в выборах Бердымухаммедову. Также был принят отсутствовавший до этого в республике закон «О выборах президента Туркменистана».

В итоге из 2 млн. 677 тысяч 589 граждан республики, внесенных в списки для голосования, на избирательные участки явилось 98,65%. Из них за Бердымухаммедова проголосовали 2 млн. 357 тысяч 120 человек, или 89,23%. Против его кандидатуры проголосовали 282 тысячи 174 человека – 10,68%.

Конечно, с точки зрения туркменской оппозиции Бердымухаммедов власть узурпировал, пусть и мягкими методами, а выборы были проведены в форме фарса, т.е. они не были ни свободными, ни честными, ни справедливыми. С такой оценкой выборов спорить не будем, но давайте зададимся вопросом: а мог ли Бердымухаммедов вообще обойтись без выборов? Ведь мог, еще как мог! И то, что все же власть пошла на проведение формально конкурентных выборов – это знаковое событие. Просто нужно уточнить оценки. Мы вовсе не утверждаем, что новая туркменская власть – это качественно новое и непременно прогрессивное явление. Это, конечно, не так. Но в реальных условиях туркменского тоталитаризма нужно не только акцентировать внимание на том, что новая власть могла бы сделать, но не сделала, но и на том, что же все-таки она совершила.

За истекший с момента своего прихода к власти период Бердымухаммедов не стал сторонником революционных реформ. Бердымухаммедов действовал осторожно и расчетливо. Он стремился быть не революционером и реформатором, а преемником Ниязова и действительно стал им. Гурбангулы Мяликгулыевич фактически ничего не изменил в несущих конструкциях ниязовского туркменского тоталитаризма. Изменения в конституцию, принятие закона о выборах президента – это не сущностные перемены, а частные, причем некоторые из них были разработаны еще и при жизни Ниязова. Более того, со временем Бердымухаммедов стал откровенно говорить именно о продолжении курса конституционных реформ своего предшественника. В этом смысле новая редакция конституции Туркме-

нистана¹⁶⁰, принятая 26 сентября 2008 г., сохраняет прежнюю парадигму власти, меняя лишь отдельные детали, например, отказываясь от института Халк Маслахаты. Принятие же новых законов – о том же дейханском хозяйстве, об иностранных инвестициях¹⁶¹ – находится вне сферы сугубо политико-властных отношений. Выдвинутые планы добиться того, чтобы до 70% трудоспособного населения Туркменистана было вовлечено в малый и средний бизнес¹⁶², остаются пока лишь красивыми лозунгами. Иными словами, Бердымухаммедов шел на отдельные реформы в социальной, культурной, даже экономической сфере, но политическая сфера, установленные в ней правила, практически не подверглись изменению. Характерно, что 4 августа 2007 г. на совместном заседании V внеочередного съезда Демократической партии Туркменистана¹⁶³ и V внеочередного съезда общенационального движения «Галкыныш» Бердымухаммедов единодушно был избран председателем и той и другой структуры¹⁶⁴.

Иногда менялась лишь практика, что само по себе тоже значимый факт, но его нельзя ставить на одну доску, скажем, с изменением полномочий высших властных структур. Так, Бердымухаммедов еще в начале своего правления изменил меру наказания ряду политических заключенных в сторону смягчения. Впрочем, с сугубо юридической точки зрения, возможно, спорно даже отнесение этих лиц к политическим заключенным: правительственные чиновники были осуждены за корыстные финансовые преступления.

¹⁶⁰ Текст новой редакции конституции доступен на сайте:

www.turkmenistan.gov.tm

¹⁶¹ *Коммерсантъ*. 15.10.2007.

¹⁶² *Возрождение*. 2008. № 7. С. 7.

¹⁶³ Особо отметим, что за все годы независимости в Туркменистане было проведено всего шесть партийных съездов: в них у власти не было нужды.

¹⁶⁴ *Нейтральный Туркменистан*. 06.08.2007.

Но при Ниязове это ровным счетом ничего не значило, подобные приговоры могли прикрывать именно политическую опалу.

Бердымухаммедов еще несколько раз пойдет по этому пути. В августе 2007 г. он амнистирует 11 человек включая бывшего верховного имама Насруллу ибн Ибадуллу. Наконец Бердымухаммедов амнистирует очередную партию – несколько тысяч осужденных за общеуголовные преступления. Но вот явных политических противников туркменского режима, тех, кто проходил по делу о покушении на Ниязова в 2002 г., оставят в заключении. Тем самым власть как бы продемонстрировала всем, что и дальше будет карать противников власти. И кары действительно не миновали новых жертв.

Спустя несколько месяцев после выборов в феврале Бердымухаммедова президентом, к длительным срокам тюремного заключения были приговорены бывший начальник службы охраны президента генерал-лейтенант Акмурат Реджепов и его сын Нурмурад Реджепов, также служивший в органах туркменской госбезопасности. И не суть важно, были ли в действительности реальные основания для вынесения приговора суда. Наверное, таковые были, поскольку сама система тоталитарной власти в известной степени способствует совершению ею злоупотреблений. Но в данном случае важно, что Бердымухаммедов очень быстро освоил применяемый его предшественником метод репрессий, равно как и методику регулярных кадровых чисток.

Таким образом, учитывая все аспекты правления Бердымухаммедова, все, что можно записать в позитив новому туркменскому президенту, уже не выглядит так весомо. С одной стороны, был снесен ставший одиозным объект – знаменитая тюрьма Овадан-Депе. Но, с другой – число осужденных в Туркменистане на деле не сократилось до величин, соответствующих одной лишь общекриминальной практике.

Похожая картина имеет место и в сфере организации образования. С одной стороны, произошли прогрессивные изменения: увеличены сроки обучения в школах и вузах, восстановлено преподавание ряда предметов, исключенных при Ниязове из учебных программ «за ненадобностью», возросло число студентов и учащихся¹⁶⁵. Но, с другой стороны, образовательная сфера осталась в плену все тех же тоталитарных пут. Образование не стало открытым, общедоступным и качественным.

То же самое можно сказать и о науке. Была восстановлена Академия Наук, но без академической свободы, свойственной аналогичным учреждениям в большинстве стран современного мира. До сих пор (сентябрь 2008 г.) Академия Наук так реально и не заработала, ей не возвратили даже здания, где она ранее располагалась. Были приняты постановления по подготовке научных кадров, вновь объявлено об открытии в стране аспирантуру, докторантуры и ординатуры. На 2008 г. из госбюджета на нужды науки выделено 64 млрд манатов (на 30% больше, чем в 2007 г.). Тем не менее в численном выражении количество высококвалифицированных кадров в Туркменистане невелико – на осень 2008 г. в республике имелось всего 140 докторов наук и около 100 кандидатов наук¹⁶⁶. О качестве же научного потенциала значительной части этих людей судить трудно, но, по всей видимости, оно уступает даже соседним странам Центральной Азии. Президент пошел даже на открытие интернет-кафе, но сделано это так, что практически никак не

¹⁶⁵ По итогам начавшегося учебного года осенью 2008 г. правительство Туркменистана озвучило следующие показатели: в вузы поступило 4 тыс. абитуриентов (на 385 больше, чем в 2007 г.), в средние учебные заведения поступило 1716 новых учащихся. В вузах было открыто 18 новых специальностей – см.: *Новости Туркменистана*. 2008. № 33; *Нейтральный Туркменистан*. 20.08.2008.

¹⁶⁶ *Возрождение*. 2008. № 7. С. 8–9.

расширило свободу доступа к информации гражданам Туркменистана.

Бердымухаммедов изменил одиозные нормы пенсионного законодательства и таким образом вернул пособия тем категориям стариков, которые были их лишены на исходе правления Ниязова в 2006 г. Этот шаг делает честь президенту. Но и он не перевешивает чашу весов в пользу подлинного реформаторства. Летом 2007 г. были отменены запреты, ограничивающие свободу внутреннего перемещения граждан по Туркменистану. Ограниченному числу государственных структур была разрешена подписка на иностранные издания.

При Бердымухаммедове Туркменистан стал более открытым для внешних контактов. Сам новый туркменский лидер многократно выезжал с вояжами за рубеж, причем в разные регионы мира. Да и в Туркменистан зачастили иностранные делегации, причем в таком количестве, что можно даже говорить о том, что Ашхабад накрыл вал дипломатической активности. Даже в такой чувствительной сфере для постсовестких автократических режимов, как внешнее наблюдение за выборами, Бердымухаммедов сделал шаг вперед: он заявил, что на декабрьские выборы парламента будут приглашены международные наблюдатели¹⁶⁷. Тем не менее уплотнение числа визитов так и не привело к качественному рывку: Туркменистан не отказался от своего нейтралитета, не вошел ни в одно объединение с обязывающим членством. Бердымухаммедов лишь ловко использовал возросший интерес к Туркменистану в традициях своего предшественника. Он продолжил играть на нескольких досках, обещая своим партнерам осчастливить каждого из них поставками туркменского газа.

Примерно с середины 2007 г. Бердымухаммедов стал явно отказываться от новаций в пользу консерватизма.

¹⁶⁷ *Независимый Туркменистан*. 29.09.2008.

В туркменские СМИ вернулось прославление безмерных талантов первого лица государства и его «многоотрудной героической подвижнической деятельности». На пропаганду уникального туркменского опыта были брошены дополнительные средства. Ролики об этом появились даже на российских телеэкранах. Новый президент решил избавить горожан от «тарелок» – антенн спутникового телевидения. Сомнительно, что при этом он руководствовался только соображениями эстетического свойства. Возобновилась практика «проектов общенационального значения». Один из последних примеров – проект туристической зоны Аваза на каспийском побережье Туркменистана. Так что решения на высшем уровне опять принимаются волей одного человека, без соответствующих проверок и расчетов.

Те положительные сдвиги в развитии Туркменистана, которые наметились при смене верховной власти, сейчас чахнут. Все отмеченные изменения не затрагивают основной парадигмы политического процесса Туркменистана в том виде, как она сформировалась в 90-х гг. прошлого века. А ведь туркменское руководство имеет огромный люфт для продолжения своей властной практики. Укрепляя тоталитарный режим в условиях благоприятной для Туркменистана конъюнктуры цен на углеводороды, власть теперь в состоянии даже пойти, при желании, на минимизацию прежних методов примитивного насилия и заменить их на более изощренные, но отнюдь не более цивилизованные методы авторитарного дирижирования.

Нынешнюю туркменскую власть ничто не побуждает проводить действительно знаковые, сущностные реформы. Давления на власть внутри страны со стороны гражданского общества и политической оппозиции нет по причине их отсутствия. Приобретенная практика общения Бердымухаммедова с политиками и чиновниками других государств показала туркменскому лидеру, что он может оставаться

в привычных рамках тоталитаризма, издавна существующего в Туркменистане, и это нисколько не будет мешать его контактам с внешним миром.

Есть и угроза того, что Бердымухаммедов может перейти к более жестким методам правления. В сентябре 2008 г. в Ашхабаде произошел серьезный вооруженный инцидент¹⁶⁸. По официальным данным туркменских властей, специальные подразделения силовых структур республики осуществили боевую операцию по ликвидации хорошо вооруженной бандитской группировки, специализировавшейся на наркоторговле. Город Ашхабад сотрясали автоматные очереди и залпы гранатометов. Эти события, особенно если они будут иметь продолжение, вполне могут быть использованы властями как предлог для усиления репрессивной политики. Тренд, пусть слабого и непоследовательного, но все же отхода от прежнего тотального монополизма может быстро угаснуть.

¹⁶⁸ *Время новостей*. 15.09.2008.

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН

Государственность

В Узбекистане институт президентства, совмещающий функции главы государства и исполнительной власти, был создан в 1990 г. Таким образом, эпоха трансформации советского периода (перестройки) завершилась в стране переходом к нациестроительству. Тем самым страна обозначила новое содержание своей долгосрочной стратегии преобразований. С первых дней независимости полномочия президента распространялись как на стратегические вопросы государственной политики, так и на относящиеся к компетенции законодательной и судебной властей. Обретение независимости в 1991 г. поставило перед Узбекистаном комплексную задачу интеграции в систему международных отношений, обозначаемую в современной литературе термином *трансформация*, в рамках которой осуществляется переход к рыночным отношениям и строительство демократической системы (скорее – системы «управляемой демократии», к которой Узбекистан подошел раньше, чем Казахстан и даже Россия).

В политической сфере этого периода наиболее выделялись феномен *деидеологизации*, внедренный во все структуры управления, и поиски решений, связанные с обеспечением безопасности, минимизацией негативного влияния межтаджикского конфликта и афганского кризиса. Во внешнеполитическом курсе этих лет также доминировала линия на укрепление суверенитета и экономической самостоятельности за счет развития связей с максимально широким кругом зарубежных партнеров – государств и международных организаций. Программные выступления лидера Узбекистана И. Каримова дают полное представление о содержании пре-

образований, концептуально закрепляющих за государством функции главного реформатора на весь переходный период. В целом деятельность правительства подчинялась триединой задаче:

- постепенный эволюционный переход к рыночному хозяйству;
- приоритет экономики над политикой;
- законопослушание и сильная социальная политика.

В качестве важнейшего условия трансформации правительство оговаривало ее поэтапность. Эта важная деталь игнорируется многими аналитиками и вместе с тем объясняет причины сложившейся к концу XX в. темпоральной асимметрии развития экономических реформ либерализующегося режима и демократических преобразований. Динамика политических изменений нарастала вслед за экономическими, соответственно менялись правовые рамки деятельности. Однако их формирование и реализация, со временем все более зависимые от возрастающего влияния международных процессов и направленности национальных стратегий внешних акторов, становились более эклектичными и ситуативными.

Адаптация Узбекистана к роли субъекта мировой политики происходила и происходит под жестким контролем мирового сообщества. Парадоксальность сложившейся ситуации, охарактеризованной Р. Легволдом как пребывание великих держав после развала СССР «в растерянности, не зная, что делать с обширным пространством бывшего Советского Союза»¹⁶⁹, существенно усложнила поступательный ход программы укрепления *независимости*, чем, в первую очередь, мотивировались действия и поведение узбекистанской власти и общества.

¹⁶⁹ Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / Под ред. Р. Легволда; пер. с англ. М.: Интердиалект+, 2004. С. 1.

Следует отметить, что свои интересы с новой республикой связывали не только ведущие страны мира, но и ее региональные соседи. Не только государства и межправительственные международные организации, но и все сообщество международных акторов включая религиозные центры, транснациональные компании и неправительственные объединения. Таким образом, Узбекистану с большим или меньшим успехом предстояло не просто реализовывать национальные политико-экономические программы, невозможные в условиях перехода к новой реальности без внешней партнерской поддержки, а доказывать, и порой в весьма непростой обстановке, реальность своего самоопределения.

Наиболее сильный акцент во внешних оценках трансформации Узбекистана, как правило, связан с проблемами безопасности, которые в рассматриваемый период в целом приобрели значение центральной концепции развития международных отношений. Геополитическое положение Узбекистана, его историческая близость к чувствительным точкам мировой политики, а также специфика не имеющего исторического прецедента перехода от социализма к капитализму, обусловили появление интерпретативной литературы, помогающей лучше понять особенность происходящего, но, к сожалению, чаще всего противоречащей своей основной функции – обеспечивать коммуникацию между сообществами.

«Осевое» географическое расположение в Центральной Азии способствовало формированию в аналитическом сообществе восприятия Узбекистана как ключевого игрока в регионе (П. Кеннеди), что дополнялось спецификой стратегических оценок, адаптированных к кардинальным изменениям международной обстановки с точки зрения безопасности.

Пример Узбекистана показывает, что литература, затрагивающая национальное и международное развитие, заключая их в рамки обеспечения безопасности, лишь в редких случаях рассматривает нациестроительство как самостоя-

тельный объект, уступая его «законное» место политическим интересам определенных акторов и групп, отклонение от целей которых выдается за анализ местной ситуации. В отсутствии консенсуальных критериев трансформации международное сообщество оперирует вариантами линейных рейтингов, разрабатываемых концептуально объединенными аналитиками на основе одного показателя – личных убеждений. Споры об особенностях политики безопасности как внутри страны, так и между соседними государствами ни разу не ответили на вопрос, как, впрочем, и не поставили его: идет ли строящееся государство к реальному суверенитету или оно становится зависимым от политических нюансов внешней среды? Это выявило склонность современной аналитической литературы к подмене системных критериев субъективными выводами. Вводя шкалу оценок так называемых «новых угроз», а вместе с ней и архетип глобальности в специфику региона и Узбекистана в частности, за основу анализа чаще всего берутся субъективные суждения, сложившиеся в доглобальный период. Тем самым достигается прекрасно описанный У. Бекон¹⁷⁰ эффект нагруженности регионального измерения социальными, этническими и межгосударственными конфликтами.

В то время как национальные приоритеты Узбекистана группировались вокруг демократизации и экономических реформ, в ходе которых намечалась основа интеграции в мировой рынок и систему международных политических отношений, внешняя среда, характеризующаяся процессом «совмещения несовместимостей» (У. Бек) либерализма и реализма, выдвинула в качестве первоочередной задачи трансформации создание в Центральной Азии региональной системы безопасности. При этом *региональность* получила системное значение. Поэтому приоритеты национального

¹⁷⁰ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 80.

развития у международных акторов не могли найти должного отклика. Это привело к тому, что критика результатов преобразований перешла в критику намерений. Так, обобщая постсоветское развитие центральноазиатских государств, Р. Аллисон в 2005 г. указывал на то, что многосторонние региональные проекты вошли в противоречие с сильными президентскими или авторитарными режимами. По его мнению, отмеченное является свидетельством опасений власти, «как бы структуры регионального сотрудничества не оказались структурами регионального вмешательства в дела своей страны»¹⁷¹. Однако может ли регионализация, многие процессы которой связаны с организацией трансграничного сотрудничества, опережать процесс государственного строительства?

Между тем создание «самодостаточного государства»¹⁷², курс на которое был подтвержден узбекским руководством к концу 1990-х гг., встретил сильную оппозицию не только в развитых странах. Политика модернизации в целом и предпринимаемые в ее рамках усилия по либерализации экономики, являющиеся, без сомнения, ядром всего комплекса узбекистанских реформ, вступили в противоречие с планами активистов исламского возрождения как внутри страны, так и за ее пределами. Декларируемый ими халифат в своем пространственном значении нацелен на гомогенизацию неоднородного в социокультурном отношении центральноазиатского общества и по сути имеет в виду конструкцию *теократической наднациональности*. Категория наднациональности и примеряет современный либерализм с постулатами исламизма, невольно превращая

¹⁷¹ Аллисон Р. Центральная Азия и Закавказье: региональное сотрудничество и фактор Российской политики. Рабочие материалы. № 10. М.: Московский центр Карнеги, 2004. С. 13.

¹⁷² Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М.: Вагриус, 2001.

их сторонников на короткий исторический промежуток в партнеров трансформации по западной модели. Однако, как показали майские события 2005 г. в Андижане, несмотря на всю значимость исламского возрождения в социально-политических процессах республики, сторонники исламской идеи наднациональной консолидации не стали в Узбекистане преобладающим общественным и политическим движением. Вместе с тем нельзя не отметить, что в подавляющем большинстве зарубежных центральноазиатских исследований до сих пор не преодолено заблуждение относительно действительной роли ислама в Центральной Азии, которую необходимо оценивать комплексно.

Узбекистан ведет борьбу с религиозными экстремистами фактически всю свою небольшую историю построения независимого государства. Первые организации подобного типа начали проявлять себя в республике уже в начале 1990-х гг. Основным местом приложения религиозной оппозиции – акромидов, «Адолат», «Ислом лашкарлари», «Таблих», «Товба», «Нур», а позже и «Хизб ут-Тахрир» – были избраны села и города Ферганской долины, куда в первые же месяцы независимости (легально и неофициально) хлынул поток миссионеров. Эти разные по названиям организации были едиными в своей цели – создать теократическое наднациональное пространство.

Как правило, в современных анализах ферганских событий наблюдатели делают упор на экономической составляющей кризиса. Признавая влияние экономических факторов, мы исходим из того, что они выполняют роль дополнительных инструментов развития конфликта, которые могут быстро убедить население в неспособности официальной власти поддерживать достойный жизненный уровень. Однако, как указывает Э.М. Байлоуни, «тот факт, что для организации движений необходимы значительные ресурсы и сети, вступает в противоречие с объяснениями исламизма,

основанными на экономических лишениях»¹⁷³. Их лидеры, подчеркивает автор, «обычно приходят из относительно привилегированных социальных групп»¹⁷⁴.

Парадокс заключался в том, что в «ферганском вопросе» узбекскому правительству пришлось бороться не только с подпольной и к 1998 г. вооруженной оппозицией, раскинувшей свою сеть в районах всего Ферганского ареала, но и отстаивать легитимность своей борьбы за сохранение конституционного строя в международной среде. Если учесть, что действия оппозиции оказались под защитой некоторых кругов международного сообщества, что особенно четко отразилось в дни андижанских испытаний, а также крупнейшей международной террористической организации «Аль-Каиды», то, по-видимому, предположения о непрочности и эфемерности узбекистанской государственности следует признать недействительными.

В то же время, если добиваться наиболее ясного представления о содержании трансформации политической системы Узбекистана, то ее нельзя сводить, как это подчеркивает в своих рекомендациях по демократизации С. Хантингтон, к качеству организации выборов¹⁷⁵. В таком понимании трансформация, а вместе с ней и вся гамма демократических преобразований превращается в процедуру стандартизации правил голосования, для формального соблюдения которых, кстати, не так уж и важны экономические показатели, культурная специфика, религиозная ситуация и др.

Бросается в глаза, что большинство оценок касательно трансформации Узбекистана формируется с учетом «фер-

¹⁷³ Байлоуни Э.М. Эмоции, бедность или политика? Неправильные представления об исламистских движениях // Взаимосвязи (Консорциум «Партнерство ради мира» военных академий и институтов по изучению вопросов безопасности. Т. Ш. № 1. 2004. С. 52.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

ганского фактора». Как правило, ситуация в Ферганской долине интерпретируется как оппозиционная официальной власти, а действия правительства в этом регионе в западных аналитических обзорах подвергаются особенно жесткой критике. Отмеченное может иметь методологическое значение: Фергана является ключевым элементом интерпретаций, своеобразной матрицей языка описания, использующей оценочные напластования, многие из которых берут свое начало в европоцентристских и советологических концепциях о Средней Азии и, следовательно, не свободны от субъективных предпочтений и культурных дифференциаций.

Отметим, что первое массовое выступление в рамках действующей политической системы было организовано ферганской партией «Адолат» в 1991 г. в Намангане. Этому предшествовал получивший мировой резонанс этнический конфликт в Фергане в канун развала СССР. Несколько позже еще один удар по светским режимам Киргизии и Узбекистана был нанесен в Оше. Летом 2000 г. боевики Исламского движения Узбекистана через киргизский Баткен (Южная Фергана) предприняли акцию прорыва внутрь долины, восполняя ее неудачу менее масштабными операциями в последующие несколько лет. Наконец в 2005 г. в Андижане был организован вооруженный мятеж членами подпольной группировки «Акримийя». Таким образом, подавляющее большинство конфликтов, в которых оппозиция применила методы вооруженной борьбы, а власти для их разрешения использовали свой силовой ресурс, произошли именно в Ферганской долине.

Немаловажным является и то, что узбекскую радикальную оппозицию воодушевляла ведущаяся в 1991–1992 гг. в Таджикистане (в том числе и на его ферганских территориях) война. Позже выяснится, что таджикские и узбекские экстремисты имели идеологические и финансовые связи с чеченскими и афганскими боевиками, а также другими

центрами международного терроризма. Однако с середины 1990-х гг. события в Таджикистане приняли мирный оборот, а в Узбекистане действующая власть оказалась сильнее, чем предполагали стратеги экстремизма.

В 1993–1998 гг. движения потерпевших поражение, но не сдавшихся оппозиционеров трансформировались в подпольные организации радикального толка, ряды которых пополнились не только за счет международных террористов, но и активистами запрещенных к этому времени в Узбекистане светских оппозиционных партий «Эрк» и «Бирлик».

Дальнейшие события (особенно в Андижане) показывают, что Ферганский оазис имеет для экстремистов стратегическое значение. Действительно, если сравнивать историю развития локальных религиозных течений, то они представляют собой классически полный цикл эволюции политеизма в монотеизм. История религий свидетельствует, что здесь в разное время и с разной степенью влияния соседствовали зороастризм, буддизм, христианство и ислам. По сей день в Ферганской долине сильны традиции народных культов, о чем свидетельствуют функционирующие места поклонений. Ее история в географическом пространстве региона практически не оставляет сомнения, что «ферганские бунты» имеют характер проявления «третьей» силы, наличие которой, как указывал А. Тойнби, всегда обнаруживается в переломный момент. Современные исследования феномена исламизма углубляют этот вывод значительной для нашего анализа трансформации деталью: «варьирование экономических обстоятельств по регионам и временным периодам не имеет четких параллелей с возникновением восстаний и движений протеста»¹⁷⁶.

В этом смысле уже не кажется удивительным то, что примерно такие же события разворачивались в этой местно-

¹⁷⁶ Байлоуни Э.М. Указ. соч. С. 50.

сти по меньшей мере трижды в течение XX в.: при царском режиме, в начальный советский период и в годы национально-строительства в Узбекистане. Учитывая нетождественность трех политических систем, остается проанализировать исторические факты.

Геополитическое значение Ферганы подчеркнуто К. Хаусхофером¹⁷⁷ в его трудах по исследованию феномена границ в мировой политике. Как оказалось, Фергана и примыкающие к ней районы входят в мировой список так называемых «геополитических защитных препятствий» наряду со Швейцарией, Андоррой, Сан-Марино, Бутаном, Непалом и др. Социогеография трансграничного ареала, стыкующего Таджикистан, Киргизию и Узбекистан, создает пространство перехода от религиозной к светской форме общественного сознания и наоборот. Материал для размышлений добавляет история Кашмира, Кавказа и Тибета, где выделяется геополитическая связь между *горным фактором* и развитием этнорелигиозных конфликтов.

Анализируя содержание региональных проектов для Центральной Азии, нельзя пройти мимо их географических «указателей», неизменно направленных на «пересечение границ», что по сути и закрепляет центральноазиатскую трансформацию как проблему международных отношений. Так, например, Ш. Гарнетт уверен, что «Центральная Азия становится северным квадрантом исламского мира, простирающимся от Марокко до Филиппин» и на этом основании должна быть переименована во Внутреннюю Азию¹⁷⁸. Ф. Старр предлагает постсоветской Центральной Азии присоединиться к Афганистану и стать Большой Центральной

¹⁷⁷ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

¹⁷⁸ Стратегические перспективы: ведущие державы, Казахстан и центральноазиатский узел / Под ред. Р. Легволда / Пер. с англ. М.: Интердиалект+, 2004.

Азией, чтобы соответствовать новой картографии Министерства обороны США¹⁷⁹. В Европейском Союзе центральноазиатский регионализм рассматривается в рамках культурных и религиозных особенностей населяющих его народов. В то же время инициированные локальными игроками межгосударственные объединения с экономическими и экологическими целями (ЦАЭС, ОЦАС, Фонд по спасению Арала и т.д.), не смогли превратиться в эффективные механизмы региональной интеграции и укрепления суверенитетов.

В 2001 г., по мнению А. Бор, региональная ситуация стала более очевидной. Узбекистан, приобретая черты стратегического партнера США и осуществляя в силу сложившихся обстоятельств в Афганистане модернизацию своих вооруженных сил, получил шанс трансформироваться в «регионального гегемона»¹⁸⁰. Однако интеграционные усилия экономического характера стран Центральной Азии включая Узбекистан оценивались экспертами не иначе как «попытки бедных государств объединиться для того, чтобы, действуя совместно на международной арене, привлечь к себе большее внимание».

Эти выводы помогают понять ожидания международного сообщества и причины его беспокойства результатами институционализации региональных связей, которым, по-видимому, отведена особая роль в условиях ожидания новой реальности.

В то же время экономическая платформа является наиболее прагматичной частью внешнеполитического курса Узбекистана. Поэтому, направляя свои усилия на установление крепких торговых взаимоотношений в рамках двусторонних отношений, Узбекистан исходит из ограниченно-

¹⁷⁹ Смарр Ф. Партнерство для Центральной Азии // Россия в глобальной политике, 2005. Т. 3. № 4. С. 72–88.

¹⁸⁰ *International Affairs*. Vol. 80. May 2004.

сти центральноазиатского рынка в плане ассортимента и его зависимости от транзита через третьи страны. К решению этих проблем правительство подходит комплексно: инвестируя в строительство коммуникаций, обеспечивающих доступ к индустриализованным рынкам, заключая двусторонние торговые соглашения, вступая в региональные организации, развивающие экономическое направление, стремясь поддерживать баланс между экспортом и импортом продукции производственных сетей.

Экономика

После обретения независимости в декабре 1991 г. правительство не сразу отказалось от механизмов плановой экономической системы (советская модель) – широкого набора дотаций социального государства и жесткого контроля производства и ценообразования. Республика не имела ни опыта, ни специалистов для стремительного перехода к рыночной демократии. Польские и российские методы «шоковой» терапии в Узбекистане были признаны негодными. Одной из причин явилась необычная демографическая ситуация в стране.

Узбекистан – самая густонаселенная республика в Центральной Азии. Численность его населения, достигшая в 2005 г. 25,2 млн. человек¹⁸¹, в 1991 г. превысила 21 миллион. Половина населения республики – эта ситуация сохраняется – дети, не достигшие 18 лет. Однако условия интеграции в международную среду, с одной стороны, признаки надвигающегося экономического неблагополучия – с *дру-

¹⁸¹ Численность постоянного населения Узбекистана, по данным на 1 июля 2008 г., составила 27,3 млн. человек. При этом число граждан младше 15 лет составило 35%, старше 65 лет – 5%.

гой, высокий уровень инфляции, с третьей, вынуждали динамизировать хозяйственные реформы и поиск внешних финансовых источников. В середине 1994 г. было положено начало осуществлению либерализации национальной экономики, выразившейся в проведении более жесткой денежной политики, приватизации, уменьшении роли государства в экономике и улучшении условий для деятельности иностранных инвесторов. Однако государство сохранило доминирующие позиции, и реформы не привели к резким структурным изменениям. В конце 1996 г. МВФ, недовольный глубиной и качеством либерализации, временно приостановил действие кредитной линии, открытой фондом в размере 185 млн. дол. США в целях поддержания стабильности местной валюты. Несмотря на то, что решение МВФ нанесло ощутимый удар по международному имиджу и внешнеэкономическим связям Узбекистана, правительство сохранило приверженность собственному стратегическому курсу, балансируя его мерами для преодоления кризиса отношений с МВФ. Вместе с тем был ужесточен экспортный и валютный контроль, отразивший национальную реакцию на негативные условия, сложившиеся на глобальном уровне вследствие азиатского и российского кризисов. Стремление обезопасить внутренний рынок – как главная цель экономической политики – по оценкам наблюдателей, не привело к желаемым положительным сдвигам ни в тот период, ни позже. Однако такие оценки назвать исчерпывающими нельзя.

Несмотря на то, что в заключениях зарубежных экспертов, как правило, преобладают негативные оттенки, Узбекистан первым в СНГ (2000 г.) преодолел «докризисный» показатель ВВП, превысив его на 10%. Этот показатель свидетельствует, что политический режим сумел преодолеть отрицательность исходных условий экономической трансформации. В более широком смысле демонстрируемый рост местной экономики может стать основой рефлексии о взаи-

моотношениях трансформации и процесса создания национального государства.

Республика располагает стратегическими минерально-сырьевыми ресурсами: нефтью и газом, рудами черных, цветных и драгоценных металлов. Общий минерально-сырьевой потенциал страны оценивается в 3,3 трлн. дол. Ежегодно из недр республики извлекаются полезные ископаемые на сумму порядка 95.5 млрд. сум (примерно 900 млн. дол.), прирост запасов составляет порядка 6–7 млрд. дол. На долю Узбекистана приходится 74% запасов газового конденсата, 31% нефти, 40% природного газа и 55% угля, 14% потенциальных гидроэнергоресурсов от общего объема энергоресурсов всего региона Центральной Азии. Разведанные запасы природного газа составляют около 2 трлн. куб. м, угля – свыше 2 млрд. т, нефти – 35 млн. По размерам добычи природного газа страна занимает третье место в СНГ и входит в первую десятку крупнейших газодобывающих стран мира.

Узбекистан известен также своими запасами и добычей драгоценных и редкоземельных металлов – золота, серебра, урана и др. По объему производства золота страна на втором месте в СНГ, восьмом – в мире и пятом – по его производству на душу населения. Качество узбекского золота соответствует мировым стандартам. Значительными признаны запасы меди, свинца, цинка, молибдена, вольфрама, лития, неметаллургического сырья (каолин, плавиковый и полевой шпат, кварцевые пески, фосфориты и др.). Они служат для производства минеральных удобрений, фарфорофаянсовых изделий и другой продукции, конкурентоспособной на внутреннем и внешнем рынках.

Узбекистан является основным производителем хлопка и поставщиком продуктов его переработки в СНГ. Страна занимает пятое место в мире по производству хлопка и второе – по его экспорту.

Свыше половины валютных поступлений и 70% внутреннего оборота обеспечивает сельскохозяйственная продук-

ция. Повсеместно выращиваются рис, пшеница и другие зерновые. В СНГ страна производит 50% коконов, 30% каракуля.

Большинство сельскохозяйственных угодий заняты хлопковыми культурами. Вместе с тем для земледелия используется всего 10% территории.

В республике большое внимание уделяется строительству коммуникаций. Действует 70 тысяч шоссейных дорог, 250 км нефте- и 800 км газопроводов.

Подписаны соглашения о предоставлении режима наибольшего благоприятствования с 38-ю странами. Приоритетными направлениями привлечения ПИИ являются:

- добыча и производство основных видов углеводородного сырья, повышение конкурентоспособности топливно-энергетической продукции на внешних рынках, расширение проведения геологоразведочных и поисковых работ по определению новых залежей нефти и газа; развитие научно-технического прогресса и внедрение ресурсосберегающих технологий;

- производство золота, серебра, меди, других видов цветных и редких металлов;

- переработка хлопка и шелка, производство пряжи, тканей, трикотажного полотна, швейных, трикотажных и ковровых изделий, готовой одежды, пользующихся повышенным спросом на внешнем и внутреннем рынках;

- развитие телекоммуникаций, организация высокотехнологических производств, в том числе в электронной и электротехнической промышленности, развитие информационных технологий и производства программных продуктов;

- развитие строительной индустрии, обеспечение потребности капитального строительства высококачественными строительными материалами и оборудованием;

- развитие агропромышленной индустрии, переработка сельскохозяйственной продукции;

- модернизация и развитие транспортной инфраструктуры, строительство новых транспортных коридоров, модернизация и технологическое оснащение региональных аэропортов;
- развитие малого и среднего бизнеса.

Общая макроэкономическая ситуация

В 2007 г. экономика Узбекистана продолжала демонстрировать высокие устойчивые темпы роста и макроэкономическую стабильность. Наблюдалась положительная динамика практически всех макроэкономических индикаторов. Внутренний валовой продукт на конец года по сравнению с аналогичным периодом 2006 г. вырос на 9,5%, что достигнуто на счет роста всех составляющих ВВП. Так, объем промышленной продукции увеличился на 12,1%, валовая продукция сельского хозяйства выросла на 6,1%, положительное сальдо внешнеторгового оборота превысило 3,5 млрд. дол. Государственный бюджет исполнен с профицитом в 1,1% к ВВП. Жесткая денежно-кредитная политика обеспечила сдерживание инфляции, в результате индекс потребительских цен по итогам года составил 6,8%.

Таблица 3.

Ключевые экономические показатели Узбекистана (2000–2007) в % к предыдущему году

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Промышленное производство	105,90	107,60	108,30	106,00	109,40	107,20	110,80	112,10
Сельскохозяйственное производство	103,10	104,20	106,00	107,30	108,90	106,20	106,20	106,10

...окончание таблицы 3

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Инвестиции в основной капитал	100,90	104,00	103,80	104,80	107,30	105,70	111,40	122,90
Инфляция (ИПЦ)	24,90	27,40	27,60	10,30	1,60	6,40	6,80	6,80
Сальдо внешне-торгового оборота (млн. дол.)	317,30	33,50	276,40	760,80	1037,00	1317,50	1988,30	3500,00
Уровень исполнения государственного бюджета (в % к ВВП)	-1,00	-1,00	-0,80	-0,40	-0,40	0,10	0,50	1,10
Курс сум./дол. (на конец периода)	320,90	685,00	939,10	978,80	1052,45	1174,02	1240,00	1290,00

Источник: Государственный комитет РУз по статистике.

В отраслевой структуре ВВП доля промышленности достигла 25%, удельный вес сферы услуг оставил 43%, малого бизнеса – 46%¹⁸².

Промышленность. Доля промышленности в ВВП в 2007 г. достигла 25%, а увеличение объемов промышленного производства составило 12,1%.

Динамично развивались такие секторы, как машиностроение и металлообработка (объем продукции увеличился на 28,1%), химическая и нефтехимическая (18%), строительные материалы (14,2%), пищевая промышленность (12,2%), легкая промышленность (11,2%), топливная промышленность (10,1%), черная металлургия (9,6%). Рост производства потребительских товаров составил 18,8%, в том числе производство продовольственных товаров увеличилось на 13,2%, непродовольственных – на 22,5%.

¹⁸² Султанова Л., Гайсина А. Республика Узбекистан. Экономика // Центральная Евразия 2007. Аналитический ежегодник. Швеция: СА& СС Press, 2008.С. 330.

Сельское хозяйство. Рост валовой продукции сельского хозяйства составил 6,2%. Важным фактором роста стало совершенствование механизма финансирования расходов производителей сельхозпродукции для государственных нужд, улучшение материально-технической базы аграрного сектора и обслуживающих его предприятий.

В республике функционируют более 200 тыс. фермерских хозяйств, в которых работают 1,6 млн. чел., около 90% всех занятых в отрасли, за ними закреплено около 85% всех посевных площадей. Доля фермерских хозяйств в производстве хлопка составила почти 99%, в производстве зерна – 82%. На долю фермерских и дехканских хозяйств приходится около 94% производимой в республике сельскохозяйственной продукции.

Определяющим фактором интенсивного развития сельского хозяйства является улучшение мелиоративного состояния земель, повышение их плодородия. Около 8% орошаемых земель относятся к неблагоприятным в мелиоративном отношении (с высоким уровнем засоленности почв и залегания грунтовых вод)¹⁸³.

Основные социальные индикаторы. В целом (с учетом хозяйствующих субъектов и бюджетной сферы) среднемесячная заработная плата составила в декабре 2007 г. в эквиваленте 210 дол. В результате введения с 2006 г. более совершенной системы оплаты труда учителей общеобразовательных школ и врачей, исключаящей уравнивательные подходы при оценке их труда, размеры их заработной платы за последние два года увеличилась соответственно в 2,8 и 2,7 раза.

В 2007 г. создано дополнительно свыше 630 тыс. новых рабочих мест, почти две трети которых – в сельской местности. Около 65% вновь введенных рабочих мест приходится на долю малого предпринимательства и сферы услуг, свыше 20% – на сферу надомного труда. Предпринимаемые

¹⁸³ Султанова Л., Гайсина А. Указ.соч. С. 336, 337.

кардинальные меры по созданию новых рабочих мест позволили на конец года сократить численность незанятого трудоспособного населения до 5%¹⁸⁴.

С каждым новым этапом реформирования в Узбекистане проблемы, стоящие перед экономикой страны, усложняются. Если раньше на первое место выдвигались задачи ускоренного преобразования структуры собственности, сохранения макроэкономической стабильности и достижения высоких темпов экономического роста, создания институциональной структуры рынка, то ныне все острее стоит вопрос о качественных преобразованиях. Интерес инвесторов к Узбекистану во многом обусловлен его богатыми сырьевыми ресурсами, и ему необходимо предпринять усилия, чтобы не стать сырьевым придатком мировых экономических лидеров.

Политическая система

Политические процессы в Узбекистане, как и на всем постсоветском пространстве, развиваются в условиях направленного воздействия внешних факторов. Вместе с тем они имеют собственную специфику.

В последние годы технологии формирования политической элиты в Узбекистане существенно обновились. В сравнении с 1990–2000 гг. ее этнический состав менее однороден и лишь частично сохраняет клановый характер. Последующие события показали, что клановый принцип распределения власти, обеспечивавший равновесие политической системы в советскую эпоху, себя исчерпал. В настоящий момент в Узбекистане наблюдается формирование функциональных политических группировок, каждая из которых опирается на собственные ресурсы.

¹⁸⁴ Султанова Л., Гайсина А. Указ.соч. С. 341.

Политическая весомость групп не равнозначна, а влияние распределено по сферам и не является абсолютным, так как надклановый характер президентской власти позволяет осуществлять кадровый менеджмент, ограничивая активность оппозиционных сил и лагеря своих сторонников. Нейтрализации клановых отношений в политике не в последнюю очередь способствовала опасность их распространения на армию и в самой армии, состав которой за годы независимости существенно изменился.

Повестка глобальных угроз и так называемая «дилемма безопасности» требуют от современного государства сочетания национальных ресурсов обеспечения безопасности с широкими мерами, представляемыми многосторонними структурами. Не возобновив в 1997 г. свое членство в Договоре о коллективной безопасности СНГ, Узбекистан в эти годы активизировал свое участие в программе «Партнерство ради мира» НАТО и вступил в ГУУАМ, патронируемый международным сообществом. Однако резкая критика правительственного курса в государствах-членах НАТО создала ситуацию неопределенности и отодвигала перспективу решения афганского конфликта, превращая очаги напряженности на границах с Афганистаном в реальные угрозы национальной безопасности Узбекистана.

В 2000 г., после вторжения отрядов базировавшегося в Афганистане Исламского движения Узбекистана в районы Ферганской долины, связь талибов и исламских радикалов в Центральной Азии стала очевидной для всех. Формирование региональных связей негативного характера – сеть исламистских групп в Центральной Азии, Афганистане, Пакистане, Чечне, Сынцзяне – потребовало от Узбекистана участия в Шанхайской организации сотрудничества. В то же время в 2002 г. Узбекистан сначала приостановил свое участие в ГУУАМ, а в 2004 г. вышел из этого объединения, оценив его как неэффективное. В 2006 г. Узбекистан вер-

нулся в ОДКБ. В 2006 г. он вступил в экономическое сообщество ЕврАзЭС, а в ноябре 2008 г. вышел из него.

Анализируя «список» региональных организаций, участником которых является Узбекистан, следует отметить, что он показывает интересную, на наш взгляд, деталь – принятие свободного от идеологических предпочтений решения. Стратегические отношения с Россией, в первую очередь, определяются конъюнктурными соображениями, и по мере изменения подхода Запада к Узбекистану, последний изменяет и вектор своей внешней политики.

Вооруженные силы Узбекистана, как и многие институты государственности, были созданы в годы независимости. Гражданская война в Таджикистане и афганский конфликт наложили свой отпечаток на развитие военной сферы. Разочарованный неэффективностью военных структур СНГ в решении этих кризисов Узбекистан сделал расчет на развитие национальных вооруженных сил, дополняя его взвешенным участием в многосторонних структурах в области обороны и безопасности.

Эксперты не единодушны в своих оценках состояния вооруженных сил Узбекистана. Вместе с тем они признают, что эта страна располагает самой большой по численности в регионе армией, обладающей определенным боевым опытом и современным оружием. Реформа вооруженных сил Узбекистана, активизировавшаяся по известным причинам в 2000 г., отражает сложную, не имеющую аналогов для местной практики управления, ситуацию.

Политические партии и движения

Начало второго десятилетия независимости отмечено инициативами по ограничению президентской власти. В конце 2001 г. в Узбекистане началась реформа системы

исполнительной власти, предусматривающий пересмотр сложившегося порядка распределения властных функций: часть полномочий президента перешла к Кабинету Министров, формирование состава которого становится функцией законодательных органов. В связи с этим были внесены изменения в конституцию страны и принят закон «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» в новой редакции, которые закрепили за парламентом полномочия по рассмотрению кандидатуры премьер-министра и назначению его. Указанные нововведения могут в перспективе привести к кардинальным изменениям существующей политической системы и трансформации иерархии управленческих структур, параллельно которой, но значительно опережая ее, развивается процесс становления многопартийной системы в Узбекистане, которая, как и в других республиках региона, по понятным причинам является во многом формальной. Трудности партийного строительства обусловлены следующими обстоятельствами:

- отсутствием традиций функционирования многопартийной системы;
- невысокой степенью осознания различными слоями и группами общества своих интересов, слабым гражданским обществом;
- ограничениями политического плюрализма со стороны власти.

Эти обстоятельства приводят к:

- ограниченности сферы влияния политических и общественных организаций крупными городскими центрами, прежде всего столицей;
- схожести программных установок и принципов деятельности официально зарегистрированных партий, что затрудняет их идентификацию и типологию;
- вытеснению оппозиционных сил во внесистемное политическое поле.

Представители пяти зарегистрированных в Министерстве юстиции политических партий – Социал-демократической партии Узбекистана “Адолат”, Демократической партии Узбекистана “Миллий тикланиш”, Движения предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократической партии Узбекистана, Национально-демократической партии Узбекистана “Фидокорлар” и Народно-демократической партии Узбекистана – составляют практически полностью всю нижнюю палату узбекского парламента.

Некоторые эксперты полагают, что указанные политические партии в Узбекистане в силу переживаемого транзитного периода еще только учатся аккумулировать настроения в обществе в цельные программные установки, претворять в жизнь положения предвыборных платформ и, как следствие, формировать стойкий электорат. Однако доминирующим в оценках экспертов является мнение, что партийные политики в Узбекистане трудно различимы. В отношениях с исполнительной властью партии позиционируются как проправительственные, а иногда даже как пропрезидентские. По-видимому, этим и объясняется то обстоятельство, что за все время существования политических партий не было ни одного случая, чтобы какой-либо законопроект, выдвигаемый исполнительной властью, был забаллотирован парламентом или имел какие-то трудности при его прохождении. С другой стороны, лидеры партий, созданных в Узбекистане в период независимости, не входили в партийную номенклатуру предшествовавшего периода. И им предстоит пройти свои институты публичной политики.

Немаловажным фактом является то, что члены партии, являющиеся одновременно депутатами Законодательной палаты, занимают ответственные посты на различных уровнях исполнительной власти. Это позволяет центру контролировать политические партии. Не отличающаяся

богатством содержания партийная система Узбекистана четко структурирована. И в этом смысле может проиллюстрировать общественные представления о социальном составе современного Узбекистана и векторах политической перспективы.

Социал-демократическая партия «Адолат», насчитывающая в своих рядах 50 108 человек, создана в 1995 г. по инициативе 48 депутатов, прошедших в парламент по списку представительных органов власти. Партия выступает с активных реформаторских позиций «цивилизованных рыночников», делает упор на социальную демократию в союзе с государством-реформатором. Свои главные цели партия видит в деятельности по обеспечению социальной интеграции, налаживанию связей между различными слоями населения, государственными и общественными институтами. Определяя свою роль в национальной стратегии развития, партия «Адолат» обозначила себя как лидера экономических преобразований на селе. Ее опорой являются дехкане. Партия поддерживает идеи мирного сосуществования со всеми государствами, народами, и установления взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности.

Национально-демократическая партия «Фидокорлар» (НДПФ) основана в 1999 г. В настоящее время ее численный состав превышает 60 тыс. человек. Целями партии являются: формирование свободной рыночной экономики, строительство демократического государства, обеспечение прогрессивного развития республики, повышение уровня жизни народа Узбекистана, обеспечение республике достойного места в мировом сообществе, формирование соответствующего отношения молодежи к национальной идеологии и национальной идее, сознательного восприятия ею идеи национальной независимости.

НДПФ выступает за проведение правовых реформ, особенно в части защиты прав граждан в судебных органах,

в частности: обеспечение полной независимости судей, усиление правозащитной роли адвокатуры, защита деятельности судебных органов от вмешательства со стороны государственных и исполнительных учреждений.

Партия считает, что одним из главных направлений в реализации тезиса «сильное государство – сильное гражданское общество» должна стать постепенная передача полномочий хокимиятов органам местного самоуправления и НПО.

Национальное возрождение демократическим путем в условиях перехода к рыночной экономике – такова основная идея партии национального возрождения «Миллий тикланиш», созданной в 1995 г. К настоящему времени число ее членов достигло 50 тысяч. Ядром «Миллий тикланиш» является интеллигенция.

В политической программе партии сформулированы приоритеты национального возрождения: духовное единство нации, национальный прогресс, сильное демократическое государство, национальные ценности, научно-технический прогресс и интеграция в мировое сообщество.

Своей важнейшей задачей партия считает углубление и развитие процессов национального строительства общества, формирование национального самосознания, становление идеологии национальной независимости как общего мировоззрения народа. В своей деятельности «Миллий тикланиш» ищет единомышленников в средних слоях собственников, рабочих и служащих, работающих в сфере современных технологий.

Партия исходит из того, что источником совершенствования и благосостояния нации являются частная собственность, свободное предпринимательство, частный бизнес, грамотная налоговая политика, способная создать условия для развития экономики.

В целях перехода к свободной и демократической экономике партия нацеливается на создание для деятельности

фермеров и бизнесменов свободного экономического пространства, делает попытки предпринять меры по развитию среднего и малого бизнеса, укреплению среднего слоя населения как основы общества.

Появившееся в 2003 г. Движение предпринимателей и деловых людей – одно из самых молодых и многочисленных политических объединений Узбекистана, охватывающее более 140 тыс. человек. Его программа составлена достаточно амбициозно и акцентирует приверженность либеральным идеям. Либерально-демократическая партия Узбекистана видит себя политической силой, способной не только эффективно защищать интересы узбекского бизнес-сообщества, но и привлечь к реализации стратегических перспектив другие партии страны. Девиз партии: «Один предприимчивый, мужественный, энергичный, решительный деловой и бдительный человек лучше тысяч и тысяч ленивых, равнодушных людей».

Узбекские либералы в числе приоритетов обозначили обеспечение своего участия в управлении государством. В программе партии особо выделена деятельность по пропаганде либерально-демократических идей и ценностей, стремление отстаивать независимость, духовные ценности, национальные и религиозные традиции и обычаи своего народа, уважать интересы других наций и народностей, бороться против попыток ущемления их интересов.

Народно-демократическая партия Узбекистана (НДПУ) возникла в 1991 г., в первые месяцы обретения независимости. В ее рядах состоит свыше полумиллиона узбекистанцев. Она располагает самым большим количеством мест в Олий Мажлисе (парламенте). Цели партии – материальное и духовное благополучие человека труда и каждой семьи, обеспечение равных возможностей, гарантии конституционных прав и гражданских свобод, защита чести и достоинства, мирной жизни людей, независимо от их национальной

принадлежности, общественного положения, происхождения, вероисповедания и убеждений, создание общества справедливости.

В вопросах государственного строительства НДПУ выступает за правовое государство, в котором демократия и законность обеспечиваются разделением государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

В экономической сфере партия борется за многоукладную экономику и рыночные отношения, расширение сферы действия частной собственности, но при сохранении ведущих позиций государственной собственности в базисных отраслях промышленности.

Аграрная политика НДПУ формулируется вокруг принципа передачи земли в аренду или бессрочное личное пользование и владение с правом наследования.

В социальной сфере партия проводит работу, направленную на обеспечение достойного уровня жизни людей, их социальную защищенность методом исключения со стороны государственных органов обогащения одних слоев населения за счет обнищания других, через налоговую политику, льготы, целевые инвестиции и другие экономические рычаги.

Партия выступает против наметившегося процесса коммерциализации искусства и культуры, самоизоляции от общечеловеческого культурного наследия.

Оппозиционные политические объединения Узбекистана, такие как «Бирлик», «Эрк», Исламское движение Узбекистана запрещены. По существующим в Узбекистане оценкам, такие меры были предприняты вынужденно, так как в своей деятельности обе партии оказались связанными с движениями и лидерами радикальных исламистов. На начальном этапе «Бирлик» и «Эрк» оформлялись как националистические организации. Появившаяся в последние два года партия «Озод дехконлар» («Свободные

крестьяне»), позиционирующая себя как оппозиционная, подчеркивает приверженность идеалам светского пути развития.

«Озод дехконлар» как организация, в рядах которой, по некоторым оценкам, состоят 100 тыс. членов, заявила о себе в конце 2003 г. Партия ставит практически те же цели, что и другие партии Узбекистана, однако в противовес сторонникам радикальных мер «дехкане» подчеркивают, что в своей борьбе за высшую политическую власть в стране они используют исключительно конституционный путь.

Выборы и их итоги

23 декабря 2007 г. в стране состоялись президентские выборы. Итоги голосования были вполне предсказуемы. По официальным данным ЦИК, в выборах из 16 млн. 297 тыс. 400 зарегистрированных избирателей приняли участие 14 млн. 765 тыс. 444 человека (90,6%). Из них за кандидатуру И. Каримова проголосовали 88,1%. По сравнению с аналогичными выборами 2000 г., И. Каримов получил почти на 4% голосов меньше.

За президентскими выборами в Узбекистане следили 264 зарегистрированных иностранных наблюдателя из 30 стран, в том числе от СНГ – 79, ОБСЕ – 26, ШОС – 3, ОИК (Организация Исламская конференция) – 6 человек. Как и ожидалось, миссия наблюдателей от СНГ признала выборы «свободными, открытыми и транспарентными». Наблюдатели от ОИК заявили, что выборы проходили гласно, открыто, справедливо и на основании законодательства, а наблюдатели от ШОС – что они были легитимными, свободными и транспарентными и полностью соответствовали требованиям национального законодательства и международным избирательным стандартам.

Миссия наблюдателей от ОБСЕ присутствовала на выборах в Узбекистане в сокращенном составе, поскольку БДИПЧ/ОБСЕ сочло процесс и организацию выборов не соответствующими общепринятым демократическим нормам и решение об отправке наблюдателей было принято исключительно ради «поддержания диалога с правительством и гражданским обществом». После голосования ОБСЕ заявила, что состоявшиеся выборы «не соответствовали демократическим стандартам». В заявлении делегации БДИПЧ/ОБСЕ говорится, что миссия не смогла получить доступ ко многим документам Центральной избирательной комиссии и встретиться с кандидатами в президенты.

Средства массовой информации

По данным на конец 2004 г., в Узбекистане функционируют 928 органов массовой информации. Большинство газет и журналов экономически и политически зависимы от их учредителей. Чаще всего учредителями выступают государственные институты или полугосударственные бизнес-структуры. Указанная особенность является, возможно, главной причиной «сдержанности» СМИ и весьма дозированной критики.

Вместе с тем доминирование государственных СМИ на информационном рынке не является тотальным, так как в частных изданиях нередко публикуются публикации, тональность которых свидетельствует о наличии отличных от официальной точки зрения оценок событий в Узбекистане и ситуации за его пределами.

Учитывая многонациональный состав страны и наличие спроса, газеты и журналы Узбекистана, также как и теле- и радиопередачи, выходят на нескольких языках.

Выводы

Подводя итоги сказанному, можно прийти к следующим выводам. В экономическом плане страна преодолела спад и стагнацию, но экономический рост пока не устойчив. Узбекистан, обладающий крупными людскими ресурсами имеет шансы превратиться в заметную экономическую силу Центральной Азии.

Действия правящей элиты Узбекистана направлены на закрепление основных тенденций политического процесса, и здесь нет оснований прогнозировать серьезные изменения.

Если говорить о внешнеполитических действиях Ташкента в последнее время, особенно в отношениях с ведущими державами, то республика продолжает маневрировать между Россией и Западом. По мере смягчения позиции ЕС и роста заинтересованности США в развитии отношений с Узбекистаном его лидеры могут пойти на ослабление связей с возглавляемыми РФ региональными организациями, при этом не доводя ситуацию до напряженности в двусторонних узбекистанско-российских отношениях.

ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА: РЕКОМЕНДАЦИИ

Рассмотрение различных аспектов транзита государств Центральной Азии позволяет сделать некоторые рекомендации.

Как представляется, наиболее важной сферой, требующей международного внимания, является социальная сфера. После получения независимости по ней был нанесен наиболее сильный удар. Особая поддержка нужна здравоохранению, пенсионным фондам, образованию и т.п. Без существенного улучшения жизни населения нет оснований рассчитывать на широкий общественный интерес к процессам демократизации и нациостроительства. В связи с этим представляется необходимым:

1. Искать новые пути дополнительного сотрудничества включая большее финансирование проектов, которые фокусируют внимание на уменьшении бедности.

2. Искать новые пути для обсуждения политических и экономических проблем с правительствами посредством (образования) Совета по иностранным инвестициям, объединяющего частный сектор и представителей международных финансовых институтов с официальными представителями правительства для проведения регулярного политического диалога; (образования) объединённого бизнес-совета с привлечением к участию международного и национального частного сектора для поиска путей улучшения деловой обстановки.

3. Расширить набор консультативных бизнес- и других услуг с большим упором на оказании юридических услуг бизнесу.

4. Сделать особый упор на образовании, обратив внимание на образование на русском языке как в самих государствах ЦА, так и в России. Дело в том, что только очень ограниченная часть населения имеет доступ к западному

образованию, в то время как большинство вынуждено довольствоваться крайне ограниченным доступом к современным знаниям. Россия и другие государства должны сыграть особую роль в налаживании системы образования с упором на среднее и среднее специальное образование, дающее возможность подготовить квалифицированных рабочих для современных предприятий.

5. Способствовать большей открытости местных обществ через систему вещания на них на местных и русском языках.

6. Больше учитывать особенности местной политической культуры при выдвигании требований демократизации общественной жизни и проведении демократических выборов. Следует принимать во внимание специфику местных представлений о функционировании государства и его политической системе, которая отражает иную, чем на Западе и в России, систему лояльности, базирующейся на клановой, региональной или местнической основе. Жесткая иерархичность центральноазиатских обществ, различный политический и общественный вес клановых сообществ, создает препятствия на пути конкуренции элит и не дает возможности легко заменять одни другими. Каждая группировка имеет свою опору и своих сторонников. Смена элит в результате переворотов, войн и революций приводит к тому, что процесс последующей стабилизации обстановки приобретает затяжные и порой кровавые формы.

7. Отказаться от «двойных стандартов» при оценке прозрачности выборов.

8. Не превращать отдельные фонды и НПО исключительно в финансовые источники для оппозиции, дискредитируя их деятельность в глазах правящих режимов и не вызывая доверия к ним со стороны населения.

9. Вести постоянную работу с руководителями государств Центральной Азии, разъясняя им опасность проведе-

ния курса, исключающего нормальную конкуренцию элит, и не делать однозначную политическую ставку на конкурентов. Их приход к власти не изменит систему, а лишь даст возможность для нового передела власти и собственности.

10. Больше изучать особенности местных обществ и меньше полагаться на формализованные оценки, не отражающие истинного положения вещей и способные привести к неверным выводам.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНЯЕТ ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Превращение среднеазиатских республик и Казахстана в независимые национальные государства – один из результатов глобальных трансформаций, начавшихся в мире в конце XX в. Впервые в современной истории центральноазиатские народы достигли исторического рубежа, за которым для них открылись возможности национального самоопределения и консолидации, поле международного сотрудничества.

1. Специфика преобразований: неравномерность и региональная дифференциация

Специфически важной чертой трансформации Центральной Азии является одновременность и взаимосвязанность нескольких сложных процессов: национальной консолидации, формирования экономических и политических систем государств. Их взаимовлияние обуславливает качество и содержание трансформации: прогресс или отставание хотя бы в одной из этих областей деятельности равным образом влияет на весь процесс реформ. Другой отличительной чертой происходящих изменений является то, что за прошедшие пятнадцать лет страны региона прошли сходный путь. Вместе с тем под влиянием политической культуры, традиционных связей и иерархий лояльности местные элиты выработали свою стратегию и тактику трансформации. Данное обстоятельство помогает понять причину неравномерного развития процесса, оттенки которого можно наблюдать в диапазоне от мало ощутимых преобразований в Туркменистане до достаточно интенсивных и глубоких в Казахстане.

В течение последних полутора десятков лет в регионе параллельно набирал силу процесс дифференциации. Так, Казахстан достаточно быстро достиг статуса рыночного государства и к настоящему времени находится на пути превращения в региональную державу. Туркменистан, располагающий не меньшими углеводородными запасами, иначе распорядился своим богатством. На другом полюсе политико-экономической карты региона расположились Кыргызстан и Таджикистан – самые бедные государства Центральной Азии. Промежуточную позицию занимает Узбекистан.

Наконец, свою специфику накладывает и наличие в регионе зоны конфликтогенного потенциала – Ферганской долины, – в которой стыкуются границы трех упомянутых республик, объединяя их в геополитическую группу.

Результаты трансформации экономических и политических систем

Несмотря на то, что в государствах Центральной Азии результаты экономических преобразований достаточно различаются, можно с уверенностью констатировать, что в них осуществлены радикальные экономические реформы, созданы основы рыночной экономики, проведена масштабная приватизация, работает частный сектор. В большинстве стран национальная валюта на практике является конвертируемой. В Казахстане частная собственность превратилась в основной фактор экономического развития. Широкая либерализация в экономике и отношениях собственности, отказ от доминирования государства обеспечил реализацию казахстанских реформ. Эта стратегия привела к полной либерализации внешней торговли и созданию наиболее устойчивой и стабильной на постсоветском пространстве банковской системы. В целом качество проведенных преобразований позволяет сделать вывод о том, что возврата к плановому способу ведения хозяйства не будет. Характер политиче-

ской трансформации также позволяет прогнозировать невозможность восстановления советской системы управления и идеологии. Народы Центральной Азии больше не откажутся от независимого развития.

Во всех государствах приняты демократические конституции, созданы основные демократические институты: парламент, судебная власть, многопартийная система, неправительственные организации. Однако становящиеся политические режимы сформировались как авторитарные, иногда с «элементами просвещенного авторитаризма», как, например, это наблюдается в Казахстане. Наиболее слабые стороны происходящих изменений выявляются при оценке по критериям представительной демократии. В государствах Центральной Азии все еще не преодолено несоблюдение разделения властей, отсутствует система сдержек и противовесов, ограничивающих государственную власть, имеются факты нарушения прав человека и гражданских свобод, ощутим контроль средств массовой информации, не выработан механизм передачи власти, созданные партийные системы все еще слабы.

На формировании партийных систем во многом сказались объективная неподготовленность центральноазиатских обществ к принятию западной модели представительной демократии. Поэтому сложившиеся в этих странах партии в большинстве своем – это партии лидера. Партийная идентификация граждан еще не пришла в соответствие со складывающейся социальной стратификацией общества. Несмотря на то, что в партийных системах преобладают демократические партии, их деятельность ориентирована на городское население. Они не охватывают всего спектра интересов и, как следствие, не вбирают в себя все слои населения и идеологические течения. Практически теми же недостатками отличаются профсоюзы, правые, левые и националистические движения, а также неправительственные органи-

зации. За прошедшее время политические партии не стали полноправными субъектами парламентского процесса и участниками принятия основополагающих политических решений. Однако уровень образования и политический опыт в этих государствах свидетельствуют в пользу того, что здесь понимают и принимают преимущества демократических институтов, да и самой демократии. Дилемма состоит в трудности освобождения от цепей семейно-клановых отношений. Такая (желательная) эмансипация потребовала укрепления гражданского общества. Однако его развитие как противовеса власти означает отрыв индивида от обязанностей перед структурами социальной «пирамиды», которые для него являются одновременно «спасательной сетью» в жизненных невзгодах. В то же время освобождения от семейно-клановых традиций трудно ожидать в условиях разрушения привычной и складывающейся веками системы, от которой зависит социальное благополучие большинства населения. Другими словами, в исторический период, когда от общества требуется активное включение в процесс формирования демократических основ, западная стратегия экономической трансформации фактически загоняет население, а вместе с ним и зачатки гражданского общества в закрытые семейно-клановые отношения. Таким образом, оценка объективных результатов трансформации ставит ряд вопросов:

- Если демократия по западной модели (пока?) не соответствует общественно-политической специфике и политической культуре большинства населения, то как должна выглядеть демократия «восточной (центральноазиатской) модели»?

- Каким должно быть современное центральноазиатское государство?

- По каким критериям следует оценивать сущность, характер и инструменты демократии?

- Нужно ли признать обоснованными переходные формы и методы управления сложными задачами трансформации?
- Какие критерии определяют «сильное государство» и где границы действий государственной власти?
- Что государственной власти дозволено и где та грань, за которой начинается недопустимый антидемократический произвол?

2. Государства Центральной Азии не дополнили ряды «провальных» государств

В отличие от кавказских республик бывшего СССР, центральноазиатские республики продемонстрировали высокую устойчивость. Исключением является Таджикистан, где начало трансформации приняло форму гражданской войны. Вместе с тем преобразования в этом регионе происходили и происходят неровно, но они не подтвердили весьма поспешных и полярных выводов о том, что эти страны станут примером нестабильности и быстро исламизируются либо, напротив, взяв на вооружение либеральные модели, динамично приступят к демократизации по западному или турецкому образцу. Следует также особо отметить, что центральноазиатские республики не подверглись распаду под влиянием этносепаратистских движений. И хотя наблюдающаяся относительная внутренняя стабильность является результатом авторитарных форм и методов правления, ее нужно оценить высоко в виду того, что в современных исследованиях одним из главных источников дестабилизации международной обстановки и терроризма определено «провальное» государство.

Вместе с тем нельзя закрывать глаза на то, что недемократические и антидемократические формы правления в конечном итоге приводят к социальным взрывам и прояв-

лению радикальных политических настроений. Это становится особенно опасным в ситуации трансформации, неоднозначность которой политизирует общественное сознание. Как показывает анализ современных систем управления в Центральной Азии, разница между недемократическими и антидемократическими методами правления открывает достаточно широкое поле для политического маневрирования. Его негативным антиподом является стихийный ход развития трансформации, как это происходило в Таджикистане в первой половине 1990-х гг. Столкновения локальных политических элит и групп в процессе перераспределения собственности и политической власти в этой стране вначале привели к полной анархизации общества, а затем достаточно быстро переросли в гражданскую войну. Поэтому для всех центральноазиатских стран ситуация в Таджикистане стала самым серьезным уроком и послужила самым убедительным аргументом необходимости укрепления безопасности как главного условия нормального функционирования общества и консолидации молодых государств.

Социально-политическая ориентация

По-видимому, вопрос о социально-политической ориентации некоторое время останется открытым. Пока нет окончательной ясности, какой тип демократии берет верх в регионе – «западный» или «восточный». Не решен окончательно и вопрос о характере государства – останется ли он светским или в некоторых странах будет мусульманским. В нынешней ситуации господствующие элиты, используя традиционные и патриотические лозунги, руководствуются прагматическими доктринами «национального возрождения», «консолидации национального самосознания». В этой социально-политической неопределенности сталкиваются три «культурные силы»: 1) секуляризм светской элиты и созданных ею режимов; 2) критерии западной обществен-

ной модели и 3) радикальные исламисты. У последних имеются два крупных стратегических резерва: дальнейшее ухудшение социально-экономического положения широких масс и давление Запада, грозящего навязать среднеазиатским государствам чужую систему ценностей после того, как они избавились от советской идеологии.

Уже сегодня политическая практика показывает, что в существующие концептуальные различия между Западом и региональными элитами включены не только причины конъюнктурного порядка, связанные с политическим курсом того или иного государственного лидера. Часть из них возникает по мере формирования задач реализации национальной консолидации и трансформации. Появление других связано с наличием различных концептуальных решений этих задач. Как и в соседних исламских регионах в фокусе центральноазиатских элит – секуляристов или исламистов – еще несколько поколений будут держаться сохранение или приобретение власти, отстаивание национальной-государственной независимости, цивилизационной и культурной идентичности.

Государственная и экономическая власть

В отличие от развитых политической и экономической систем, где государственная власть отделена от сферы частного предпринимательства и приобрела более или менее «нейтральный» характер, в трансформирующихся государствах Центральной Азии элита, наделенная властными полномочиями, все еще управляет обоими рычагами. Это типично особенно для той части элиты, которая является продуктом ранней стадии трансформации и сегодня находится у власти.

В рамках начальной стадии экономической трансформации международные финансовые институты и особенно МВФ и Мировой Банк настаивали на быстрой приватизации

госсобственности («революционное установление класса предпринимателей» по Оффе¹⁸⁵). Рассматривая разгосударствление собственности в качестве первого приоритета, они заменили приватизацию «снизу», при которой трудовые коллективы принимали доленое участие, продажей целых предприятий в «соревновательном» порядке (приватизация «сверху»). Совпадение формирования государственного аппарата с экономическими преобразованиями создало ситуацию, когда государственная власть (старые и новые кадры) смогли канализировать распределение собственности в свою пользу и к выгоде своего ближайшего окружения. Так сложились новые финансовые и политические кланы, получившие невиданные до тех пор экономические ресурсы. Победителем в необъявленном соревновании по перераспределению государственной собственности стала клановая система. Во-вторых, образовалась своеобразная система «семейно-кланово-бюрократического капитализма». Появились клановые олигархи, а вместе с ними – и олигархия. В-третьих, поскольку кланы являются по своей природе оппонентами представительной демократии, то главенствующая – олигархическая в данном случае – форма частной собственности начала создавать адекватную своей природе политическую систему. Закрытому (реакционному) характеру клановой экономической базы соответствует «закрытый» характер авторитарной политической системы. Таким образом, достигнутые в ходе экономической трансформации результаты пришли в противоречие с целями создания демократической политической системы. В-четвертых, происшедший в странах Центральной Азии симбиоз власти и собственности, как известно, более всего характеризует

¹⁸⁵ Оффе К. Туннель в конце света, расследования политической трансформации на новом Востоке. Кампуз, Франкфурт-на-Майне-Нью Йорк, 1994.

феодалную стадию развития. По сути процесс «революционного установления класса предпринимателей» выпустил из бутылки олигарха-джинна, от которого не может избавиться. А это ставит под сомнение всю политическую стратегию трансформации в Центральной Азии. Сомнение только усиливается, если учесть, что трансформация не решила проблему формирования массового среднего класса, так называемых капилляров «дерева буржуазного общества», вместо которого появился исключительно слабый слой мелкого и среднего предпринимателя. В пятых, в ходе преобразований начало развиваться параллельное государственной организации и конкурирующее между собой множество самостоятельных центров власти–собственности, объективно ориентированных на утверждение своей независимости и ограничение суверенитета государства.

Возникшее в новой структурной стратификации противоречие между обладающим реальной властью олигархическим классом и политически бесправными, рассеченными своими интересами группами буржуазии может привести к столкновению, целью которого будет ограничение политической власти олигархов. Угроза вполне реальна, и действующая власть все больше опасается концентрации материальных ресурсов в руках людей, отчасти независимых от нее. Иначе говоря, стремление новой буржуазии завоевать для себя доступ к участию в управлении экономическими и политическими процессами и освободиться от опеки президентской вертикали, а также сформировавшихся вокруг нее финансово-промышленных групп, будет определять динамику будущего внутривластного развития, не исключая второго раунда перераспределения собственности. Возможно, в Центральной Азии смена власти повлечет за собой не цивилизованный уход правительства в отставку, а масштабный передел сфер влияния. Так, одним из результатов войны в Таджикистане явилось разрушение механизмов, под-

держивающих равновесие интересов региональных элит. Они не восстановлены и к настоящему времени, и это прямо указывает на то, что причины войны все еще не устранены.

Экономические основы устойчивого развития

Как подчеркивалось выше, особенность трансформации Центральной Азии заключается в ее совпадении с государственным строительством. Следовательно, стратегия преобразований должна способствовать прочности экономических основ устойчивого развития государства. С этой точки зрения необходимо выяснить: какие основы государственности созданы в рамках избранной стратегии трансформации?

За исключением Казахстана и Туркменистана, получивших за счет земельного налога некоторый временной лаг для развития, остальные центральноазиатские государства реализуемая стратегия привела к ситуации, наблюдающейся в большинстве развивающихся стран. Экономика этих государств в первую очередь ориентированы на увеличение добычи и экспорта сырья, что в долгосрочной перспективе чревато многими неприятностями, поскольку в странах сырьевой направленности очень высок потенциал политических и социально-экономических кризисов. Опора на природные богатства оправданна, если существуют остальные условия обеспечения общественного благополучия. Однако в анализируемом случае они отсутствуют, что предопределяет узкую специализацию финансовой и интеллектуальной сфер. Сельское хозяйство приходит в упадок, медленно развиваются и другие отрасли экономики. Наносится огромный ущерб окружающей среде, тем самым создавая брешь в системе хозяйства, которую никакие прибыли от торговли сырьем не смогут ликвидировать. К тому же доходы от экспорта чаще всего присваиваются небольшой социальной группой и инвестируются в экономику развитых стран, не попадая в казну государства. На этом негативная

цепочка не обрывается: внутренний спрос не становится источником роста ВВП, поскольку низкие доходы населения исключают возможность развития внутреннего рынка.

Приходится констатировать, что база устойчивого экономического роста, конструировавшая внутренний рынок, после распада советской системы разделения труда в новых условиях не создана. В странах региона все отчетливее проявляются типичные черты экономик мировой периферии, выстраивающие экспортноориентированную модель с минимальным социальным перераспределением, ущербным внутренним рынком и неконкурентными сырьевыми секторами.

3. Роль Запада

В последние пятнадцать лет Запад стремился определять динамику и содержание процессов трансформации, государственного строительства и политического выбора, вкладывая значительные финансовые и политические ресурсы в искоренение социалистического строя на постсоциалистическом и постсоветском пространствах, недопущение его восстановления в любой модификации, введение западной модели демократии и рынка. Достигнутые результаты в Центральной Азии выглядят весьма дифференцировано.

Полным успехом увенчалась стратегия уничтожения советской системы управления, и восстановления «советской империи», как представляется, не предвидится. Очевидно, это следует оценить как большую историческую победу. Несмотря на то, что еще не во всех центральноазиатских государствах рыночные показатели отвечают требованиям западных корпораций, достижения в области создания рыночной экономики достаточно убедительны. Указанное позволяет утверждать, что в рассматриваемых странах заложен фунда-

мент рыночных отношений, а путь к возвращению к социалистическому типу ведения хозяйства отвергнут.

Слабым звеном предпринятой стратегии является программа введения демократии и создания адекватных политических систем. Признавая, что возвращения к прежнему политическому строю ожидать не следует, не надо закрывать глаза на то, что укоренение демократии западного образца – процесс очень длительный и неоднозначный. И пока нельзя со всей определенностью сказать, что такая цель будет достигнута даже через несколько поколений.

В пользу такого предположения говорит семидесятилетний опыт (1921–1991) советской власти, не сумевшей в полной мере реализовать свою версию трансформации, в которой, кстати, содержалось немало элементов западной культуры: модернизация, секуляризм, классическая европейская философия, система образования и др. Вместе с тем эти элементы обеспечили базу для огромного сдвига в экономическом и культурном развитии региона, что не помешало центральноазиатским обществам адаптировать, отторгнуть и пережить чужую модель. Аналогичная реакция характеризует и нынешнюю ситуацию в регионе. В реальности ускоренное насаждение декоративных политических институтов, предпринятое в рамках доктрины обеспечения трансформации, обернулось имитацией демократических преобразований, оставив неизменными автохтонные общественно-политические структуры с их авторитаризмом, чиновничьим и клановым характером.

Все это явилось следствием упрощенного видения ситуации проектировщиками трансформации, анализирующими местные условия сквозь призму своих контактов с наиболее модернизированной или ориентированной на Запад частью локальной элиты. Огромный слой населения либо проигнорирован, либо представляется как фон генеральной линии. Но нельзя не отметить, что этому «забытому»

в аналитических отчетах большинству демократизация ничего не дала. Часть этих людей с ностальгией вспоминает советские времена, когда все дети учились в школах, старики получали пенсию и услугами систем здравоохранения и образования мог пользоваться любой член общества. Не следует ли признать, что трансформация привела по сути к возникновению феномена патерналистского государства, в котором социальные вопросы исключены из зоны его функционального внимания?

Заложенная в стратегию трансформации неолиберальная схема экономических реформ не соответствует региональной реальности. Поэтому ее критерии неэффективны, а их использование в целях прогноза обстановки безопасности неизменно приводит к ошибочным выводам. Яркий пример – Кыргызстан и Туркменистан, кардинально различные модели общественного устройства, порождающие полярные мнения западных аналитиков. Наиболее влиятельные из них в течение десяти лет предрекали крах туркменской системы и использовали кыргызскую трансформацию в качестве образца рыночных и демократических реформ. Кыргызстан также фигурировал как стабильно развивающееся государство. Но в действительности стабильность продемонстрировала политическая система Туркменистана. Кыргызская продвинутость к демократии и рынку оказалась на поверку эфемерной конструкцией, рухнувшей под напором острейших социальных проблем, порожденных реформами преобразования. При этом иностранные эксперты упрямо не желали видеть того, что демократические институты, созданные в этой стране, использовались местными властями и родоплеменными группами в основном для достижения личных интересов.

В современном Таджикистане, наиболее пострадавшей в рассматриваемый период стране региона, 80% населения живет за «чертой бедности». Падает уровень и

качество образования: в среднем на пять таджикских детей школьного возраста приходится один ребенок, лишенный возможности учиться. Существует ли предел отступлению назад и где проходит граница, после которой развитие негативных процессов в Центральной Азии может оказаться необратимым?

Большинство наблюдателей склонно оценивать ситуацию в Центральной Азии как относительно стабильную. Однако за этим фасадом немало взрывоопасных проблем: экономика, все еще неспособная приблизить уровень жизни населения к условиям, предшествовавшим распаду СССР; ее растущая зависимость от одного-двух наименований экспортного товара, что увеличивает уровень коррупции и гражданских конфликтов; непредставительные политические структуры с весьма ограниченными возможностями плавной смены власти. Этот список негативных факторов обязательно должен быть дополнен неумением местных элит наладить эффективное региональное сотрудничество по ключевым направлениям международной повестки – охрана границ и укрепление безопасности, совместное противостояние влиянию экстремистских движений, торговля, справедливое распределение водных ресурсов.

Пятнадцать лет трансформации, осуществляемой в виде «фронтального наступления» и «одновременности изменений» всех общественных систем, не смогли подтвердить построенного на этой методике прогноза, когда «и демократия, и рыночная экономика могут быть восприняты большинством населения как желанная перспектива»¹⁸⁶. В реальности проектировщики преобразований добились формирования такой действительности, которую стремились не допустить.

¹⁸⁶ *Оффе К.* Указ. соч. С. 71.

4. Европейская стратегия трансформации: что дальше?

Представленный анализ дает достаточные аргументы для критической переоценки приоритетов дальнейшей трансформации в Центральной Азии с целью определения проблемных областей и корректировки европейской стратегии. Это, в первую очередь, продиктовано тем, что Центральная Азия более тесно связана с Европой, чем с другими центрами западного мира. Одним из примеров такой связи является совместное участие в ОБСЕ, чья политическая ответственность за безопасность растянулась до границ с Китаем и Афганистаном. Однако не только это обстоятельство показывает, что Центральная Азия перестала быть далеким и чужим регионом для Европы. Поэтому представляется важным определить исходные тезисы предстоящей корректировки.

«Временной горизонт». Трансформация и создание государств в Центральной Азии являются долговременными процессами, участниками которых станут, по всей видимости, несколько поколений местного сообщества, что объективно указывает на наличие дестабилизирующего потенциала, влияние которого также будет растянуто во времени. В этой связи стратегия трансформации должна уделить серьезное внимание вопросу «временного горизонта». Процесс преобразований в регионе будет более длительным и более сложным, чем прогнозировался. Он не сводим к выяснению специфики менеджмента. И вместе с тем должен учитывать особенности «восточного общества».

Рыночная экономика и демократическая система не являются тождествами. Ускоренное применение методов либерализации как механизма укрепления демократии и гражданского общества на практике не подтвердили справедливость предпринятых мер. Допуская существование не-

кой автоматической связи между введением либеральной модели и демократией, следует признать, что она может проявиться только в результате длительного процесса, в рамках которого трансформируются политическая культура, характер общественных отношений, преодолевается кланово-бюрократический капитализм. Создавшаяся в центральноазиатских странах реальность подсказывает, что сценарии развития должны учитывать асинхронность экономических и политических преобразований, их темпоральное несовпадение. Кроме того, следует быть готовыми и к тому, что экономические системы этих стран будут организованы как современные капиталистические, а социополитическая конструкция станет отличаться от западной модели демократии. Такого рода «отклонения» заставляют прогнозировать затяжную и конфликтогенную трансформацию, не поддающуюся устойчивому воздействию извне.

Трансформация увеличивает факторы риска. В случаях системной трансформации внутренние конфликты создают особую специфику. Она заключается в том, что конфликт расширяется быстрее, соответствуя масштабам «шоковой терапии», воздействие которой мобилизует и политизирует сразу все общество. Поэтому конфликтам, вызванным трансформацией, свойственна цепная реакция. Предотвратить такой характер развития событий – означает обеспечить мирные условия. Однако стратегия, ставящая целью кардинально изменить все сферы жизнедеятельности одновременно, держит общество в постоянном конфликтном напряжении.

Резкое снижение качества жизни. В целом регион пока далек от целей социального развития, принятых ООН на саммите Тысячелетия. Следует признать, что стратегия трансформации существенно снизила качество жизни подавляющего большинства населения Центральной Азии. В этом отношении преобразования привели к социально-политическому регрессу.

Все без исключения страны региона погрязли в фундаментальных проблемах бедности, плохой экологии и демонстрируют снижение показателей социального развития. Некоторые районы Центральной Азии, такие, как Ферганская долина, находятся под угрозой социальной дестабилизации со всеми вытекающими отсюда политическими рисками включая усиление экстремистских группировок.

ОБСЕ не по силам компенсировать материально снижение жизненных условий. Наиболее действенными мерами исправления ситуации были бы, несомненно, значительные инвестиции в социальную сферу. Однако падение жизненного уровня в странах региона распространяется не только на количественные параметры (низкие доходы). Настоящую тревогу вызывают качественные показатели, демонстрирующие высокую безработицу, ухудшение снабжения энергией и питьевой водой, повышающуюся недоступность услуг здравоохранения. ОБСЕ не располагает необходимыми ресурсами нейтрализации надвигающейся опасности на своем восточном фланге, но Европа может содействовать ослаблению сопряженности экономических и политических преобразований.

5. Корректировка стратегии

Вследствие того, что в Центральной Азии внутренние структурные условия для широкомасштабной демократизации слабо развиты, а политическая культура представляет собой восточную разновидность, дефициты в области политической трансформации настолько существенны, что их устранение в обозримый период мало вероятно. Тормозом также является то обстоятельство, что региональные элиты еще продолжительное время смогут настаивать на реализации своих концепций строительства национальных госу-

дарств, и политика ОБСЕ и ЕС будет рассматриваться ими как «принудительная демократизация». В то же время экономическое и политическое сотрудничество с соседними восточными и юго-восточными государствами, не обремененное обязательствами трансформации, способно превратиться в привлекательный «противовес» европейскому вектору. В то же время процесс трансформации уже не остановить. Поэтому в западную стратегию необходимо внести существенные корректировки, которые должны группироваться вокруг идеи политического прагматизма, направленного на сохранение ценных результатов трансформации, обеспечение продолжения государственного строительства в мирных условиях, укрепление партнерства с Европой. В связи с этим можно подумать о следующих направлениях:

Консолидация ценных результатов трансформации. В содержательном плане это означает главным образом углубление экономических реформ, улучшение социально-экономического положения населения. Для достижения этих целей необходимо перейти от «фронтального наступления» к этапу селективного накопления результатов трансформации в тех областях, где уже существуют благоприятные предпосылки для углубления достигнутого. Как представляется, это – экономическая сфера, где следовало бы отказаться от политической обусловленности и реформ. Кстати, региональная практика показывает, что экономический рост и укрепление социального сектора напрямую не связаны с качеством демократизации и формой власти. Так, социально-экономические перемены в Узбекистане были более успешными, чем в Кыргызстане. Авторитаризм без «шоковой терапии» способствовал смягчению последствий экономического спада, а также сохранил в урезанном виде систему социальной поддержки незащищенных слоев населения. Обвиняемый в тоталитаризме Туркменистан внедрил наиболее успешную программу государственной поддерж-

ки, а в последние годы демонстрирует самый высокий рост экономических показателей. Подобные примеры свидетельствуют в пользу того, что устойчивость и поступательность развития, в первую очередь, зависят от выработки адекватной государственной социально-экономической стратегии, четкой структурной политики, выделяющей отраслевые приоритеты и наиболее безопасные пути интеграции в мировую систему.

Опыт трансформации Китая показывает, что приоритет экономических преобразований, отделенный во временном отношении от политической либерализации, вполне приемлем для Европы. Китайский пример поучителен и еще в одном отношении: политическая сила (государство, лидер, партия), возглавляющая сложные процессы трансформации, нуждается в широком признании и поддержке экономических реформ со стороны населения. Поэтому трансформация требует делать акцент на улучшение его социально-экономического положения. Без существенного улучшения жизненных условий нет оснований рассчитывать на широкий и искренний интерес общества к процессам демократизации и нациестроительства. Последнее самым тесным образом связано со вторым элементом корректировки западной политики в регионе.

Обеспечение продолжения государственного строительства в мирных условиях. В этом блоке вопросов ключевую роль играют понимание необходимости сильного государства и специфика институциональной роли лидера. И тот, и другой элементы значимы с позиций противодействия социальной дестабилизации региона и управления сложными процессами трансформации в условиях повышенной конфликтности. Организующая роль здесь принадлежит государству. Без сильного государства сохранить и углубить трансформационные позитивы невозможно. Оно определяет общественный порядок и экономический

режим, создает необходимый правовой климат и структуры управления. Такой подход поможет определить характер политических отношений с руководством центральноазиатских республик. Поэтому краеугольным камнем корректировки стратегии должны стать сочетание делового прагматизма, сокращение «идеологической нагрузки», ориентация на выстраивание отношений с государством, отход от субъективного фактора.

Укрепление партнерства с Европой. Обеспечение мирных условий для продолжения государственного строительства, углубление экономических реформ, замедление и ликвидация социально-экономического спада на основе развернутых экономических отношений – это те области, в которых интересы центральноазиатских правительств и Европы совпадают. Сложнее сформировать «программу минимум» для сотрудничества по вопросам политической трансформации. Здесь европейские подходы могли бы быть следующими: прагматическая заинтересованность (обеспечение безопасности на евроазиатском пространстве ОБСЕ) в снятии существующей напряженности и недоверия в политических отношениях; признание факта, что в лице центральноазиатских государств Европа имеет дело с «нехристианскими восточными островами» в «ценностном сообществе» ОБСЕ; поиск соответствующего модуса взаимоотношений на основе кооперативного сосуществования с «управляемыми демократиями», которые Европа признает в других развивающихся регионах.

Это означает сосредоточение на таких областях, в которых демократизация имеет приоритетное значение, помощь центральноазиатским *обществам* и их *руководству* мирно справиться с вызовами, которые несет будущее с его неизбежным переделом сфер влияния в области политики и экономики.

В этой связи необходимым является развитие демократических критериев, сформулированных с учетом местной

специфики, которая ставит перед государством задачу совмещения целей и интересов субнациональных общественных групп (регионов, региональных элит, кланов, расширенных семей). Это потребует от него обеспечения:

- в политическом отношении – конституционно гарантированного участия всех групп в определении характера системы управления и ограничении возможностей монополизации власти какой-либо одной фракцией региональной элиты;

- в экономическом отношении – равного доступа к ресурсам и совместного определения социально-рыночного характера хозяйственной системы;

- в идеологическом отношении – общего понимания «национальной идентичности» молодого государства, его конституционных основ и легитимности. В этом случае особое значение приобретает определение роли ислама как религии большинства населения.

Есть большая доля уверенности в том, что прорыв на этом направлении открыл бы двери внутривосточной стабилизации, дальнейшей демократизации и укреплению правовых основ государства и региона в целом.

В сфере прав человека акцент должен быть сделан на защите физической неприкосновенности личности. Только тогда, когда люди не боятся за свою жизнь и физическое здоровье, установится атмосфера свободы, которая и является необходимой и важнейшей предпосылкой демократии.

В двусторонних межгосударственных отношениях содержание приоритетов должно отвечать проблеме борьбы с бедностью и ухудшением экологии. В первом случае самым главным является приостановление дальнейшего социально-экономического спада. Наиболее эффективными сферами приложения усилий могут оказаться системы образования и здравоохранения, гендерная проблематика, программы работы с молодежью и интеллигенцией, т.е. те области,

которые достаточно эффективно действовали в советский период. Во всех этих областях необходимо выработать согласованные мероприятия с ОБСЕ и ЕС.

Европа связана с Центральной Азией теснее, чем какая-либо другая часть западного мира. Эти отношения наполнились новым содержанием в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. ОБСЕ, принявшая на себя обязательство по сохранению главной ценности – безопасности на евроазиатском континенте, – убедительно демонстрирует, что Центральная Азия и Европа не являются друг для друга перифериями. Совместное обеспечение безопасности делает возможным строительство общей крыши, которая окажется способной оберегать и другие важнейшие ценности – цивилизационные, культурные, религиозные и национальные. И в Центральной Азии, и в Европе понимают, что с ценностями следует обращаться бережно, и это тоже сближает.

Глава 4.

РАДИКАЛЬНЫЙ ИСЛАМ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОПЫТ, СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В период болезненной постсоветской трансформации центральноазиатских обществ религия, наряду с этничностью, играет важную роль в качестве идентификационного маркера, орудия политической борьбы и одного из инструментов самой общественно-политической трансформации.

Процесс реисламизации и создание исламистских организаций

В Центральной Азии процесс возрождения ислама начался в период перестройки. До этого он на протяжении десятилетий сохранялся в двух формах: жестко контролируемой и зажатой властью официальной религии и подпольного, неформального ислама. После распада СССР ислам, с одной стороны, стал использоваться руководством независимых центральноазиатских республик как один из инструментов создания новой идентичности, построения независимого государства. С другой – стал знаменем тех сил, которые выступили за альтернативный избранному руководством этих стран путь развития, связанный с исламизацией государства. Кроме того, ислам стал все шире использоваться для выражения протестных настроений.

В начале 1990-х гг. в Центральной Азии стали появляться исламские политические организации радикального

толка, в становлении которых немалую роль сыграли внешние силы. Эти организации содействовали процессу реисламизации, затронувшему, в первую очередь, Узбекистан, а также Таджикистан. Пропаганде идей радикального ислама активно помогали прибывавшие в города Ферганской долины зарубежные миссионеры, прежде всего саудовские граждане узбекского происхождения, потомки басмачей. Лидеры и активисты первых исламистских организаций опирались на традицию неформального ислама. Почти все они были учениками подпольно действовавших еще в советское время учителей, имамов и исламских ученых Центральной Азии – Хиндустани, Махсума, Рахматуллы-кари и других. Радикальным муллам удалось захватить контроль над рядом мечетей и развернуть широкую пропаганду радикальных исламских идей. В Узбекистане, в частности, появились такие радикальные исламистские организации, как «Адолат», «Ислом лашкарлари». В Таджикистане на изломе социально-политической трансформации быстро выдвинулась в качестве силы, выражавшей интересы одной из групп региональных элит, Партия исламского возрождения (ПИВ), лидером которой на короткое время в 1992 г. удалось войти в коалиционное правительство. Вскоре партия была отстранена от власти, и страна оказалась ввергнутой в кровопролитную междоусобную войну. В Узбекистане радикальные исламисты предприняли попытки стать одной из ведущих политических сил и даже сумели установить фактический контроль над несколькими городами Ферганской долины. Их деятельность была пресечена активными действиями правительства, и исламисты оказались загнанными в подполье. В 1996 г. они создали Исламское движение Узбекистана (ИДУ), поставившее задачу вооруженным путем осуществить свержение существующего светского режима и построить в стране исламское государство.

Боевики ИДУ использовали опыт, приобретенный ими в ходе гражданской войны в Таджикистане, где они принимали участие на стороне ПИВ. В самом Таджикистане тем временем начался процесс национального примирения, сопровождавшийся медленной трансформацией ПИВ в сторону дерадикализации и принятия статуса легальной политической силы, участвующей во власти на условиях квотности и фактически отказывающейся от лозунга создания исламского государства.

Параллельно этому процессу в Узбекистане шла дальнейшая радикализация ИДУ, куда в результате поляризации среди исламистов проникали наиболее экстремистски настроенные сторонники политического ислама.

С начала 1990-х гг. в регионе начала действовать еще одна организация, явившаяся филиалом транснациональной партии, Хизб ат-Тахрир аль-Ислами (ХТИ, Исламская партия освобождения). Она ставила в качестве главной задачи создание исламского халифата. При этом партия декларировала свою приверженность мирным, политическим методам борьбы и сосредоточила внимание на пропаганде своих идей и создании разветвленной организационной инфраструктуры. В первой половине 1990-х гг. ХТИ не пользовалась поддержкой сколько-нибудь значительной части населения центральноазиатских республик, но постепенно ей удавалось вовлекать в свои ряды новых сторонников.

Стоявшая у истоков ИДУ группа мусульманской молодежи, вдохновляемая трудами таких идеологов исламского радикализма, как пакистанец Абу-л-Ала Маудуди и египтянин Сейид Кутб, проповедями местных радикальных имамов, первоначально сплотились вокруг концепции Мусульманабада. Ее автором был Рахматулла-кори, выдвинувший следующие принципы: 1) Центральная Азия принадлежит исламскому миру и является единой территорией, на которой господствует ислам; 2) отношения между индивидами

определяются шариатом; 3) все люди на этой территории верят в Аллаха, и ими правят образованные улемы. По замыслу Рахматуллы-кори, Мусульманабад означал объединение различных независимых государств, расположенных рядом друг с другом. Идея Мусульманабада обнаруживала некоторые черты сходства с концепцией халифата ХТИ, однако она была гораздо более аморфна и не могла претендовать на то, чтобы стать самостоятельной политической концепцией. Скорее она явилась неким общим ориентиром для последователей политического ислама в Центральной Азии.

В условиях обнищания масс населения, растущего социально-экономического неравенства, все большего авторитаризма властей, ужасающей коррупции и отсутствия легальных каналов выражения протестных настроений деятельность исламистских группировок стала едва ли не единственным средством социального протеста. Нельзя сбрасывать со счетов и ту поддержку, которую исламисты регулярно получали из-за рубежа, а также радикализующее воздействие обстановки в ближне-средневосточном регионе, прежде всего в Афганистане, где победа движения «Талибан» и активизировавшаяся деятельность исламских радикалов арабского мира создавали фон, благоприятный для роста поддержки радикальных исламистов в Центральной Азии.

Эволюция Исламского движения Узбекистана

К концу 1990-х гг. ИДУ все в большей мере стало ориентироваться на использование насильственных, террористических методов борьбы. Оно предприняло несколько попыток развернуть вооруженные действия против режима в Узбекистане, а также с помощью теракта физически уничтожить президента Ислама Каримова. Однако все эти попытки окончились неудачей и стали поводом для дальней-

шего «закручивания гаек» в стране и репрессий против исламистов и сочувствующей им части населения страны.

В деятельности ИДУ обращало на себя внимание отсутствие четкой, разработанной идеологической платформы. Однако вряд ли следует, как это делают некоторые эксперты, видеть в ней лишь уголовную банду, спекулирующую исламскими идеями. Анализ имеющихся документов ИДУ позволяет говорить о том, что в организации существовало как политическое, так и военное крыло, идеологи движения пытались разработать свою идейно-теоретическую базу создания исламского государства в Узбекистане и всей Центральной Азии. Оно сохранило те черты, которые были характерны еще для первых исламистских организаций Ферганской долины (в частности, «Адолат»), что неудивительно, так как ИДУ и было создано теми, кто стоял у их истоков. Среди этих черт можно назвать, во-первых, исламский салафитский пуританизм, заповеди строгого соблюдения верующими норм ислама, во-вторых, претензии на то, чтобы еще до захвата власти в стране попытаться фактически выполнять властные функции в отдельных районах (здесь напрашиваются аналогии с российским регионом – Дагестаном, где салафитам удалось примерно в то же время захватить контроль над рядом сел и на время установить там свой порядок), показав населению, что исламисты способны искоренить преступления и коррупцию, в третьих, проповедь идеалов социальной справедливости и равенства, в-четвертых, цель создания в стране исламского режима, основанного на господстве шариата. Некоторые документы ИДУ позволяют судить о концепции этапов исламского джихада – политическом, военном, экономическом и психологическом. В целом идейно-теоретическая основа деятельности ИДУ оставалась неразработанной.

Ориентация на насилие все больше захлестывала ИДУ, его региональные обязательства вступали в противоречие

с его национальной повесткой дня. Это, с одной стороны, естественным образом сужало базу его поддержки внутри страны и, с другой, оказывало негативное воздействие на взаимоотношения государства и религии в Узбекистане. Лишившись возможности продолжать участие в вооруженной борьбе в Таджикистане после достигнутого там национального примирения, боевики ИДУ переместились на базы в Афганистане, но несколько раз использовали таджикскую территорию для транзита в Кыргызстан и далее в Узбекистан, где пытались развернуть боевые действия. В 1999 г. они вступили в столкновение с правительственными войсками на юге Кыргызстана и в Сурхандарьинской области Узбекистана.

Эти события, наряду с попыткой покушения на жизнь узбекского президента в феврале 1999 г., вызвали ухудшение отношений Узбекистана с Кыргызстаном и Таджикистаном, способствовали дальнейшему расхождению позиций этих государств в политике в отношении ислама. Узбекские власти полагают, что опыт национального примирения, который для Таджикистана явился средством выхода из гражданской войны, стабилизации обстановки в стране и национальной консолидации в рамках светского государства, где исламская партия может принимать участие в политической жизни, – для Узбекистана категорически неприемлем. Ташкент обвинил Таджикистан в потворстве исламским экстремистам, полагая, что территория этой страны является источником угрозы национальной безопасности Узбекистана. Для того чтобы обезопасить узбекско-таджикскую границу, узбекские власти не только практически закрыли ее, но даже минировали ряд ее участков. Кыргызское руководство также было подвергнуто резкой критике за неспособность нанести решительный удар по боевикам, проникшим на его территорию с целью в дальнейшем просочиться в Узбеки-

стан. Естественно, все это негативно влияло на экономическое развитие центральноазиатского региона и мешало продвижению сотрудничества между центральноазиатскими государствами. В то же время эти государства налаживали взаимодействие по противодействию исламскому экстремизму и терроризму.

После событий 11 сентября 2001 г. и начала операции сил международной коалиции против режима «Талибан» в Афганистане боевики выступили на стороне последнего. Поражение режима привело к резкому ослаблению ИДУ, многие лидеры и боевики которого были уничтожены. Кроме того, движение лишилось своей базы у границ Центральной Азии, остатки его отрядов переместились в Пакистан, где они уже не имели возможности мобилизации, как в Афганистане. В мировых средствах массовой информации циркулировали слухи о том, будто ИДУ объединилось с некоторыми другими организациями в новое движение – Исламское движение Туркестана, однако если это и произошло, то не привело к сколько-нибудь заметному росту потенциала организации.

Идейно-политические установки Хизб ат-Тахрир ал-Ислами

На фоне постепенной трансформации ИДУ в чисто террористическую организацию в центральноазиатском регионе постепенно укреплялись позиции ХТИ, на данном этапе отмежевывающейся от насилия. Казалось бы, концепция всемирного исламского халифата была настолько утопичной, что не могла привлечь на сторону партии большого числа сторонников. Тем не менее поддержка партии со стороны населения во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. постепенно росла.

ХТИ одновременно является и транснациональной партией, и сообществом крайне мало связанных в организационном плане, практически автономных национальных организаций. Все они объединены одной идейно-политической платформой: ХТИ гораздо в большей степени, чем ИДУ, является идеологической партией. Значительную часть ее программных установок составляют труды основателя партии, палестинского исламиста Таки ад-Дина ан-Набхани (1909–1977). После его смерти они были дополнены теоретическими работами, написанными следующим поколением идеологов партии. Как и любой другой исламский проект, концепция ХТИ также основана на идее создания исламского государства, но в отличие от других, она нацелена на создание всемирного халифата как на главную конечную цель. Исторически появление этой теории тесно связано с противоборством исламистов с марксистами и светскими националистами в арабском мире в 1950–1970-х гг. Казалось, явная утопичность идеи всемирного халифата должна оттолкнуть от партии верующих. Основная тенденция трансформации в регионе состоит в строительстве национальных государств, что предполагает не столько интеграцию, которая заставляет государства поступаться частью своего суверенитета, сколько некоторое обособление, что и происходит в действительности. Однако тяга населения региона к беспрепятственному передвижению людей, к восстановлению утраченных экономических, социальных и гуманитарных связей настолько велика, что даже утопический транснационализм ХТИ выглядит привлекательным. Не отпугнула даже излишняя привязка ХТИ к политическим реалиям ближневосточного региона. Если первоначально ХТИ находила сторонников среди населения Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана (хотя и в двух последних республиках среди ее сторонников преобладали узбеки), то в последние

годы ее влияние стало распространяться и на южные области Казахстана.

В теоретических установках ХТИ отчетливо прослеживается критическое отношение к таким институтам современной трансформации, как капитализм и демократия. К примеру, утверждается, что принцип свободы предпринимательства противоречит исламу и поэтому не может быть принят верующими. А концепция прав человека санкционирует внебрачные отношения и половые извращения и тем самым бросает вызов исламской морали. Демократия, по мнению авторов теоретических установок партии, делает творцом законов человека вместо Бога и тем самым становится безбожием. Кроме того, как утверждается, в результате внедрения демократии западного образца люди не управляют своей жизнью, над ними господствует кучка влиятельных людей, а претензии на равенство, справедливость и подотчетность правителей не имеют ничего общего с действительностью.

В тахрировской критике капитализма и демократии нельзя не видеть влияния идей марксизма и арабского национализма, у которых партия в прошлом хотела «отобрать» популярные лозунги равенства и социальной справедливости. Понятно, что в болезненных условиях постсоветской трансформации центральноазиатских обществ эти лозунги еще долго будут сохранять свою привлекательность, тем более в условиях практического отсутствия светской левой альтернативы. Нельзя не согласиться с мнением британских авторов А. Сидрахмеда и А. Эхтешами о влиянии противоречия между «абсолютистской» природой исламской идеологии и *релятивистским* характером демократии». Здесь противостоят друг другу сила, рассматривающая себя как «хранителя божественного завета» и поэтому претендующая на монополию на истину, и система, базирующаяся на «отно-

сительных истинах и мнениях». В то же время все исламские движения, не исключая ХТИ, вполне готовы пользоваться плодами демократии, когда она предоставляет им возможность легально действовать и работать с населением.

Стадии борьбы по философии ХТИ

Аналитики, считающие ненасилие лишь тактическим ходом ХТИ, опираются на отдельные положения трудов самого Набхани и полевые данные. Согласно книге «Халифат» («Халифатлык» в узбекском переводе), конечной целью партии является строительство исламского государства в мировом масштабе, но борьба за осуществление этой цели подразделяется на несколько основных этапов.

Первый этап – пропаганда идей партии, создание ее организационных ячеек, максимально широкое привлечение населения в ее ряды. Второй этап начинается тогда, когда идея создания халифата овладевает массами (как в ленинской теории социалистической революции). В этой фазе происходит бескровная революция, в ходе которой массы требуют, чтобы правящие в странах политические лидеры добровольно, но под мощным давлением народа оставили свои посты. Наконец, на третьем этапе произойдут выборы халифа, в которых примут участие все взрослые мусульмане, мужчины и женщины.

Отстранение от власти правителей интерпретируется рядом исследователей как задача, неизбежно требующая применения силы, отсюда и развивается представление о ХТИ как организации, ориентированной на захват власти, лишь на данном, подготовительном этапе концентрирующей все усилия на завоевании поддержки населения и политической мобилизации.

Эволюция влияния ХТИ

В результате целого ряда причин и, особенно, вследствие развернувшейся с конца 2001 г. во всем мире антитеррористической борьбы, по мнению ряда исследователей. ХТИ, сталкивающаяся с возрастающими трудностями переживает спад активности.

Некоторые наблюдатели полагают, что влияние этой организации в народе падает, а в руководстве ХТИ будто бы царят склоки и раскол, однако не исключено, что это лишь маскировка, которая должна помочь исламским радикалам пережить сложное для них время. Население городов и сел Ферганской долины, главной базы исламских экстремистов, запугано преследованиями за малейшие симпатии к ХТИ и другим радикалам, не говоря уже о прямом содействии им или вступлении в их ряды. Кроме того, в результате массированных репрессий члены радикальных исламских организаций ушли в глубокое подполье. Люди, озабоченные тяжелыми повседневными проблемами, уже не так откликаются на призывы радикалов, как прежде. Риск стал больше, большой пользы от поддержки исламистов они не видят и уже не верят (как многие из них прежде), что тем удастся построить справедливое и процветающее исламское государство, о котором они рассказывают уже полтора десятка лет. Тем не менее симпатии к исламским радикалам имеют здесь глубокие корни, исламисты остаются единственной силой, бросающей вызов режиму, и протестные настроения выплескиваются в виде поддержки исламистов даже у тех, кого нельзя назвать набожными мусульманами. По данным фонда «Ижтимои фикр», из 97% коренного населения Узбекистана, являющегося мусульманским, далеко не каждый соблюдает все предписанные обряды. Мечети посещаются в основном стариками и особо набожными молодыми людьми. Только каждый четвертый из молодых людей до 30 лет

выполняет предписанные религией обряды и ритуалы. Но вряд ли следует интерпретировать это явление как снижение религиозности. Было бы точнее говорить о дремлющей, скрытой религиозности – открытая ее форма дискредитирована всем ходом событий в стране, в регионе и в мире, а также опасна ввиду политики властей, рассматривающих исламский радикализм как главную для себя угрозу и поэтому заинтересованных в снижении религиозности вообще. Дремлющая, подавленная религиозность уже выливалась в бурную волну исламизма после распада Советского Союза, подобный же всплеск может произойти в Узбекистане и в перспективе.

Есть основания считать, что спад активности ХТИ не означает ее ухода с политической арены. Существует несколько причин того, почему ХТИ (и, в более широком плане, религиозная оппозиция) остается фактически единственным каналом выражения оппозиционных настроений. Во-первых, религиозная часть населения не доверяет официальному духовенству, находящемуся под жесткой опекой властей. Доверие к тем, кого притесняют власти, кто апеллирует к «истинным исламским ценностям» и страдает за веру, среди этой части населения традиционно высоко. Во-вторых, полностью потеряли возможность действовать светские оппозиционные партии. Официально они запрещены, никакой нелегальной работы с населением они не ведут, к их веб-сайтам имеют доступ лишь отдельные представители интеллигенции. Кроме того, лидеры этих партий, находящиеся в эмиграции, практически потеряли связь с Узбекистаном, мало знают проблемы, волнующие рядовых людей. В-третьих, в последнее время руководство ХТИ впервые стало активно обращаться к повседневным нуждам узбекистанцев, использовать социальные, экономические и экологические проблемы для разжигания оппозиционных настроений и завоевания популярности. Для недо-

вольного своим положением населения тахририты выглядят единственными защитниками его прав. В качестве одного из примеров можно привести трижды организовывавшееся в Самарканде в начале 2003 г. пикетирование табачной фабрики British American Tobacco Co. В ходе пикетирования его участники, среди которых большинство составляли женщины и дети, забрасывали здание камнями, пытались устроить поджог. Формальным поводом для пикетирования послужили экологические проблемы – влияние фабрики на среду и на здоровье живущих здесь людей. При этом фабрика существует здесь около 60 лет, ранее она работала на устаревшем оборудовании, выпускала папиросы «Беломор», и как раз незадолго до начала беспорядков на ней было установлено самое современное американское оборудование. По данным руководителя местного экологического фонда, беспорядки на фабрике в Самарканде были организованы ХТИ, ячейка которой подстрекала людей с помощью листовок, а также действовала через агитаторов. В-четвертых, ХТИ успешно использовала для политической мобилизации антиамериканские и антибританские настроения, распространяющиеся в регионе с 2003 г. в связи с событиями в Ираке. В новых условиях традиционная антиамериканская и антиизраильская риторика ХТИ, по сути чуждая узбекистанцам и уже порядком надоевшая, стала находить больший отклик. Лозунги солидарности с несправедливо обижаемыми мусульманами становились еще более популярными вследствие того, что операцию против Ирака поддержали узбекистанские власти (кроме того, против операции не выступала и светская оппозиция). Использование ситуации в Ираке как мобилизационного инструмента продолжается и сегодня. В-пятых, ХТИ стало удаваться использовать в своих интересах межклановую борьбу. Если еще раз обратиться к беспорядкам на самаркандской табачной фабрике, то в них совершенно очевидно были заинтересованы представители

некоторых местных кланов, недовольные тем, что все прибыли от табачного бизнеса уходят в центр. Понятно, что именно в силу межклановых противоречий представители групп, считающих себя обойденными в распределении властных полномочий и в сфере бизнеса, именно в силу этого обстоятельства они могут поддерживать исламистов или примыкать к ним. В Узбекистане считают, что даже в правительственных учреждениях страны есть «тайные сторонники ваххабитов», как продолжают именовать любых исламских оппозиционеров в Центральной Азии.

Именно поэтому «ваххабитов» продолжают искать в Узбекистане с удвоенными усилиями не только в кишлаках Ферганской долины. Периодически обнаруживается салафитская литература и арестовываются люди, подозреваемые в ее распространении, даже в некоторых центральных учреждениях.

Иначе говоря, некоторый спад активности и частичное падение популярности ХТИ не означают уменьшения потенциала партии. Об этом, в частности, говорят листовки, посвященные внутренней проблематике Узбекистана, в которых заметна более умелая манипуляция информационным материалом.

Андижанские события и их влияние на ситуацию в регионе

Новым поворотным моментом в отношениях между узбекистанскими властями и исламом стали события 13–14 мая 2005 г. в одном из городов Ферганской долины – Андижане. Там, как известно, произошли массовые беспорядки, в ходе которых мятежниками были захвачены заложники и оружие. Эти беспорядки были жестко подавлены узбекскими силами правопорядка. Погибло много людей, в том числе мирных жителей, вышедших на демонстрацию и не имевших

прямого отношения к организации беспорядков. Интерпретации этих событий и их оценка узбекистанскими властями, правозащитными организациями и зарубежными правительствами различных государств значительно расходятся. В то же время установление истины крайне необходимо для понимания тех процессов, которые происходят сегодня в Центральной Азии вообще и в Узбекистане в частности.

В контексте рассматриваемой темы важно отметить некоторые обстоятельства андижанских событий. Прежде всего, в них явно присутствовала исламская составляющая, хотя породившие их причины следует искать в социально-экономической и политической сферах. Им предшествовал арест и суд над группой из 23 местных бизнесменов, обвинявшихся в принадлежности к исламистской группе «Акрамийя». Эксперты высказывают разные мнения по поводу того, можно ли считать акрамитов экстремистами, содержит ли распространяемое произведение основателя этой группы экстремистские идеи и принадлежат ли осужденные бизнесмены к данной группе. Целый ряд авторитетных узбекских экспертов, в том числе Бахтияр Бабаджанов, полагает, что акрамиты представляют собой радикальную группу. Никто не может с уверенностью сказать, отпочковались ли они от одной из существовавших ранее в регионе организаций (по одной из версий, якобы от ХТИ) или же возникли сразу как независимая группа. Власти Узбекистана считают андижанские события не только результатом действий акрамитов, но и видят в них прямой след международных террористических группировок. Версию зарубежного следа поддержали и многие российские официальные лица. В то же время западные правительства и подавляющая часть западного общественного мнения не склонны поддерживать эту версию. Осуждая действия мятежников, они резко упрекают узбекские власти в чрезмерном использовании силы, приведшем к гибели невинных людей. Лишь отдельные за-

падные эксперты поддерживают позицию узбекского правительства. В их число, в частности, входит известный британский специалист по Центральной Азии Ширин Акинер, беседовавшая со многими участниками событий по разные стороны баррикад, в том числе и с теми из них, кто находится в местных тюрьмах. Исследовательница пришла, в частности, к следующим выводам:

- события 13 мая были не спонтанной демонстрацией, а тщательно подготовленным выступлением;

- это была не демонстрация мирных граждан, а акция вооруженных людей, прошедших определенную боевую подготовку;

- в ходе перестрелок погибло около 40 военнослужащих с правительственной стороны и примерно столько же мятежников;

- часть мятежников были местными жителями, но многие прибыли из других областей Узбекистана, а также из Кыргызстана и, возможно, других государств СНГ;

- в том, что касается «неадекватно жестоких» действий сил безопасности, вызвавших жертвы среди мирных жителей, Ш. Акинер рассматривает различные факторы, влиявшие на их характер, особо отмечая, что войска призывали толпу на площади, собравшуюся по призыву инсургентов, разойтись, предупреждая, что они будут штурмовать хокимият. Однако по неизвестной причине люди предпочли остаться на площади. Последующий проведенный ею опрос людей в Ташкенте показал, что 80% из них убеждены, что мятеж в Андижане был спланирован на Западе (!).

Политика исламистов в областях Ферганской долины всегда состояла в использовании недовольства людей своим бедственным положением, коррумпированностью власти, засильем кланов, авторитаризмом. Часть непосредственных организаторов мятежа прибыла в Андижан из южных областей Кыргызстана, где исламистские группы могут дейст-

вывать практически открыто. Что же касается осужденных бизнесменов, то их причастность к подпольной деятельности исламистов остается недоказанной. Сами они признают, что являются ревностными мусульманами, но отрицают свою связь с группой «Акрамийя». Тем не менее нельзя не учитывать, что, по утверждению тахриритов, основными источниками финансирования их партии служат пожертвования местного населения, в том числе бизнесменов. Исключать причастность бизнесменов как минимум к финансированию исламистской активности нельзя.

В андижанских событиях хорошо прослеживается и роль клановых отношений. По данным, приводившимся сетью EurasiaNet, суд над бизнесменами был напрямую связан со смещением в мае 2004 г. хокима Андижанской области Обидова, с которым поддерживали тесные отношения 23 арестованных бизнесмена. Обидов контролировал все хозяйство области, и лишь те, к которым он благоволил, могли успешно заниматься бизнесом. Поначалу Обидов был любимцем Каримова, но со временем неблагоприятное положение в области и коррупция стали вызывать раздражение президента. К тому же хоким вызывал опасения еще и своей принадлежностью к Ферганскому клану, не вызывающему доверия президента. Хокиму были предъявлены обвинения в разнообразных личных злоупотреблениях, и Каримов сам присутствовал на заседании областного совета, сместившего хокима. Новый хоким, Бегалиев, начал чистку кадров в области и преследование предпринимателей, тесно связанных с его предшественником. Акция против 23 бизнесменов-акрамитов, таким образом, была составной частью кампании по установлению контроля центра над этой важной в экономическом и политическом отношениях областью и наведению в ней порядка, в том числе средствами, характерными для политической системы этой страны.

В андижанских событиях, как и во всех предыдущих кризисных ситуациях в Узбекистане, тесно переплелись социально-экономические, религиозные и регионально-клановые факторы. После андижанских событий руководство страны еще больше усилило давление на неформальный ислам. Более того, подвергшись резкой критике со стороны Запада за свои действия во время андижанских событий и отказ согласиться на расследование их международной комиссией, президент Каримов пошел на ограничение своего сотрудничества с западными государствами в рамках контртеррористической коалиции. Это было связано, вероятно, не только с обидой узбекского лидера на критику, но и гораздо в большей степени с его подозрениями, что США и их союзники будут поддерживать исламскую оппозицию в стране с целью свержения его режима. Не случайно Ташкент обвинил страны Запада в причастности к андижанским событиям. Кроме того, Каримов, возможно, считал, что его тесное сотрудничество с США будет еще в большей мере содействовать мобилизации его противниками из лагеря радикальных исламистов поддержки населения.

Трансформация Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ)

ПИВТ дает нам пример глубокой трансформации партии, вначале нацеленной на захват власти с целью построения исламского государства, в том числе и путем использования вооруженной силы, в парламентскую партию, ориентированную исключительно на мирные политические действия и принимающую – во всяком случае, на среднесрочную перспективу – условия светского государства.

Уникальный для Центральной Азии сценарий инкорпорирования исламской партии вместе с ее партнерами в лице партий либерально-демократической ориентации во власть как младших партнеров светских сил осуществился вследствие острой необходимости преодоления идейно-политического раскола общества после гражданской войны, совпавшего с расколом по линии региональных элит. Большую роль в реализации этого сценария сыграло влияние внешних сил, интересы и усилия которых в данном случае также совпадали, в отличие от ситуации в других республиках Центральной Азии, ставших – хотя и в более поздний период – ареной столкновения геополитических интересов глобальных и региональных игроков. Показательно, что Иран, несмотря на свои симпатии к таджикским исламистам, которым он оказывал помощь, руководствовался более важными для него геостратегическими задачами и тесно сотрудничал с Россией в поисках приемлемой формулы урегулирования внутритаджикского конфликта.

ПИВТ продемонстрировала немалую политическую зрелость, фактически пожертвовав своими узкопартийными интересами во имя восстановления мира и стабильности в стране. Однако ее руководство в полной мере осознавало и то, что она проиграла гражданскую войну, у нее не было шансов на победу, а социальная база исламистов постепенно сужалась, так как именно на них значительная часть населения возлагала вину за происшедшее кровопролитие. Блок светских сил, стоявший у власти, также проявил смелость, пойдя на соглашение с исламистами и демократами.

Соглашение положило конец междоусобице, но не привело к установлению стабильного баланса региональных сил в государственно-политической системе страны. Их соперничество было введено в русло скрытого противоборства в рамках существующей системы, которая в целом продемонстрировала свою устойчивость и способность к об-

новлению. В руководстве ПИВТ возрастающую роль стали играть просвещенные элементы, принадлежащие молодому поколению лидеров. Они в немалой степени способствовали созданию таджикскому режиму позитивной международной репутации. Таджикское руководство во главе с Эмомали Рахмоном сумело не только наладить конструктивные отношения с основными глобальными и региональными державами, но и добиться реализации значительного числа поставленных перед собой целей. Так, Таджикистан находится на относительно хорошем счету у международных организаций в сфере обеспечения свободы слова или проведения финансово-экономических реформ. По инициативе Таджикистана Россия передала ему охрану государственной границы. Выполнявшая миротворческие функции 201-я мотострелковая дивизия преобразована в базу и выводится из столицы, российские компании начали осуществлять беспрецедентные инвестиции в промышленно-энергетический сектор страны и другие сферы.

Недоверие между прежними противниками по гражданской войне, а ныне фактическими партнерами по коалиции медленно смягчается, но не может быть окончательно преодолено. ПИВТ, с одной стороны, активно использовала шанс на превращение в партию парламентского типа, но, с другой, в результате этого она стала терять симпатии происламски ориентированного электората, часть которого стала поворачиваться к местной ХТИ, набиравшей на этом очки, несмотря на сильные преследования со стороны властей и мощную кампанию по ее дискредитации, в которой участвует и ПИВТ. В господствующем в стране блоке светских сил есть группа, стремящаяся к окончательному вытеснению ПИВТ из властных структур, хотя ее присутствие и так значительно меньше первоначальных квот, а в результате выборов в парламент республики она получила там незначительное число мест. Именно эта группа предпринимала

попытка ввести в конституцию статью, которая бы запрещала регистрацию любых партий, образованных на религиозной основе. Сотрудничество пока продолжается, и новые импульсы ему дает активное участие ПИВТ в действиях по противоборству с религиозно-экстремистскими группировками.

Проблема политического ислама и трансформация

Очевидно, что в процессе трансформации общества центральноазиатские режимы встают перед необходимостью определения места религии в обществе и сталкиваются с серьезными вызовами со стороны политического ислама. Различные режимы отвечают на эти вызовы различными путями:

- подвергая репрессиям всех исламистов, разрушая их организационные структуры и запрещая политическую деятельность под флагами ислама (к примеру, Узбекистан);
- подавляя радикальные группы (в особенности салафитского, в первую очередь джихадистского, толка) и давая возможность существовать группам умеренного толка, с которыми иногда ведется осторожный диалог (Кыргызстан и Казахстан);
- подавляя радикальные группы и сотрудничая с умеренными исламскими политическими организациями вплоть до их включения во властные структуры (Таджикистан).

Центральноазиатские режимы также осуществляют следующие меры, направленные на то, чтобы снизить мобилизационный потенциал политического ислама:

- контролируют религиозную жизнь граждан;
- поощряют традиционный, умеренный ислам и стремятся использовать его для борьбы с импортированными, радикальными его формами;

- развивают секуляризм;
- препятствуют финансированию местных исламских общин международными благотворительными организациями;
- определяют выезд на учебу в зарубежные исламские учебные заведения местной молодежи;
- запрещают или ограничивают деятельность зарубежных благотворительных исламских организаций в своих странах.

Слабостью властей и лояльного им исламского духовенства является их нежелание или неспособность вести диалог с той частью исламистов, которая отвергает насилие и в перспективе способна на позитивную эволюцию. В сложных социально-экономических и политических условиях, порождающих настроения протеста среди населения, политический ислам остается главной, если не единственно привлекательной формой выражения этих настроений.

Глава 5.

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В политической трансформации государств Центральной Азии (ЦА) и формировании их систем безопасности, помимо факторов внутреннего порядка, в значительной степени задействованы внешние факторы. Речь идет о роли в указанных процессах таких ведущих внешнеполитических игроков, как Россия, Китай, США и страны Евросоюза.

На политической карте ЦА начинают действовать также государства регионального значения – Афганистан, Турция и Иран, имеющие особые, исторически обусловленные отношения с ЦА. Возрастающий интерес к постсоветским государствам ЦА отмечен со стороны Индии, Пакистана и Японии, которые тоже расширяют масштабы своего проникновения в регион, не играя здесь, впрочем, пока определяющей роли.

Россия как ключевой игрок

Для России государства Центральной Азии, как и все так называемое «ближнее зарубежье», – приоритетное направление ее дипломатии. Это следует из двух основополагающих документов, определяющих российскую внешнюю политику – «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и «Концепции внешней политики Рос-

сийской Федерации», увидевших свет в 2000 г. Такой же вывод можно сделать и из ежегодных посланий президента Федеральному собранию РФ.

Центральная Азия рассматривается Россией как важная зона ее геополитических интересов, от стабильности которой зависит национальная безопасность самой России. Традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности в этом регионе выглядят для России острее и являются несравненно более актуальными, чем для других внешних игроков. Россия не может игнорировать, например, поток наркотиков, идущих из Афганистана, превращение этой страны, а также некоторых районов Центральной Азии в базу для пополнения религиозно-экстремистских группировок. Как справедливо подметил директор российских и азиатских программ Института мировой безопасности США Николай Злобин, «главное преимущество и отличие России от США, ЕС и любых других игроков извне заключается в том, что только ей выгодно превращение Евразии в один из влиятельных центров мировой политики. Евразия для остальных – лишь источник энергии и один из фронтов по борьбе с терроризмом»¹⁸⁷.

Вместе с тем отношения России с центральноазиатскими республиками не могут быть перенесены в одночасье в разряд чисто межгосударственных. Помимо человеческих контактов, Россию и республики Центральной Азии продолжают связывать совместные экономические, политические и военные интересы. Россия заинтересована в сохранении и поддержании экономических связей с регионами, где находятся жизненно важные для нее коммуникации и стратегические объекты (например, Байконур), ископаемые ресурсы, маршруты прохождения нефте- и газомаршрутов.

¹⁸⁷ Злобин Н. Москве необходима новая стратегия в СНГ // *Независимая газета*. 21.05.2007.

России важно также упрочить в Центральной Азии свои стратегические позиции, которые облегчают ей доступ к Китаю, Индии, странам мусульманского Востока и одновременно позволяют сохранять свое присутствие на территориях, традиционно являющихся сферой ее жизненных интересов.

В самом общем плане российские национальные интересы в ЦА можно свести к следующим позициям:

- обеспечение стабильности на основе партнерских отношений со всеми государствами регионов;
- использование их геополитического потенциала с целью решения практических и статусных задач России как мировой и региональной державы;
- международное признание ведущей роли России в этих регионах.

Перед Россией в связи с этим возникают следующие практические задачи: эффективно использовать существующие многосторонние механизмы; обулаивать южные границы; поддерживать и развивать военное сотрудничество; использовать энергетический и природно-ресурсный потенциал Центральной Азии, продвигать на ее рынок российские энергетические компании; добиваться использования странами региона российской экспортной структуры.

Для России неприемлемым является развитие ситуации в странах Центральной Азии по апробированной в бывшей Югославии, а также Грузии, на Украине и в Киргизии модели «демократических (цветочно-фруктовых) революций». Есть и другое соображение, побуждающее Москву с настойчивостью относиться к сценариям политического развития Центральной Азии по модели «цветных революций»: становясь, как правило, фактором, подрывающим политическую стабильность, они увеличивают в связи с этим шансы радикальных исламистов на захват власти. Словом, позиция России отличается от подходов США, рассматривающих

демократию (понимаемую как универсальную политическую систему) и свою роль в ее продвижении как силу долгосрочного действия, укрепляющую региональную стабильность. В России на сценарий такого политического развития государств Центральной Азии смотрят иначе. Здесь полагают, что за принудительной демократизацией, пропагандировавшейся администрацией Дж. Буша в качестве меры, позволяющей кардинально решать проблемы экстремизма и терроризма, скрывается иная цель – безраздельно управлять в регионе всеми экономическими и политическими процессами без помех со стороны других внешнеполитических игроков (России и Китая), а также структур, где эти игроки лидируют (ШОС).

Хотя Вашингтон и не акцентирует вопрос о соперничестве с Россией в Центральной Азии (как и в остальных республиках бывшего СССР) и даже подтверждает намерение сотрудничать с Москвой в рамках стратегического партнерства, реальные шаги США нацелены на «мягкое», но решительное вытеснение России из традиционных сфер ее влияния в регионе. А между тем Россия преследует в регионе свои законные геополитические интересы, и ее нынешняя политика более соответствует интересам США и Евросоюза, чем непредсказуемые последствия «балканизации» Центральной Азии.

Выступая против ускоренной демократизации центральноазиатских обществ по западным лекалам, Россия в то же время вовсе не является противницей демократических преобразований в центральноазиатских обществах, как то утверждают ее критики в США и Европе. Не она ответственна за консервацию в странах Центральной Азии авторитарной модели (которая, кстати, вовсе не служит для США и Евросоюза препятствием для установления отношений партнерства и сотрудничества с рядом стратегически важных и богатых ресурсами государств ЦА). И уж тем бо-

лее не вынашивает Россия никаких неоимперских замыслов в отношении независимых государств региона, а ее внешнюю политику определяет в основном высвободившийся из плена идеологических догм прагматизм, и этим она выгодно отличается от взятого на вооружение администрацией Дж. Буша курса, сильный мессианский настрой которого делает его подозрительно схожим с политикой СССР в Третьем мире образца 1960–1970-х гг.

России удалось сохранить в Центральной Азии репутацию надежного и предсказуемого партнера, от которого не исходит угроза революционных потрясений. Россия не занимается морализаторством и поучениями, и она – в отличие от ОБСЕ и представителей Госдепартамента США, для которых «визитной карточкой» в Центральной Азии давно стали по-разному применяемые подходы к тем или иным событиям – не проводит политику «двойных стандартов», не разделяет страны региона по идеологическому принципу, что свойственно Западу. От США и стран Евросоюза Россию выгодно отличает и то, что она не обставляет свою помощь жесткими политическими условиями; она не «работает» с политическими оппонентами местных правящих режимов, не создает структур, которые под прикрытием правозащитных идей осуществляют прямое вмешательство во внутривнутриполитические дела стран региона с целью реализации собственных стратегических и экономических задач.

Для России, являющейся многонациональным и многоконфессиональным, но светским государством, большое значение имеет сохранение в Центральной Азии исторически сложившейся – в том числе благодаря присутствию здесь России (как в имперские, так и в советские времена) – традиции секулярности политической власти и политических режимов. На современном этапе стратегически важным для Москвы остается необходимость противодействия вместе с центральноазиатскими государствами религиозно-

му экстремизму, получающему поддержку от неправительственных религиозно-политических организаций Афганистана, Пакистана, Саудовской Аравии и ряда других стран Ближнего Востока. Совершенно нежелательной, с точки зрения интересов России, является и гипотетическая исламская альтернатива для государств Центральной Азии:

- во-первых, она грозит непредсказуемостью политического развития самой Центральной Азии;

- во-вторых, дает возможность сблизиться на антироссийской основе центральноазиатским исламистам с их единомышленниками в Афганистане, Пакистане и государствах БСВ;

- в-третьих, обеспечивает подпитку сепаратистским силам, имеющим исламистскую окраску, на российской территории (Северный Кавказ, Поволжье).

Центральноазиатские лидеры больше склонны соглашаться с российским подходом к проблеме демократизации их государств, нежели с американским видением этих процессов. В центральноазиатских столицах осознают также, что американское базирование не может не быть долгосрочным, что угрозы из Афганистана и со стороны местной оппозиции не исчезают, да и сама геополитическая обстановка в Центральной Азии продолжает оставаться нестабильной. Наркотрафик в сочетании с предполагаемым ростом исламского радикализма – вот те угрозы, защититься от которых хотели бы центральноазиатские государства, в том числе и с помощью структур безопасности, действующих в рамках СНГ и под эгидой России. Стратегически важным и для Москвы, и для государств Центральной Азии остается необходимость противодействия радикальным религиозно-политическим движениям, базирующимся в Афганистане, а также стоящим за ними неправительственным силам в Пакистане и арабских государствах Персидского залива.

Фактор Китая

Другой влиятельный игрок на центральноазиатской сцене – Китай, проявляя присущий его политике реалистичный подход, предпочитает действовать здесь осторожно, тем более что основные внешнеполитические проблемные точки Пекина расположены в Азиатско-Тихоокеанском регионе – это Тайвань и спорные островные территории в южных морях. КНР преждевременно не демонстрирует своих амбиций и стратегических интересов в Центральной Азии, что вовсе не означает отсутствия таковых. Эти интересы китайский исследователь Чжао Хуашэн формулирует следующим образом¹⁸⁸:

- борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- обеспечение безопасности в пограничных районах;
- поддержание стабильности в регионе;
- содействие экономическому развитию;
- обеспечение дружественных отношений стран региона к Китаю;
- недопущение попадания Центральной Азии под монопольный контроль государств, враждебных Китаю;
- недопущение создания в регионе военных союзов, направленных против Китая;
- обеспечение открытости для Китая энергетических ресурсов региона.

По мере своего становления в качестве мировой державы Китай успешно использует во внешней политике американское *know how* – «мягкое влияние» (*soft power*). В рамках этой стратегии поставлена задача сделать Китай и его культуру максимально притягательными не только для руково-

дства других государств, но и для целых народов. Не стала исключением и географически приближенная к Китаю Центральная Азия. Ослабление здесь в первой половине 1990-х гг. позиций России, реально возникшая после 2001 г. угроза заполнения геополитического пространства Центральной Азии американско-натовскими силами – вот те стимулы, которые побуждают Пекин активизировать свою политику в данном регионе.

В США учитывают, что «ахиллесовой пятой» КНР являются энергоресурсы, и Вашингтон прикладывает усилия, чтобы усложнить доступ Китая к центральноазиатской «кладовой». Этой цели служит и кампания по раздуванию угрозы «китайского гегемонизма», имеющая также много сторонников в политическом истеблишменте и экспертном сообществе России и стран Центральной Азии. Впрочем, такого рода угроза, если отталкиваться от центральноазиатских реалий, не является пустым звуком: капиталу республик региона и даже такой динамично развивающейся страны, как Казахстан, трудно противостоять экономической экспансии Китая, бизнес которого уже получил закалку в процессе глобализации, а также благодаря участию в ВТО.

Особенно впечатляющих успехов добился Китай в отношениях с Казахстаном, взаимодействие с которым в энергетической сфере носит поступательный и динамичный характер. Не меньшие надежды в Пекине возлагают на Туркменистан и Узбекистан как на поставщиков ценного углеводородного сырья и как на транзитные государства для трубопроводных систем. Но отношения Китая с центральноазиатскими государствами не ограничиваются только энергетической сферой, они затрагивают взаимопересекающиеся проблемы безопасности.

Так, президент Таджикистана Эмомали Рахмон, прибывший в Китай 15 января 2007 г. с недельным государственным визитом, заключил с китайской стороной Договор

¹⁸⁸ Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Рабочие материалы. № 5. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 50.

о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Ранее, еще в период президентства А. Акаева, аналогичное соглашение было подписано с Киргизией, от которой китайская сторона добилась еще и принятия очень ценных для нее документов – «Протокола о демаркации линии кыргызско-китайской государственной границы» и «Карты государственной границы» в качестве приложения к Протоколу. В соответствии с этими документами Китаю отошел огромный кусок спорной киргизской территории, что спровоцировало в самой Киргизии острейший политический кризис, кульминацией которого стали так называемые Аксыйские события 2002 г., когда власти расстреляли вышедших на демонстрацию сторонников оппозиционного депутата парламента, протестовавшего против заключенной с Китаем сделки. И хотя позднее, во время визита в Китай в июне 2006 г. президента Киргизии К. Бакиева официально было заявлено, что эти договоренности знаменуют собой «окончательное решение двумя государствами пограничного вопроса»¹⁸⁹, напряженность в киргизском обществе по проблеме взаимоотношений с Китаем сохраняется.

Политика «одного Китая» и интересы безопасности стран ЦА подразумевают недопущение создания и деятельности организаций и объединений, представляющих угрозу суверенитету, безопасности и территориальной целостности. На этих принципах строит свои отношения с Китаем Узбекистан. Еще в июне 2004 г. на саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Ташкенте Председатель КНР Ху Цзиньтао и президент Узбекистана И. Каримов подписали «Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» – документ, важный не столько для Узбекистана, сколько для Китая, поскольку своим острием он направлен против «уйгурского

¹⁸⁹ Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики. 9 июня 2006 г., г. Пекин // *Слово Кыргызстана*. 10.06.2006.

национализма». Тем не менее в Узбекистане, где исторически сложилась значительная уйгурская диаспора, наряду с ограничениями политического и культурного характера для уйгуров, был введен запрет на создание уйгурских организаций, выступающих за независимость Синьцзяна. Единственное исключение узбекские власти сделали для Уйгурского культурного центра, но только потому, что он является неполитической организацией.

В своем отношении к уйгурской проблеме Узбекистан занял позицию, отличную от соседей – Казахстана и Киргизии, которые не препятствуют уйгурским объединениям, действующим на территории этих республик. (К примеру, в торгово-экономическом сотрудничестве Киргизии с Китаем товарооборот с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР составляет 80% всего объема торговых отношений между двумя странами.) Меры же, принятые официальным Ташкентом против «уйгурских сепаратистов», были тщательно просчитаны. С одной стороны, узбекские власти, учитывая крайне болезненную реакцию Китая на любые действия, способные поставить под сомнение его территориальную целостность, постарались нормализовать таким путем межгосударственные отношения с могучим азиатским соседом. С другой, Ташкент надеялся получить от своих китайских партнеров поддержку в борьбе с собственными «экстремистами», особенно с Исламским движением Узбекистана (ИДУ). И этот расчет в целом оправдался. Когда в мае 2005 г. в узбекском Андижане произошли известные события, вызвавшие громкий международный резонанс и повлекшие за собой санкции со стороны США и Евросоюза¹⁹⁰, Китай, как и Россия, поддержал Узбекистан.

¹⁹⁰ См. об этом подробнее: *Мальшева Д.* Центральная Азия в свете «демократических революций» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 8.

Ведь для КНР, с точки зрения ее национальных интересов, малозначимыми являются такие факторы, как общественно-политический строй в государствах Центральной Азии и используемые там местными властями методы борьбы со своими оппонентами. Китаю важно, чтобы в странах региона не создавались базы уйгурских сепаратистов, чтобы оттуда не шли потоки наркотиков, нелегальных мигрантов и оружия. Китай рассчитывает также, что образовавшиеся после распада СССР независимые государства Центральной Азии станут для него буфером и спокойным тылом. Определенные гарантии сохранения стабильности в регионе существуют для Китая в рамках ШОС. Однако в случае возникновения новых вызовов, в том числе и тех, что рождают свершившиеся и потенциальные «цветные» революции, межэтнические конфликты и проч., Китай едва ли останется в роли стороннего наблюдателя. Какие шаги он предпримет, сказать трудно, но то, что он будет действовать, если угрозы его безопасности станут серьезными, сомнения не вызывает.

Подходы США к проблемам трансформации Центральной Азии: концепция демократизации и ее реальное воплощение

По мере того, как в условиях формирующегося однополярного мира Соединенные Штаты превращались в XXI в. в силу, определяющую глобальную политику, они – в соответствии со сфокусированными на постсоветское пространство документами («Актом о поддержке свободы», Законом «О продвижении демократии») – стали строить отношения с государствами Центральной Азии, исходя из принципа «демократического стандарта» и сводя конкретные цели американской политики в сфере демократизации к следующим императивам: «распространять демо-

кратию как средство, с помощью которого достигается безопасность, стабильность и процветание всего мира; помогать новым формирующимся демократиям приводить в действие (implementing) демократические принципы; содействовать сторонникам демократии во всем мире в установлении в их странах демократий, подверженных еще колебаниям (vibrant democracies); выявлять и осуждать режимы, лишаящие своих граждан права избирать лидеров на выборах, которые должны быть свободными, справедливыми и прозрачными»¹⁹¹.

Отсюда следует, что глубина процессов политической трансформации измеряется Госдепартаментом США в основном двумя критериями – «прозрачностью» выборов и степенью демократизации средств массовой информации.

Осуществлять политическую трансформацию Центральной Азии призваны специализирующиеся на «распространении демократии в мире» правительственные и неправительственные организации и институты. Таким, в частности, является образованное в недрах Госдепартамента США Бюро демократии, прав человека и труда. Оно поддерживает и продвигает программы демократизации (мониторинг выборов, развитие парламентаризма и др.) с помощью созданного в 1998 г. Фонда прав человека и демократии.

Другой влиятельный инструмент американской политики – федеральное правительственное Агентство США по международному развитию (U.S. Agency for International Development – USAID). Являясь прямой аналогией Плана Маршалла по восстановлению Европы после Второй мировой войны, USAID избирательно финансирует те страны мира, где заявлено о готовности к восприятию «демократических ценностей». В число таких стран после распада СССР попали и центральноазиатские; с некото-

¹⁹¹ Bureau of Public Affairs, U.S. Department of State // www.usinfo.state.gov

рыми из них США зафиксировали особые отношения: с Казахстаном подписана «Хартия о стратегическом партнерстве», с Узбекистаном – «Декларация о стратегическом партнерстве», с Республикой Таджикистан – «Совместное заявление».

Помимо Госдепартамента США программы демократизации в Центральной Азии разрабатываются и финансируются силами целого ряда негосударственных структур и фондов. Так, Национальные отделения Фонда Сороса действуют во всех странах региона кроме Туркменистана с целью оказания там помощи, как утверждает сам Джордж Сорос, «демократическому процессу». Действующий, например, с 1993 г. Фонд «Сорос–Киргизстан», поддерживает, как сказано на его официальном сайте, «гражданские инициативы», СМИ, сферу здравоохранения, культуры, образования, науки, экономические реформы.

Национальный фонд за демократию (National Endowment for Democracy – NED), официально созданный 6 ноября 1982 г. для финансовой поддержки в мире профсоюзов, ассоциаций и политических партий и формально действующий как частная организация, по признанию ряда экспертов, является на практике «всего лишь продолжением секретных операций ЦРУ другими средствами»¹⁹².

Новым элементом в современной американской стратегии в отношении Центральной Азии является проект создания централизованной и замкнутой на США надрегиональной структуры безопасности в географически переформатированной и «расширенной» Центральной Азии («Большой Центральной Азии»)¹⁹³, к пяти государствам которой пред-

¹⁹² Тьерри Мейсан. Сеть «демократического» вмешательства. Опубликовано на сайте: <http://www.inosmi.ru/translation/222419.html> 21.09.2005.

¹⁹³ См. подробнее: Starr F. Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*. 2005. № 3–4. July–August.

полагается «подверстать» Афганистан, Индию и Турцию – государства, открывшиеся, по американской версии, процессам демократизации. Основных соперников США – Россию и Китай – планируется отсечь от региональных процессов в силу того, что они не отвечают критериям демократических государств и не способны к тому же якобы создать условия для безопасного развития региона.

Но «Большая Центральная Азия» нужна США все же не столько для ухаживания за ростками демократии, сколько для того, чтобы безраздельно управлять всеми экономическими и политическими процессами в регионе без помех со стороны других внешнеполитических игроков (России и Китая), а также структур, где эти игроки лидируют (ОДКБ, ШОС). Между тем переводом стрелок в основном на демократизацию Центральной Азии по западным лекалам, а также на «сдерживание» здесь России и Китая, администрация Буша предопределила результаты своей политики в регионе, которая характеризуется ныне значительным снижением эффективности, поскольку потребности транзитных экономик государств региона требуют иных мер и подходов.

Да и в целом начавший было складываться в 1990-е гг. однополярный мир во главе с США демонстрирует ныне свою неспособность эффективно справляться с современными вызовами, а сами Соединенные Штаты стремительно теряют свое значение в качестве привлекательной модели общественного развития. В значительной мере это происходит потому, что США в целом стали сводить свое объективное лидерство и в мире, и в самой ЦА к силовому доминированию. Отторжение вызвала и практика Государственного департамента США по манипулированию внутривнутриполитическими процессами с помощью механизма так называемых демократических, или «цветных» революций.

Евросоюз увеличивает влияние в Центральной Азии

Европейский союз в силу своих структурных особенностей занимает особое место в Центральной Азии. Маастрихтский договор 1993 г. зафиксировал качественно новые параметры в политике ЕС, а именно – проведение более активной региональной политики за пределами Европы. В рамках этой политической линии ЕС подписал соглашения о партнерстве и сотрудничестве со всеми центральноазиатскими государствами. Это был, в первую очередь, символический акт: ЕС хотел обозначить свое присутствие в регионе. Позднее ЕС объявил «энергетический диалог» с Центральной Азией одной из ключевых целей внешней политики в рамках усилий, направленных на сокращение зависимости Европы от российских поставок. Этот курс совпадает и с целями Соединенных Штатов в регионе. Немаловажное значение для ЕС имеют и задачи ограждения Европы от наркопотоков и незаконной миграции.

Европейско-центральноазиатские отношения не отягощены прошлыми амбициями, и они – по сравнению, например, с отношениями США к процессам политической трансформации в Центральной Азии – имеют в своей основе более реалистичное содержание. В отличие от американской практики экспорта демократии, в том числе и военным путем, в Европе и особенно во Франции демократию трактуют, прежде всего, как *культурную* ценность, которая должна эволюционировать самостоятельно, без внешнего давления и в течение длительного исторического периода.

Геополитический интерес ЕС к региону Центральной Азии неуклонно растет, и уровень заинтересованности и участия европейцев в делах региона постоянно повышается. Так, Европейский союз учредил не так давно должность спецпредставителя по Центральной Азии. Председательст-

вовавшая в ЕС в 2007 г. Германия вплотную занялась разработкой нового документа – «Стратегия ЕС для Центральной Азии на 2007–2013 гг.». В ней была обозначена приоритетная цель ЕС в Центральной Азии – интенсификация отношений со странами региона не только в области экономики, но и в сфере безопасности и политического развития. Презентация новой европейской стратегии прошла 28–29 марта 2007 г. в столице Казахстана Астане в формате «Тройка ЕС – страны Центральной Азии» на четвертой по счету с 2004 г. встрече представителей Европейского союза с министрами иностранных дел государств Центральной Азии. ЕС предложил углубить сотрудничество с привлечением ресурсов таких международных структур, как ООН и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ); поддержали в ЕС и перспективу участия центральноазиатских государств в восстановлении Афганистана. Речь шла также о планах ЕС по оказанию помощи Центральной Азии в борьбе с наркоторговлей и бедностью, в подготовке сотрудников правоохранительных органов, строительстве новых дорог, нефте- и газопроводов. На это Брюссель ассигновал странам ЦА до 2013 г. около 750 млн. евро¹⁹⁴. В ответ центральноазиатским государствам следует, как считают в Евросоюзе, скорее осуществить демократические реформы и неукоснительно соблюдать права человека.

10 апреля 2008 г. в Ашхабаде прошла очередная встреча «тройки» Европейского союза со странами Центральной Азии на уровне министров иностранных дел. Однако же вопросы демократической трансформации не стали приоритетом этой встречи, поскольку главное внимание европейские эмиссары уделили переговорам с туркменским президентом относительно возможности подключения его страны, а также и Казахстана, к магистральному газопроводу «Nabucco»,

¹⁹⁴ <http://business.restate.ru/news/43496.html>

который предполагается пустить в Европу в обход России. Не взявший на себя конкретных обязательств, президент Г. Бердымухаммедов дал лишь обещание зарезервировать с 2009 г. для ЕС 10 млрд. куб. м газа в год¹⁹⁵.

В целом, стратегические задачи Евросоюза в отношении трансформации Центральной Азии можно охарактеризовать как «осторожная сдержанность». Подобный подход обусловлен во многом продолжающимся осмыслением в ЕС перемен в Восточной и Центральной Европе и трудным «перевариванием» Евросоюзом его новых членов. На политическом уровне, в первую очередь, в сфере безопасности, важность отношений ЕС с регионом определяется уже тем фактом, что все страны Центральной Азии являются членами ОБСЕ. По ряду оценок, дальнейшее расширение отношений с Центральной Азией будет однозначно полезным для ЕС в плане экономического и политического процветания государств региона. По мнению ряда европейских аналитиков, более сильная экономическая и дипломатическая вовлеченность ЕС в Центральную Азию и особенно в регион Каспия создала бы здесь противовес чрезмерной активности России, США, КНР и способствовала бы укреплению стабильности и демократических ценностей в данном регионе.

Некоторой спецификой отличается политика в Центральной Азии ОБСЕ, являющейся крупнейшей региональной организацией такого рода, объединяющей 55 участников из Европы, Центральной Азии и Северной Америки.

Существенным положением важнейшего документа этой организации (Парижской хартии 1990 г.) стал вывод о том, что Центральная Азия представляет собой неотъемлемую часть системы европейской безопасности. На протяжении 1990-х гг. на этом постулате базировалась стратегия ОБСЕ в регионе: она была направлена на распространение

демократии и помощи государствам в укреплении демократических институтов, в том числе и через мониторинг выборов представителями ОБСЕ. ОБСЕ действует в основном через систему созданных в ее недрах специализированных институтов: базирующегося в Варшаве Офиса по демократическим институтам и правам человека (Office for Democratic Institutions and Human Rights – ODIHR) и Представительства ОБСЕ по свободе средств массовой информации (OSCE Representative on Freedom of the Media).

Во всех странах Центральной Азии действуют Центры ОБСЕ, осуществляющие наблюдение за политической, экономической и законодательной деятельностью в республиках региона, фиксируя соответствие их политических систем стандартам демократического развития, признанным ОБСЕ. Раньше всего – 19 февраля 1994 г. – Центр ОБСЕ заработал в Душанбе. В 1998 г. они были учреждены в Алматы и Бишкеке, а в январе 1999 г. начал функционировать Центр ОБСЕ в Ашхабаде. Предметом особого внимания ОБСЕ стала Киргизия, которая всю первую половину 1990-х гг. воспринималась на Западе как «образцовая демократия». В Бишкеке же, в дополнение к имеющимся представительствам ОБСЕ, была создана Академия ОБСЕ, которая превратилась в форум для обсуждения проблем демократизации и прав человека для всей Центральной Азии.

Между тем и в США, и в странах Евросоюза понимают, что процесс трансформации центральноазиатских государств сопряжен с серьезными трудностями.

Так, например, оценивая деятельность центральноазиатских правительств в сфере демократизации, Европейский банк реконструкции и развития отметил на своей ежегодной встрече в мае 2003 г. в Ташкенте, что в отличие от многих стран Центральной и Восточной Европы, в Центральной Азии вместо движения к демократии и открытой экономике стала формироваться политическая и экономическая систе-

¹⁹⁵ *Коммерсантъ*. 15.04.2008. № 63 (3880).

ма, напоминающая больше «авторитарный феодализм», нежели демократию; экономика этих стран, зачастую искаженная государственным вмешательством и коррупцией, осталась в целом закрытой для свободной конкуренции. Проблема не только в отсутствии политической воли к проведению реформ, но во многих случаях – в активных политических мерах, противодействующих реформе, скрывающихся за фасадом прозападной риторики, призванной обеспечить приток кредитов и грантов¹⁹⁶.

Многие политики и государственные деятели США не строят иллюзий относительно быстрых перспектив утверждения демократии в ее западном понимании на центральноазиатской почве. Хорошо иллюстрирует такие взгляды высказывание конгрессмена и председателя Хельсинкской комиссии Соединенных Штатов Америки Кристофера Смита: «Всеми государствами региона управляют светские руководители, которые сотрудничают с Вашингтоном в борьбе против террористов... Однако, к сожалению, эти страны являются самыми серьезными нарушителями прав человека в пространстве ОБСЕ. На политической арене региона господствуют «суперпрезиденты», тогда как парламенты и судебные системы зависят от исполнительной ветви власти. СМИ находятся под тяжелым давлением правительств... В равной мере характерной чертой центральноазиатских государств является коррупция, которая не только обогатила правящие семьи и немногих из правящей верхушки, но и воспрепятствовала развитию свободных СМИ и независимых судов»¹⁹⁷.

Чрезвычайно резкие оценки ситуации с правами человека в регионе были даны на состоявшейся 1 мая 2003 г.

¹⁹⁶ Центральная Азия: последний шанс для перемен? // <http://www.caapr.kz/show.php?caa230503-01.htm>.

¹⁹⁷ Бюро международных информационных программ Государственного департамента США // www.usinfo.state.gov/30.11.2004/

в Вашингтоне первой Межпарламентской конференции «Свобода и права человека в Центральной Азии»: «Нынешняя Центральная Азия – это не постсоветское, а неосоветское общество. В регионе развитие общества идет в обратном направлении. Если Туркменистан дошел уже до сталинизма, то в Казахстане еще расцветает самая настоящая брежневская эпоха... Если положение не будет меняться в сторону демократии, то будущее у Центральной Азии – такое же, как у Центральной Африки. Те же войны, та же чудовищная коррупция, те же клановые конфликты... Так же, как и в Африке, после колонизаторов остались местные элиты, далекие от собственного народа. Нынешние же элиты в Центральной Азии не справляются с решением возникающих в обществе проблем»¹⁹⁸.

Социальная специфика центральноазиатских государств и концепции демократии

США и страны Евросоюза приложили немалые усилия к форсированию процессов либерализации в странах Центральной Азии. При этом американские политики, например, основываются на историческом опыте собственного государства, которое преуспело в быстром и успешном построении уникальной в своем роде модели либеральной демократии. Жизнь показала, что излишне поспешное конструирование в государствах Центральной Азии демократии западного образца не способно в краткосрочной перспективе принести желаемых результатов хотя бы потому, что такой подход не учитывает местной традиции «сакральности» исторического процесса, склонности восточных обществ к постепенным и неспешным преобразованиям.

¹⁹⁸ Там же.

Действительно, вместо помощи в создании необходимых институтов, благоприятных для роста демократической культуры, в Центральной Азии была предпринята попытка ускоренным путем взрастить такие политические институты, которые, как правило, лишь декорируют (имитируют) демократические преобразования, оставляя неизменной сложившуюся политическую систему, авторитарную по своей глубинной сути. Вместо учета того, что «новизна демократии» сама по себе является серьезным препятствием для процесса демократизации в Центральной Азии, народам региона в ряде случаев предлагался путь стремительно осуществляемых «бархатных революций». Да и в целом «установки на демократию», продвигаемые некоторыми представителями правящей американской элиты в период президентства Дж. Буша-мл. («неоконсерваторами») и не учитывающие наличия целого ряда внутренних угроз и вызовов безопасности в регионе, не отвечают специфике политического процесса в Центральной Азии, особенностям политической культуры региона.

Взять, например, такую демократическую процедуру, как выборы. Они в государствах Центральной Азии проходят либо в совершенно недемократической форме, либо в условиях «управляемой демократии», сильно отличаясь, таким образом, от выборного процесса, принятого на Западе, откуда, собственно, эта процедура и заимствована. В центральноазиатских государствах правящие господствующие группы в большинстве случаев любыми способами стремятся обеспечить победу лояльных себе кандидатов, и все претенденты включая и «оппозиционных» из многих форм работы с избирателями в качестве основной выбирают прямой подкуп и агитацию с помощью родственников. В этом контексте заключения наблюдателей на выборах от ОБСЕ или ПАСЕ относительно «нарушений процедуры выборов» в центральноазиатских государствах выглядят, как правило, формальными и наивными.

Нередки в политической истории центральноазиатских государств случаи, когда выхолащивается демократическая суть выборов, которые заменяются простым продлением полномочий действующих руководителей, в то время как депутаты подконтрольных властям парламентов переизбираются с использованием огромного административного ресурса, что порой превращает в основном предсказуемые по своим результатам выборы в чисто формальную процедуру. Но и активное внешнее вмешательство способно превратить выборы в детонатор острейших политических потрясений, подводящих общества, испытываемые на прочность выборами, к опасному балансированию на грани гражданской войны.

Нельзя не заметить также, что технология «бархатных революций», выбранная внешними стратегами в качестве тактической меры для ускоренной политической трансформации постсоветских государств и успешно апробированная в Восточной Европе, а затем на Украине и в Грузии, в Центральной Азии не сработала.

То, что произошло в Киргизии, только с большой натяжкой можно назвать «бархатной революцией» по американо-европейским лекалам, да и сама эта революция, названная «тюльпановой», по логике противоречила европейскому видению решения проблем демократизации. Ведь здесь произошел с применением насилия спонтанный государственный переворот, организаторы которого просто постарались использовать уже достаточно раскрученную «торговую марку» «цветочной революции», чтобы легитимировать свои действия в глазах окружающих, а главное – в восприятии международных институтов и экономических спонсоров¹⁹⁹.

В Узбекистане тоже имела место попытка задействовать «революционный инструментарий». Организаторы происшедших в мае 2005 г. в узбекской части Ферганской долины

¹⁹⁹ См. подробнее: Киргизский переворот. Март–апрель 2005. М., 2005.

трагических событий, эпицентром которых стал Андижан, похоже, позитивно отнеслись к призывам некоторых политических противников И. Каримова и его окружения насильственно сместить существующий в Узбекистане политический строй. Об этом чиновники от международных организаций, представляющие западный политический, идеологический и разведывательный спектр, прекрасно были осведомлены. Но в США и Евросоюзе андижанский мятеж все равно истолковали как в целом демократическое волеизъявление народа, выказавшего свое недовольство правящему режиму. Это послужило основанием для развертывания на Западе кампании, ставящей целью принудить власти Узбекистана допустить международное расследование. Оно напрямую связывалось с финансово-экономическими преференциями Узбекистану и его дальнейшим международно-политическим положением, что было воспринято официальным Ташкентом, как шантаж. Сами же андижанские события стали официально трактоваться как в Узбекистане, так и в России (теми немногочисленными политиками и средствами массовой информации, кто выказал поддержку действиям узбекских властей при подавлении андижанского бунта), серьезным вызовом национальной безопасности Узбекистана с использованием «демократического оружия».

Трудно не согласиться с теми, кто убежден, что «Андижан» мог бы привести к еще большему кровопролитию в регионе, поскольку в Центральной Азии все взаимосвязано, не приобрети события локальный характер, ограничившись лишь масштабами Узбекистана. Есть основания предполагать также, что действия международных институтов безопасности, совпавшие по времени с волнениями в Узбекистане, как и с более ранней дестабилизацией на юге Киргизии, свидетельствуют о попытках изменить геополитический ландшафт региона, начав с его наиболее проблемного звена – Ферганской долины. Отсюда – посредством смены

существующих режимов и приведения к власти прозападных либо антироссийских/антикитайских политиков – планируется, по всей видимости, возводить в регионе новую геополитическую конструкцию.

Будет ли такая конструкция опираться на демократические институты? Едва ли. Нигде в регионе они пока не пустили глубоких корней, и нет оснований надеяться на то, что положение в ближайшее время исправится. И дело здесь не в том, что народы Центральной Азии якобы не приемлют демократию. (Она, к слову, сама по себе вовсе не гарантирует успешного разрешения всех экономических и политических проблем, ибо известны случаи, когда демократическая форма правления не стимулировала экономического роста. Известны и примеры того, как благосостояние общества повышалось в условиях авторитарных режимов.) Просто в Центральной Азии не существует скоростных путей к демократии; демократию нельзя здесь построить при отсутствии других ключевых реформ, особенно на местном уровне. А реализовать такую задачу можно только в результате длительной и терпеливой работы с правительствами, какой бы утомительной такая работа ни оказалась.

Показательна ситуация с взаимодействием США и ЕС с крупнейшим и влиятельным государством Центральной Азии – Узбекистаном, где социальную специфику попытались подчинить разработанным на Западе концепциям «демократического транзита».

Будучи давним стратегическим партнером России, это государство оказалось в центре внимания западной дипломатии после событий 11 сентября 2001 г. На него же пал и выбор США, активизировавших поиск политических партнеров в Центральной Азии в период проведения международной антитеррористической операции в Афганистане. С точки зрения официального Ташкента, военное сотрудничество с США давало шанс на достижение ряда стратегиче-

ских целей. В тот момент узбекское руководство стремились свести к минимуму влияние самых сильных соседних держав – России и Китая, чтобы иметь возможность проводить самостоятельный политический и экономический курс. В то же время власти в Узбекистане надеялись, что США, а вместе с ними и НАТО, станут гарантами сохранения стабильности в стране, помогут в борьбе с исламистскими силами и в самом Узбекистане, и в регионе в целом.

Однако же тесное политическое и военное сотрудничество Вашингтонского Белого дома и Пентагона с «режимом И. Каримова» стало предметом критики со стороны как американских, так и международных правозащитных организаций. Их представители заявляли, что стратегические выгоды не должны оттеснять на второй план вопросы соблюдения прав человека, на которые официальный Ташкент не обращал, по мнению правозащитников, должного внимания. Не в последнюю очередь благодаря этому фактору, западные политические институты, предлагая Узбекистану сотрудничество, в 2003–2004 гг. стали выдвигать и политические условия. Ташкент отреагировал активизацией отношений с Россией и Китаем. Правящий класс республики постарался также обезопасить себя от угрозы «цветочных» революций путем ограничения деятельности иностранных организаций на территории страны и ужесточения контроля над их контактами с местной оппозицией. Так, в апреле 2004 г. официально было отказано в регистрации местному отделению Фонда Сороса. Позднее Центробанком Узбекистана были заморожены счета большинства неправительственных организаций, чьи проекты финансировались из-за рубежа. В мае 2004 г. Министерство юстиции Узбекистана «поставило на вид» Национальному демократическому институту международных отношений США и Международному республиканскому институту США за их связи с «незарегистрированными политическими структурами» – «Бирлик» и «Эрк».

Президенту И. Каримову неоднократно давали понять, что он сможет рассчитывать на поддержку серьезных представителей мирового сообщества только в том случае, если будет двигать свою страну по пути реформ. Если это направление во внутренней политике будет продолжено, то, несмотря на многие местные «особенности», у Ташкента появится шанс улучшить взаимоотношения с Западом, а возможно – и ситуацию в стране в целом. Это поставило руководство Узбекистана в положение ложного выбора: либо дать «расцвести всем цветам» – оппозиции, поощряемым Западом правозащитникам, т.е. открыть страну политическим битвам, способным, вероятнее всего, перерасти в перспективе в вооруженную гражданскую междоусобицу; либо продолжать курс на жесткое контролирование ситуации. Словом, требование следовать неукоснительно всем предписаниям западной демократии изначально было заведомо невыполнимым, поскольку совершенно игнорировало реалии Узбекистана, те объективные обстоятельства, которые не могут не учитываться при оценке внутривнутриполитической ситуации в Узбекистане.

Первое обстоятельство связано с особенностями политических пристрастий узбекских избирателей. В Узбекистане партии, традиционно относимые к числу демократических и являющиеся предметом особого внимания и заботы Запада, хотя и позиционируют себя как сила, противостоящая власти и защищающая демократический выбор, массовой поддержкой не пользуются. По некоторым данным, из 26 млн. жителей Узбекистана «демократические» партии сумели привлечь на свою сторону во время парламентских выборов, прошедших 26 декабря 2004 г., всего лишь 680 тыс. человек, т.е. около 2,7% от общего населения²⁰⁰.

²⁰⁰ Назаров С. Обреченные на демократию // <http://www.gazetaSNG.ru/24.03.2004/>

Несомненно, для снижения популярности «демократов» в Узбекистане и других странах Центральной Азии немало сделано правительственной пропагандой: она, как правило, изображает демократические партии как проводников ценностей, якобы чуждых восточному обществу; упор делается и на то, что эти партии «кормятся» в основном из западных фондов и источников, что в общем-то не столь далеко от истины, однако вовсе не превращает автоматически всех узбекских демократов и правозащитников в «агентов влияния» Запада. Главная же причина непопулярности демократических партий, а в более широком плане – и самой идеи демократизации, видится в ином.

Жителям Узбекистана и других центральноазиатских республик, где средняя месячная зарплата составляет не более 30 долларов, а в сельской местности, выживающей в условиях практически натурального хозяйства, – и того меньше, – не до демократических прав и свобод. Для них термины «демократизация», «гражданское общество», «права человека» и другие – пустой звук. Несравненно большим авторитетом среди них пользуются религиозные лидеры, говорящие с ними на одном языке, предлагающие ясную и понятную перспективу построения исламского общества *социальной справедливости* и, что немаловажно, весьма неплохо оплачивающие своих сторонников. Так, присоединившимся в 1990-е гг. к Исламскому движению Узбекистана, возвращенному его лидером Джумой Намангани на доходы от торговли героином, платили от 100 до 500 долларов в месяц – суммы, огромные для Узбекистана и несопоставимые с мизерными зарплатами воевавших против ИДУ военнослужащих правительственных войск. Не удивительно, что безработная и лишенная социальной перспективы молодежь составила костяк ИДУ.

Второе обстоятельство, не позволяющее официальному Ташкенту ослаблять политические вожжи – угроза экстре-

мизма и терроризма с религиозным «лицом», обусловленная важным геополитическим положением этого государства и сохранением в Ферганской долине влиятельных очагов центральноазиатского исламистского экстремизма, который включает в себя и группы так называемых ваххабитов. В сохранении религиозно-политической напряженности в Узбекистане играют свою роль и другие факторы: последовательность и жесткость, с которыми власть ведет борьбу с проявлениями исламистского экстремизма и терроризма; посильная помощь, оказываемая с 2001 г. Ташкентом силам международной коалиции по урегулированию ситуации в Афганистане; и главное – социальная нестабильность, постоянно подпитываемая безработицей и инфляцией, большее всего ударяющая по молодежи, составляющей почти половину населения Узбекистана. В такой ситуации даже острое противостояние властей экстремизму и терроризму не может помешать интенсивному процессу исламизации.

Третье обстоятельство – неодинаково воспринимаемые террористические атаки с использованием смертников (они произошли в марте и июле 2004 г. в Ташкенте и Бухаре) в Центральной Азии, России и Китае, с одной стороны, и на Западе – с другой. В первых случаях президента Узбекистана не осудили за то, что он по-восточному «круто» отреагировал на эти бесчеловечные акции. Что касается Запада, то его влиятельные организации, аналитики и правозащитники призывают решать проблемы терроризма в Центральной Азии путем прекращения преследования «мирных исламистов» (некоторые правозащитники даже видят в исламистах «строителей гражданского общества в Узбекистане»²⁰¹), вести политический диалог с теми из них, кто использует ненасильственные средства для установления исламских порядков.

²⁰¹ *The Washington Times*. 02.02.2004.

Но едва ли к снижению риска террористической угрозы в Узбекистане может привести прямое следование этим призывам, которые, как представляется, исходят от людей, не желающих понять восточную ментальность: в отличие от западного мира, где идея консенсуса внутри гражданского общества лежит в основе политической культуры, на Востоке уступки воспринимаются как слабость, требующая немедленного усиления давления. Есть и другая серьезная опасность: в случае отступления от борьбы с исламистами альтернативой нынешнему «просвещенному авторитаризму» в Узбекистане с его вполне предсказуемым и светским режимом реально может стать исламистская диктатура.

Понимание этого, а также сильная экономическая и стратегическая заинтересованность США и ЕС в сотрудничестве с Узбекистаном, предопределили смягчение их позиций: Узбекистан все активнее вовлекается в патронируемую ЕС центральноазиатскую энергетическую стратегию сотрудничества; 14 мая 2007 г. ЕС снял запрет на выдачу виз для ряда высокопоставленных узбекских должностных лиц, хотя и сохранил еще на один год эмбарго на поставки европейского оружия Узбекистану и другие санкции; президент Каримов, принявший участие в прошедшем 3–4 апреля 2008 г. саммите НАТО в Бухаресте, заявил, что его страна готова к обсуждению и подписанию с НАТО Соглашения об обеспечении коридора и транзита через свою территорию по доставке невоенных грузов в Афганистан силам международной коалиции.

Примечательно, что при этом внутриполитическая ситуация в Узбекистане не претерпела значительных изменений, иллюстрацией чему могут служить президентские выборы 23 декабря 2007 г., победу на которых, как мало кто сомневался, завоевал действующий президент. Правозащитники и отдельные политики на Западе признали сам факт выдвижения И. Каримова на третий срок нарушением

Основного закона страны и действием, не имеющим ничего общего с демократией, а небольшие группы наблюдателей от Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ признали эти выборы несправедливыми, несвободными и недемократическими. Однако лидеры США и ЕС, ограничившись критическими замечаниями, не стали поднимать шум, что говорит о вынужденном признании ими безальтернативности на сегодняшний день каримовского режима – пусть авторитарного, но, по крайней мере, светского. К тому же официальный Ташкент на всем протяжении 2007 г. подавал западным столицам сигналы относительно возможности сближения.

Что касается Киргизии, то там сочетаемые с местными социальными реалиями рецепты «демократической трансформации», продвигаемые неправительственными организациями Запада, лишь цементируют здание «имитационной демократии».

Есть ряд серьезных негативных последствий политики «открытых дверей», проводившейся Бишкеком всю первую половину 1990-х гг. Это: фактический неокOLONиальный статус страны и ее полная зависимость от финансовых вливаний Запада, без дотаций которого экономика республики уже не может существовать; нарушивший социальную стабильность и региональное равновесие передел собственности; усиление соперничества между политическими и хозяйственными элитами севера и юга страны; обострение проблемы регионализма.

Но если в начале своего правления президент Киргизии А. Акаев вполне устраивал Запад, то последние несколько лет были отмечены активностью последнего по организации и поддержке антипрезидентской оппозиции. Инструментом воздействия на ситуацию стала сеть неправительственных организаций, которыми Киргизия буквально напихована: отделения USAID, Freedom House, Национального демокра-

тического института, Информационных центров демократии и прочих организаций, которые имеются в каждом районном центре и чуть ли не в каждом селе.

Итоговая ситуация в Киргизии после победы «тюльпановой революции» настолько неоднозначна, что может привести не к усилению демократических институтов, а к общему ослаблению государства, стимулировать процессы, совершенно не выгодные ни самой правящей группе, ни Западу. В первую очередь речь идет о потенциале усиления криминалитета, связанного с наркотрафиком, а также о других вызовах безопасности: росте исламистских организаций на юге или нарастании радикальных настроений, что делает внутривнутриполитическую ситуацию непредсказуемой.

Таким образом, на примере Узбекистана и Киргизии очевидно, что «демократическое мессианство» Запада способно становиться фактором нестабильности.

Есть также основания полагать, что всему региону предлагается такой социально-экономический курс, который заведомо исключает в Центральной Азии альтернативные пути развития и предусматривает только варианты, выгодные Западу и лояльным ему местным элитам. Такая апробированная американцами в ряде стран Латинской Америки модель допускает высокий уровень бедности на фоне очень высокого уровня благосостояния местных элит. И такой курс направлен на то, чтобы от освоения ресурсов страны выгоду, в первую очередь, получали американские инвесторы, в какой-то мере делящиеся с местными правителями, а также их европейские, турецкие или арабские партнеры.

Особенности трансформации в странах региона

Путь каждой из центральноазиатских стран к демократии достаточно извилист, и уж точно не может быть одина-

ков для всех. Для отдельных стран (Туркменистан) рассуждения о демократическом выборе давно потеряли всякую актуальность. Другие «застряли в переходе» к демократическому транзиту и скорее двигаются в сторону тех или иных форм авторитаризма, а их политические системы, при внешнем сохранении институтов и процедур плюралистического общества, дрейфуют в сторону формирования модели *управляемой*, или, иначе – *имитационной*, демократии.

Внедрение такой модели облегчено тем, что местные элиты в своем подавляющем большинстве сформировали своеобразную систему «семейно-бюрократического капитализма»²⁰². Правящий класс в государствах региона готов любой ценой удерживать власть, и он не намерен делиться ею ни с одной политической силой. А поскольку у местных правящих и господствующих групп нет уверенности в возможности сохранения власти легальным демократическим путем, они идут на всевозможные ухищрения. Одно из них – совершенствование системы «управляемой демократии», при которой политическая оппозиция либо вовсе лишается возможности участвовать в выборах, либо раскалывается и вытесняется искусственно созданными партиями, блоками и объединениями проправительственных сил. Предназначение последних – украшать собою фасад «витринной демократии», участвуя в разыгрываемой властями политической игре, но не имея никакой реальной роли в политическом процессе и выполняя на практике функцию приводных ремней «партии власти». К этому следует добавить и работу по «усовершенствованию» законодательной базы выборов, включая сюда и переписывание определенных статей конституции.

Отсутствие демократии не сказывается как будто бы на внутривнутриполитической стабильности центральноазиатских

²⁰² Румер Б. Центральная Азия – десять лет спустя // Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы. Алматы, 2002. С. 7.

государств, ситуация в которых внешне остается вполне спокойной. Похоже, не обходится без твердой руки государства и борьба с застарелыми вызовами и угрозами, порождаемыми в самом регионе, а также с угрозами транзитными, идущими в Центральную Азию из приграничных государств. Но за такой относительной стабильностью скрываются многие взрывоопасные проблемы и противоречия: плохо работающая экономика, не способная приблизить уровень жизни населения даже к периоду, предшествовавшему распаду СССР; растущая экономическая зависимость от одного-двух экспортных товаров, что увеличивает риск экономических потрясений, коррупции и гражданских конфликтов; непредставительные политические структуры с ограниченными механизмами передачи власти; неспособность наладить действенное региональное сотрудничество по ряду ключевых вопросов – от охраны границ и безопасности до торговли и распределения водных ресурсов; неспособность противостоять росту экстремистских политических и религиозных групп; организованная преступность, в особенности связанная с переправкой наркотиков из Афганистана; проблемы молодого и быстро растущего населения, имеющего ограниченные перспективы в сфере образования, трудоустройства и здравоохранения.

Ведущаяся в государствах Центральной Азии борьба между властью и оппозицией – это лишь видимый постороннему глазу процесс. В действительности же в Центральной Азии, в отличие от привычного западной цивилизации партийно-политического фактора, намного сильнее воздействуют на внутреннюю политику региональные, клановые, земляческие, родовые объединения, существующие неформально в отличие от партийно-политических. К тому же социальная специфика, политическая культура, да и история народов региона, заранее обрекают любую «бархатную» (т.е. ненасильственную) революцию на перерастание в кро-

вавую междоусобицу. Ведь и межтаджикский конфликт начинался с мирного противостояние двух площадей, на которых собирались политические соперники, а закончилось это все большой кровью. Воспоминание о той трагедии, возможно, и побуждает центральноазиатских правителей к большей осмотрительности и осторожности, ибо любое резкое движение способно привести в Центральной Азии к дестабилизации, к непоправимым последствиям.

Так что, хотя и есть основания считать, что местные власти – в Узбекистане ли, в Казахстане, Киргизии, Таджикистане – порой намеренно преувеличивают угрозу исламистского экстремизма, чтобы оправдать ограничения на права и свободы, получить дополнительные средства от западных государств-доноров, ситуация в странах региона остается тревожной. В чем-то она даже напоминает период 1980-х – начала 1990-х гг., когда исламское движение активизировалось, но тогда, увы, кульминацией этого процесса стала гражданская война в Таджикистане. Можно, исходя из этого, предположить, что в будущем при известном стечении обстоятельств в каких-то частях Центральной Азии может установиться модель «исламской демократии», тем более что ни в одном государстве региона так фактически и не создано нормально, а не номинально функционирующих демократических систем, и здесь отсутствуют надежные механизмы передачи власти.

«Западный» рецепт предусматривает плюрализацию политической жизни, проведение свободных и контролируемых зарубежными наблюдателями выборов с возможно большим количеством участников. Эту модель Соединенные Штаты в настоящее время внедряют в самых разных странах: в одних случаях с помощью военной силы (Афганистан, Ирак), в других – посредством политического давления (Ливан, Египет). Однако для центральноазиатских лидеров такой вариант едва ли представляется приемле-

мым – ведь он предусматривает возможность поражения на выборах, последствия которого существенно отличаются от европейских. Смена власти в азиатских государствах, как правило, влечет за собой не цивилизованный уход в оппозицию, а масштабный передел сфер влияния в области политики и экономики.

Еще одной проблемой является характер оппозиции. В центральноазиатских государствах зародившаяся с начала 1990-х гг. демократическая традиция, политический плюрализм имеют еще очень слабые основания. Здесь также нет (в отличие от Ирака, например) относительно укорененной среди населения политической эмиграции, представители которой, в случае прихода к власти, могли бы заручиться поддержкой части населения. В государствах Центральной Азии основной альтернативой власти по сути являются радикальные исламисты. И им-то «западный рецепт» демократизации открывает возможности не только для легализации, но и для прихода во власть.

Следовательно, политическая логика подталкивает центральноазиатских руководителей к принятию рецепта, сориентированного не столько на демократизацию, сколько на стабильность, на сильную власть, на сохранение действующего режима, которому дается карт-бланш в вопросе противостояния оппозиции, особенно если последняя прибегает к вооруженным методам борьбы. Искусственно же внедряемая без учета местной специфики демократическая модель не способна справиться с реальными вызовами все еще полуфеодального общественного устройства, что чревато хаосом.

ВЫВОДЫ

Изменения на постсоветском пространстве, актуализируют проблему трансформации, выявления общих и особых черт перехода того или иного государства из одного качественного состояния в другое. Теоретически вопрос, казалось бы, достаточно ясен. Трансформационный процесс зиждется на преодолении существенных элементов старого порядка, выработке новых целей и формировании новых специфических способов их достижения, нацелен на новое качество явления или системы.

Однако единой технологии трансформационных перемен нет, и оптимальную политику преобразований каждой стране приходится выработать самостоятельно, исходя из трезвой оценки специфики исторического развития, ментальности населения, наличия материальных и людских ресурсов для проведения преобразований.

Первый вывод, который следует из опыта социально-экономической и политической трансформации большинства транзитных стран вообще и государств Центральной Азии в частности, заключается в том, что политическая либерализация не должна опережать либерализацию экономическую. Политические реформы могут проводиться только тогда, когда они начинают тормозить экономические преобразования, а их основная задача – регулирование степени вмешательства государства в социально-экономическую сферу и формирование единых и принимаемых всеми «правил игры». Там, где была попытка поступить наоборот, реформаторы не достигли успеха, и кое-где сегодня вполне очевидна угроза исчезновения национальной государственности.

Отсюда следует, что в период трансформации государство играет одну из первостепенных ролей как в организа-

ции экономики, так и в организации общества и самого себя; то, что «рыночная экономика» – самоорганизующая общество категория, а активизация роли государства в переходном обществе непременно ведет к усилению авторитарности власти – просто миф. Но миф, становящийся реальностью в условиях непродуманности политики государства и доминирования в его деятельности бюрократического начала.

Вторая особенность вытекает из отсутствия сформированного гражданского общества, альтернативой которому выступает государство. Отсюда – специфика трансформации собственности на средства производства, связанная с тем, что государство объявляет себя юридическим собственником средств производства. Это и служит той первоосновой, на базе которой формируются негативные тенденции в политической и социальной сферах, в том числе и политическая практика так называемого «авторитарного отката».

Специфика трансформации собственности на средства производства определяет и особенности процесса формирования новых социальных страт, идущего в трех направлениях. На одном полюсе формируется неверно ассоциируемая с национальной предпринимательской буржуазией бюрократическая (компрадорская) буржуазия, использующая в своей практике экономическое и внеэкономическое господство и стремящаяся навечно закрепить его путем спекуляции на многочисленных функциях государства через систему «право–привилегия». На другом – различные социальные группы, в той или иной мере сумевшие приспособиться к новым производственным отношениям: рабочие и служащие некоторых промышленных предприятий; перешедшие к традиционным формам организации труда фермерские хозяйства; работники сферы обслуживания («челноки», мелкие и средние торговцы и ремесленники, некоторые категории научно-технической интеллигенции и т.д.). На третьем – гигантская масса деклас-

сированных элементов, формально выброшенных из общества, но фактически составляющих его неотъемлемую и, что наиболее опасно, постоянно растущую часть.

Другими словами, трансформация собственности на средства производства, призванная решить задачу формирования свободных персонифицированных собственников и свободного рынка, реальных экономических и правовых отношений, формирования массового среднего класса, фактически эту задачу не решила. Более того, в Центральной Азии общество оказалось расколотым на меньшинство собственников и большинство несобственников в духе именно прав–привилегий в сфере собственности и иных отношений. Государство, объявив себя юридическим собственником средств производства, фактически само создало условия для возникновения симбиоза власти и собственности, столь характерного для феодальной стадии развития общественных отношений.

В-третьих, наличие демократического институционального набора не тождественно наличию демократии. Надо учитывать то, что представляют собой эти институты: что они могут, как осуществляется их деятельность и самое главное – на что направлена эта деятельность. Проблемы их функционирования также связаны со спецификой процесса приватизации. С началом процесса трансформации собственности на средства производства в постсоветской редакции в политической сфере развернулась борьба между вертикально-горизонтальными звеньями государства за право быть субъектами созданной государственной собственности, которая создала специфику формирования новых политических элит и определила мотивацию их деятельности.

В процессе приватизации собственниками «государственной собственности» могли стать и стали не все желающие, а отбор «некоторых» из общего числа осуществлялся не стихийно, а вполне управляемо – государство, как власть

и как исходный собственник, определяло, кому и на каких условиях предоставляется собственность, поэтому все рудименты бывшей номенклатурной системы остались в неприкосновенности. Более того, они оказались внесены в сегодняшнюю кадровую систему. Хотим мы того или нет, но даже новая генерация кадров, приходя в эту систему, вынуждена играть по ее правилам.

Отсюда, с одной стороны, проблемы, связанные с закрытостью политической системы и доминированием в кадровой системе не принципа профессионализма, а принципа личной выгоды, и как следствие – коррупция во всех эшелонах административно-управленческого аппарата и превращение ее в своеобразную системообразующую вертикаль.

С другой - происшедший раздел собственности привел к возникновению предпосылок для процесса формирования полицентризма, одновременного существования множества самостоятельных центров власти–собственности, по своей сути запрограммированных и ориентированных на утверждение (в меру возможности) своей независимости, на отрицание, или хотя бы максимальное ограничение суверенитета объединяющего их государственного целого. Интересы же региональных элит и определенных финансово-промышленных групп, как в экономике, так и во внешней и внутренней политике, отнюдь не всегда совпадают с интересами государства.

Поскольку в этих условиях единственным системообразующим фактором может выступать президентская вертикаль, на постсоветском пространстве при наличии полного институционального набора демократии почти повсеместно наблюдается авторитарный откат.

Плохо это или хорошо, вопрос спорный. На этапе транзита, по-видимому, другого не дано. Но проблема состоит в том, что наличие самостоятельной президентской власти не способствует формированию других властных сдержек и

противовесов, и когда системоустойчивая функция президента подходит к своему логическому завершению, политическая система оказывается в тупике. И проблема не в личности президента. Проблема в том, что на сегодняшний день центральноазиатские государства пока не готовы к конкуренции элит, а потому вопрос о полноценной электоральной демократии отодвигается на второй план.

Как справедливо подчеркивает А.Ю. Мельвиль, «практика демократических транзитов “третьей волны” показывает, что формальная “инаугурация” демократии, т.е. провозглашение демократических институтов и процедур “электоральной демократии”, отнюдь не предопределяет общий исход трансформационных процессов. Формальные электоральные процедуры зачастую представляют собой не ключевой компонент электоральной демократии как промежуточной фазы на пути к демократической консолидации, о чем так любят говорить оптимисты “глобальной демократизации”, но совершенно иной политической феномен - а именно, трансформацию одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией “новой автократии”»²⁰³.

Нельзя не обратить внимания и на внешнее влияние, под сильнейшим воздействием которого протекает процесс трансформации почти во всех государствах постсоветского пространства. Это влияние канализировано по трем направлениям. Во-первых, путем заимствования иностранного капитала. Во-вторых, путем заимствования западных теорий, западных моделей построения демократического общества. И наконец, в-третьих, путем организации новой геополитической игры, в которую оказались втянуты в качестве статистов все государства региона.

²⁰³ Мельвиль А.Ю. О траекториях посткоммунистических трансформаций // *Полис*. 2004. № 2. С. 71.

Возникает вопрос: каковы предельные объемы иностранных инвестиций? как и насколько эффективно они используются? Большинство не только транзитных, но и вполне сложившихся государств демонстрируют, что использование иностранного капитала в экономике страны само по себе не содержит потенциальной угрозы. Проблемы возникают тогда, когда государство «подсаживается» на «инвестиционную иглу», а практика передачи (фактически продажи) отечественных предприятий под иностранное управление приобретает катастрофические масштабы. Результатом этого процесса становится усиливающееся верховенство компрадорской деятельности и компрадорских групп над группами работающими (или пытающимися это сделать) на внутренний рынок и на развитие отечественного производства.

Данное явление знакомо практически всем странам, находящимся в процессе трансформации. Это вполне объяснимо: рынок сразу же нащупывает наиболее быстрый и легкий способ зарабатывания денег. Однако опыт стран, наиболее успешно прошедших процесс трансформации, как раз и подтверждает, что главную роль в вытеснении компрадоров на второй план играет государство. Там же, где государство «сбрасывало» с себя эту ответственность, его крах наступал достаточно быстро.

При этом всегда возникает вопрос либо о пределах вмешательства государства в социальную и экономическую сферы, либо о степени негативных последствий в случае, когда государство «сбрасывает» с себя эту ответственность. О последствиях второго случая уже говорилось. Что касается первого, то здесь необходимо иметь в виду не столько вмешательство/невмешательство государства в социальную и, особенно, экономическую сферу, а скорее «правила игры», устанавливаемые государством, об оценке эффективности проводимых реформ, о цене, которой они оплачиваются.

В том случае, когда обслуживается принцип «цель оправдывает средства» и не учитывается количество летящих при рубке леса «щепок», за спиной реформатора остаются моря крови и слез, общество поляризуется, и возможность для социальной интеграции исчезает. Чтобы избежать подобного результата, необходимо заранее договориться о границах допускаемой цены, превышение которой является абсолютным и беспрекословным требованием смены курса. Другими словами, требуется достижение консенсуса в обществе, который бы давал политическому лидеру карт-бланш в его действиях.

Очевидно и другое: предварительным условием процесса политической модернизации является наличие рыночных экономических преобразований, устойчивость которых в свою очередь базируется на *безусловной власти закона и общественной согласии*. Более того, на *доверии народа к государственной власти*. Очевидно и то, что *продолжение экономических реформ и политических преобразований требует субъективного, волевого воздействия на этот процесс со стороны государственной власти*, которая, создавая условия для демократической трансформации общества, способна обеспечить не только политическую стабильность в нем, но – что не менее важно – осязаемые результаты экономических реформ.

Вторая проблема связана с тем, что теоретические и аналитические изыскания построены на западных теориях. И здесь возникает вопрос: насколько теория западной демократии адекватна ситуации на постсоветском пространстве и в Центральной Азии в частности?

По сути дела, описывая и анализируя тенденции социально-политического развития в Центральноазиатском регионе, многие исследователи поддались вполне объяснимому искушению и начали подгонять происходящие в нем трансформации под единый линейный вектор – от распада тех или иных разновидностей авторитаризма к постепенно-

му выстраиванию консолидированной демократии либерального типа. На самом деле происходящие в регионе процессы свидетельствуют о том, что процесс транзита рядом государств уже завершен, и в них сформировались вполне консолидированные политические режимы нового типа, не учтенные в укоренившихся представлениях о транзите.

Непосредственно с этим связан и вопрос о том, каким образом пробудить на уровне социальной системы энергию самоорганизации. При этом мы можем сколь угодно долго спорить о целесообразности государственной идеологии, но заполнить идеологический вакуум чем-то все равно необходимо. Его можно заполнить абстрактными идеями и мифами, цена которым в скором времени становится очевидной, а можно – целостным пониманием того этапа развития, на котором находится общество, выявив стержневую идею самоорганизации и активные социальные силы, способные не только реализовать себя в новых условиях, но и идти дальше, придерживаясь предлагаемых «правил игры».

Цементирующая общество ключевая идея государственного возрождения дает национальному лидеру карт-бланш в его действиях и способствует мобилизации политической и экономической активности населения. Эта идея может базироваться на различных основаниях, но должна включать множество факторов: экономические, этносоциальные, культурно-языковые, конфессиональные реалии переходного общества, различать уровень политической культуры масс и господствующих политических элит, позволяющий конструировать механизм достижения консенсуса в обществе.

Третья проблема связана с фактом противостояния в регионе основных геополитических игроков – России, США и Китая. Вопрос здесь один, как вести себя фактически несамостоятельным во внешней политике молодым государствам?

В силу их экономических, военных и политических возможностей, для государств региона неприемлема поли-

тическая тактика более самостоятельных геополитических игроков. Они не могут, да и не должны однозначно принимать позицию лишь одной из сторон. В основе их политики, по-видимому, должен лежать принцип равноудаленности от прямой поддержки интересов той или иной стороны. Главная задача их внешней политики – избежать прямой вовлеченности в противостояние и более того – в некоторой степени за счет именно этого противостояния получить дополнительные ресурсы для своего собственного развития и обеспечить свою безопасность, постепенно достигая необходимого уровня самодостаточности.

И наконец, самая главная проблема – где выход из тупика политической трансформации, если иметь в виду перспективу демократической модернизации? Готовых рецептов здесь нет, и каждому из государств Центральной Азии, по-видимому, придется нащупывать собственную модель дальнейшей трансформации.

Правда, есть общие закономерности, которые игнорировать невозможно. И главная из них заключается в том, что необходимо активно создавать предпосылки для формирования гражданского общества, прежде всего, массового формирования определенного типа самодостаточных и самоценных личностей, способных конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов, ценностей, а также способных подчинять свои частные интересы и способы их достижения общему благу, выраженному в правовых нормах.

Для формирования такого типа социальных субъектов необходимы определенные институциональные предпосылки, прежде всего базовый минимум демократических прав и свобод, делающий возможными и законными как автономию личности, так и самоорганизацию граждан для отстаивания общих интересов и целей. Однако одних лишь институциональных предпосылок недостаточно. Не меньшую

роль играют предпосылки культурные и социально-психологические. Субъектами гражданского общества могут быть, во-первых, только люди, знающие, что собственные действия – наилучший способ защиты своих интересов, решения волнующих их экономических, социальных, политических проблем. Во-вторых, реальный или потенциальный субъект гражданского общества – это человек, уверенный в том, что добиться значимых результатов можно, лишь объединив свои действия с действиями других людей.

Существенное, если не определяющее, значение для функционирования гражданского общества имеют условия, создаваемые для формирования многочисленного среднего класса. И главное среди этих условий – массовое наличие персонифицированных собственников. Что для этого нужно? Во-первых, полное отделение государства и чиновника от бывшей социалистической собственности как условие формирования свободных собственников и свободного рынка, настоящих экономических и правовых отношений, независимого от политической власти гражданского общества – и формирования на этой основе правовой государственности. Во-вторых, целенаправленная политика государства по вытеснению компрадорской деятельности на второй план и ее замена производственной, что требует поощрения одних групп и определенного ограничения других. В-третьих, целенаправленная социально-экономическая политика, призванная обеспечить воспроизводство тех социальных ресурсов, из которых государство черпает себе поддержку и создает предпосылки для расширенного воспроизводства своей деятельности, а также обеспечения стабильности всей общественной системы.

Принципиально важным является демистификация власти, превращение ее из священнодействия в обычную квалифицированную работу. Для этого необходимо добиваться гласности осуществления власти на всех уровнях, юридиче-

ской регламентации всех властных функций. Власть должна перестать быть источником привилегий как материальных, так и духовных. Возможность гражданина критиковать представителя власти препятствует благоговению перед ней. Необходимо организационно обеспечивать возможности карьеры, не связанные с выполнением властных функций. Верхние ступени социальной лестницы должны перестать ассоциироваться с властью.

Исключительно важным является выведение из-под контроля государственной власти всего, что не связано с обеспечением безопасности. Создание новых горизонтальных структур и систем общения между людьми – клубов, гильдий, ассоциаций – любых демократически управляемых и не связанных с государством организаций способствует сдвигам в политическом сознании больше, чем призывы к «необходимости ускорения демократических преобразований».

Преобладание высокоцентрализованных государственных институтов устраняет развитие сильных и автономных групп по интересам, объединений и политических партий. Напротив, автономные движения и организации служат сдерживанию тенденции со стороны государства централизовывать и расширять свою власть, способствуют введению гражданской подотчетности и контроля. Они расширяют массовое участие в политическом процессе, дополняя формальную арену определенными неофициальными каналами, могут усилить формальные институты демократии, такие, например, как суды. Они же служат единственной гарантией постепенной трансформации «парламентского авторитаризма» в «парламентскую демократию».

Следующая проблема, общая для всех стран, осуществляющих переход к демократии, – это формирование политических партий и партийных систем. Существует необходимость развивать и усиливать те институты, которые выража-

ют и обобщают общественные интересы и противостоят тенденции государства концентрировать исполнительную власть. Сильная законодательная и судебная власть так же важны для демократии, как и пресса, группы, выражающие общественные интересы. Сердцевиной развития демократии должно стать постепенное усиление организационной инфраструктуры власти законодателей как решающего признака политической институционализации.

Типографская страница